А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р институт языкознания

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ IX

 $\mathbf{5}$

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

РЕДКО-Л/ЛЕГИЯ

О. С. Ахманова, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный репактор). В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), А. И. Ефимов,

H.~M.~Kонрад (зам. главного редактора), $B.~\Gamma.~Орлова,~\Gamma.~\Pi_{\bullet}$ Санжеев. В. А. Серебренников, Н. И. Толстой (п. о. отв. секретаря редакции). А. С. Чикобава, Н. Ю. Шеедова

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Е 8-75-55

В. В. ВИНОГРАДОВ

об омонимии и смежных явлениях

1

Вопрос об омонимии издавна привлекал к себе внимание как лингвистов, так и философов. Иногда отмечалось, что наличие омонимии противоречит логичности языка и рациональной целенаправленности языкового знака, единству знака и значения, основному «закону языкового знака» 1. Интерес к изучению омонимов, их происхождения и развития в отдельных языках, а также в семьях и группах родственных языков, к изучению функций омонимов, их типов и условий их сохранения и употребления в том или ином языке то разгорался, то ослабевал и даже погасал в разные периоды истории науки о языке. В настоящее время проблеме омонимии придается очень большое значение в самых разнообразных лингвистических концепциях и в самых различных областях лингвистического исследования. Круг вопросов, связанных с омонимией, пирок: способы разграничения и выделения омонимов — семантические, морфологические, словообразовательные, синтаксические — на различий в формах сочетаемости, реакция языка на омонимию, утрата слов в силу омонимии, устранение омонимии путем лексических заимствований, нерегулярные, обусловленные омонимией изменения звуковой формы слов, преобразования морфологического состава слов для избежания омонимии, новообразования в приемах сочетания морфем и слов, порожденные «борьбой» омонимов, задерживающее действие фразеологических выражений при отмирании омонимов, степень «терпимости» разных языков к омонимии, явления аттракции или контаминации при омонимии, дифференциация значений у омонимов и омонимических форм, структурные различия между омонимией и полисемией, пределы и возможности омонимии в системе знаков и многое другое².

В нашем отечественном языкознании изучение проблемы омонимии, начатое еще в эпоху позднего средневековья (в XVI и XVII вв.), велось не только с лексико-семантической, но и со структурно-грамматической, а также словообразовательной точек зрения. Еще в первой четверти XIX в. И. Ф. Калайдович в своем «Опыте правил для составления русского производного словаря» выдвигал как основу разграничения омонимов (наряду с признаками семантической разъединенности или несоединимости значений) различия в формах синтаксической сочетаемости (например, для глаголов — в управлении) и в способах образования производных слов. Так, предлагалось считать разными словами — вследствие противопоставленности их грамматических свойств — такие три глагола заговоримь: «І. Заговоримь ,, начать говорить" — требует вин. веши и не имеет страдат. причастия. II. Заговоримь ,, разговором утомить" — тре-

¹ См. Ch. Bally, Le language et la vie, 3-me éd., Genève — Lille, 1952, стр. 37—40.

² См., например: E. Öhmann, Über Homonymie und homonyme im Deutschen, «Annales Academiae scientiarum fennicae», Ser. B, Bd. XXXII, Helsinki, 1934; E. R. Williams, The conflict of homonyms in English, London, 1944; R. Godel, Homonymie et identité, «Cahiers Ferdinand de Saussure», 7, Genève, 1948 имн. др.

бует вин. лица и род. с предлогом до (заговорил его до обмороку). III. Заговорить "заворожить" — требует или вин. вещи и род. с предлогом от или вин. лица и употребляется в страдат. причастии (заговорить ружье; заговорить кого от чего; ружье заговорено)»³.

Поиски точных структурных отличий, характеризующих различия и соотношения омонимов в системе языка,— своеобразная черта русского

языкознания, особенно с 20-х годов XX в.

В статье члена-корр. АН СССР Л. А. Булаховского «Из жизни омонимов» предлагается различать омонимы лексические, омонимы морфологические — как относящиеся к одной и той же морфологической категории (например, к одной и той же части речи), так и относящиеся к разным морфологическим категориям (например, стекло — существительное и стекло — форма прош. времени глагола стечь), омонимы «натуральные», непроизводные и омонимы производные, омонимы, принадлежащие к близким семантическим сферам, и омонимы — семантически очень далекие Л. А. Булаховский приходит к интересным наблюдениям и обобщениям в области структурной типологии русских омонимов. Ряд ценных соображений, относящихся к дифференциации разных явлений в сфере омонимии, был высказан проф. А. И. Смирницким и проф. О. С. Ахмановой в статьях, относящихся к морфологии, словообразованию и лексикологии английского языка 5.

Однако общие закономерности развития омонимии в системе языков разного строя и даже в системе русского языка, а также критерии разграничения разных типов омонимов до сих пор остаются совершенно невыясненными ⁶.

9

В русской и западноевропейской литературе термин «омонимия» иногда употребляется в очень широком смысле. Он применяется как синоним слова «омофония». Смысловые явления («значения») в языке образуют внутренне связанные ряды, основанные на общем элементе или признаке, и прежде всего соотносятся внутри этих рядов. Эти ряды — в свою очередь и следуя тому же принципу — являются членами рядов высшего порядка и так далее. Само собой разумеется, что «все эти ряды» не только соотносительны, но и взаимосвязаны и взаимозависимы. Они находятся в сложных взаимодействиях и взаимоотношениях друг с другом. Так формируется и так проявляется языковая система. В этой системе возможны разные виды омофонии, когда два значения, принадлежащие двум различным, иногда отдаленным рядам, имеют один и тот же звуковой облик 7.

Омофония — понятие гораздо более широкое, чем омонимия. Оно охватывает все виды единозвучий или созвучий — и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звукосочетаниях. Термин «омонимия» следует применять к разным словам, к разным лексическим единидам, совпадающим по звуковой структуре во всех своих формах. Поэтому таких выражений, нередко встречающихся и в русской, и западноевропейской лингвистике, как «синтаксическая омонимия», «морфологические омонимы» и т. п., лучше всего избегать. Нельзя также смешивать

⁶ См. мою статью «О некоторых вопросах теории русской лексикографии», ВЯ.

См. «Труды Об-ва любителей росс. словесности», ч. V, М., 1824, стр. 366--367.
 См. сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, Новая серия, ИИ, Л., 1928.

⁵ См. О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957. См. также мою статью «О грамматической омонимии в современном русском языке», «Р. яз. в шк.», 1940, № 1.

<sup>1956. № 5.

7</sup> См. S. Karcevski, Système du verbe russe, Prague, 1927, стр. 14. Ср. E. Cassirer, Substanzbegriff und Funktionsbegriff, Berlin, 1910.

с омонимами разные виды речевых созвучий. Созвучия и подобозвучия в разных стилях речи могут выполнять очень разнообразные функции. Эти функции до сих пор мало изучены как в стилистике литературной и народно-разговорной речи, так и в стилистике художественной литературы и устно-поэтического творчества. Больше всего внимания уделялось эвфонии стихотворного языка и рифмическим созвучиям. Из других типов разнозначных созвучий особый интерес у ряда писателей вызывали каламбуры, в образовании которых омонимы нередко играют основ-

Например, слово городище может быть увеличительным к город, а омоним городище обозначает место, где был прежде город (ср. пепелище, пожарище). А. Н. Толстой в рассказе «Актриса» и воспользовался этим случаем омонимий для каламбурной мгры слов: «Все, о чем здесь идет речь, случилось в нашем уездном городишке, который в давние времена, быть может, и назывался городом, но теперь, когда в нем живет не болеедвух тысяч захудалых обывателей, кличется, по непонятной игре русского языка, городищем, что более подходило бы, конечно, какой-нибудь столице».

Одно и то же слово, проходя через разные социальные круги, нолучает иногда настолько различное осмысление и фразеологическое окружение и настолько различную экспрессивную окраску, что семантические разновидности этого слова при столкновении уже воспринимаются как омонимы.

Яркую иллюстрацию такого каламбурного столкновения можно извлечь из пьесы А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты»:

«[Турусина] Пусть я ошибаюсь в людях. Пусть меня обманывают. Но помогать людям, хлопотать о несчастных — для меня единственное блаженство.

[Городулин] Блаженство — дело не шуточное. Нынче так редко можно встретить блаженного человска (Григорий входит).

[Григорий] Блаженный человек пришел.

[Городулин] Неужели? [Турусина] Кто он такой? [Григорий] Надо полагать, из азиатцев-с.

[Городулин] И я тоже полагаю.

[Турусина] Почему ты думаешь, что азиатец?

[Григорий] Уж очень страшен-с. Так даже жутко глядеть-с...*.

Точно так же омонимами должны быть признаны и два таких употребления глагода держать (англ. keep) в диалоге из «Записок Пиквикского клуба»:

«-- Вероятно, он человек порядочный: он держит (keeps) слугу, -- сказала мисс Томкинс учительнице чистописания и арифметики.

-По моему мнению, мисс Томкинс, - сказала учительница чистописания и арифметики, — слуга держит (keeps) его. Я думаю, что он сумасшедший, мисс Томкинс, а

тот при нем сторожит».

В романе Д. Гранина «Искатели» интересна каламбурная пгра омонимией слов приключение (происшествие) и приключение (действие по глаголу приключить в отно-шении электрических приборов). «Здесь, в Управлении [энергосистемы], находился мозг всех станций, сетей, строительств, ремонтных заводов — всего сложного гигант-ского хозяйства системы. Сюда приезжали директора предприятий договориться о подключении пового цеха, нового дома. Домашние хозяйки хлопотали о своих счетчиках Управхозы приходили с жалобами на плохое напряжение...

Разговор происходил у дверей с надписью "Отдел приключений". Андрей понимал истинный смысл этих слов, но, посмотрев на унылого сотрудника этого отдела, улыбнулся. А жаль, что действительно не существует на свете такого отдела увлекательных, волнующих приключений!... И вдруг эта смешная надинсь как-то по-новому осветила и его приход в лабораторию и путешествие по зданию Управления. Начинались удиви-

тельные события в его жизни».

Каламбур может состоять не только в слиянии омонимов или в подмене одного омонима другим, но и в новой этимологизации слова по созвучню или в образовании нового индивидуально-речевого омонима от созвучного кория.

Например, П. А. Вяземский — известный остряк Пушкинской эпохи — писал великому поэту 26 июня 1828 г.: «Шутки в стороцу, приезжай. Что тебе стоит прокататься? А лучше всего приезжай в конце августа в Нижний на ярмарку и[ли] ярм о н к у (как лучше?), и возвратимся вместе в Пензу. Что тебе сиднем прирости к гранитам Петербургским?... Я всю зиму проведу в здешнем краю. Я говорю, что я о с т еп е н и л ся, потому что зарылся в степь» ⁸. Ср. в современном жаргоне научных работников шутливое *остепениться* в смысле: получить ученую степень кандидата наук.

Не подлежит сомнению, что созвучие слов, близость их фонетического строя отражается на их понимании, на их семантических связях.

Любопытно в связи с этим вспомнить комический рассказ Гончарова в его очерках «Слуги старого века» о том, как его слуга Валентин заносил созвучные иностранные слова в тетрадку с кривою надписью: «Сенонима». «Под этой надписью, попарно, иногда по три слова, тем же кривым, вероятно, его почерком, написаны были однозвучные слова. Например, рядом стояли: "эмансинация и констипация", далее — "конституция и проституция", потом "тлетворный и нерукотворный", "нумизмат и кастрат", и так без конда».

Таким образом, с омонимией в собственном смысле этого слова нельзя смешивать и даже сближать разнообразные типы омофонии, созвучий в подобозвучий слов, возникающие в речи или даже встречающиеся в системе языка.

Вопрос о контаминации сближающихся по звуковому составу форм и слов, как об одном из процессов развития языка, может рассматриваться и в более широком историческом плане, как это доказывают труды проф. Я. Отрембского 9. В своей статье «На пути к осуще-«ствлению материалистического языкознания» Я. Отрембский писал: «По-моему, путем дальнейших исследований станет возможным доказать, что многие факты, приписываемые до сих пор "праязыкам", возникли позднее и что в возникновении этих фактов большую роль сыграла, между прочим, контаминация, скрещивание близких по значению слов и их форм... Контаминация сыграла громадную роль не только в развитии славянских языков (польского, русского и т. д.), но и всех других языков, где бы люди на них ни говорили. Исследования в области контаминации видоизменят коренным образом наши сведения о происхождении славянского словарного состава» 10. Вместе с тем проф. Я. Отрембский считает нужным подчеркнуть, что коптаминация играет не менее важную роль, чем в изменениях словаря, «в преобразовании грамматики, флексии и синтаксиса» 11.

Таким образом, прежде чем приступать к анализу омонимов и к дифференциации разных их типов, необходимо уточнить понятие омонима и отграничить его от ряда смежных явлений, с которыми это понятие нередко смешивается. В самом деле, если мы обратимся хотя бы к «Очеркам по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева, то здесь сначала к омонимам относятся не только брак «супружество» и брак «испорченная продукция», но и пила «инструмент» и пила (прош. время от пить). Далее подчеркивается, что «важно учитывать различия между омофонами и омографами». Перед этими различиями, по мнению А. Н. Гвоздева, «на второй план отходит подразделение омонимов на полные омонимы (типа ключ: 1) источник, 2) ключ от замка) и омоформы» (типа пила—сущ. и пила — прош. вр.). Вслед за этим заявляется, что «понятие омонимии как явления, обусловливающего возможность двусмыслицы, допускает расширенное понимание. Так, к собственно омонимам, или лексическим омонимам, примыкают случаи, когда в произношении совпадают, с одной стороны, слово, с другой стороны, сочетание слов (мокли — мог ли, сутками c утками, стройка — строй-ка)» 12.

^{8 «}Письма П. А. Вяземского к А. С. Пушкину», «Русский архив», 1879, кн. 2. стр. 480.

⁹ Cm. naupumep: Jan Otrębski, Życie wyrazów w języku polskim, Poznań,

¹⁰ См. «Lingua posnaniensis», III, 1951, стр. 23—24. Ср. в этом же номере журнала статью Я. О т р е м б с к о г о «Контаминация в развитии латинского словарного состава», стр. 39 и сл.

11 Там же, стр. 59.

¹² А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, 2-е изд., М., 1955, стр. 69.

Во всем этом много противоречивого и просто неверного. А между тем и в других наших лингвистических сочинениях вопрос об омонимии часто освещается очень неясно, например к омонимии относится даже игра созвучиями в юмористических стихотворениях Курочкина, Минского и т. д.

3

Если омонимы — это разные по своей семантической структуре, а иногда и по морфологическому составу, но тождественные по звуковому строю во всех своих формах слова, то омонимы следует отличать не только от созвучных омофонных или совпадающих по звукам речевых цепей либо синтаксических отрезков иного качества¹³, но и от омофонных морфем.

Нередко понятие «омонима» распространяется и на аффиксы (что, во всяком случае, неправомерно и необоснованно). Так, проф. А. И. Смирницкий пишет о конверсии в английском языке: «Нулевой суффикс в ляг отличается от такого же суффикса в лёг по значению: это, собственно, суффиксы-омонимы. Отчетливо это можно видеть из того, что-() в ляг синонимичен, например, с -и в беги и пр., а-() в лёг - с -л- в легла, был, была и т. п.» («Может быть, даже правильнее будет сказать, что-() в лёг и т. п. есть ,,нулевой вариант" суффикса прош. врем. -л-/-л'-»). «Следовательно, ; словоформы ляги лёг (а не морфемы!) несомненно различаются семантикой их (нулевых) суффиксов, что совершенно материально проявляется в принадлежности их к разным рядам: 1) ляг—лягте, беги—бегите и т. н.; 2) лёг—легла, был—была и пр.». Ср. далее: «Омонимия суффиксов в такой паре, как ляг-лёг, не меняет существа дела: как всякая омонимия, она представляет собой второстепенную частность в общем строении языка, так как вообще язык, как средство общения, должен внешне дифференцировать разные по значению единицы, и омонимия всегда может быть лишь исключением» 14.

Точно так же понятие «омонима» применяется к созвучным формам разных слов (особенно к основным, исходным формам), отличающихся друг от друга другими формами. Например, в той же статье А. И. Смирницкого читаем: «инфинитивы, не отличающиеся вариантом корня от единственного числа существительного, в частности — омонимы общего падежа ед. ч. существительного, встречаются в очень большом числе (ср. существительное face —инфинитив face и т. п.)» 15. И далее: «соотношения типа a) house [..s] (множ. число houses [..z.]) — house [..z] и б) тап (множ. число men) — man принципиально не отличаются друг от друга и в совершенно одинаковой мере принадлежат к области конверсии, как бы ни было существенно в других отношениях различие между "основными" и прочими формами слов. То, что в одних случаях при этом получается меньше омонимичных форм (только множ. число houses — 3-е лицо ед. числа houses), в других больше (общий падеж ед. числа man... повелит. форма тап...), является моментом второстепенным, так как вообще суть конверсии не в наличии омонимичных форм» 16; «...в английском языке,говорит А. И. Смирницкий, - как известно, грамматическая аффиксация гораздо ограниченнее и однообразнее, чем в русском, там больший удель-

Кузнец, на кузнице тоскуя, Сказал раз детям, таз куя: «Задам вам, дети, таску я И разгоню тоску я». Ср.: Не вы, но СимаСтрадала невыносимо, Водой Невы посима. Или: Смотрю не прямо, А из подлобия В тоске и злобе я На суп из лобия...

¹³ Например:

¹⁴ А. И. Смирницкий, я**в**. вшк.», 1954, № 3, стр. 19. По поводу конверсии в английском языке, «Ин.

¹⁵ Там же, стр. 21. 16 Там же, стр. 23.

ный вес имеет омонимия грамматических суффиксов и относительно чаще встречаются нулевые суффиксы» 17. «То, что какая-либо словоформа house [..z], например инфинитив, не имеет омонимов среди форм существительного house [..z], не имеет никакого отношения к конверсии, так как омонимичность форм разных слов не входит в сущность конверсии» 18.

Такое смешение разных явлений недопустимо. Необходимо создать или выработать иные термины для обозначения, с одной стороны, омофонных (или омографных) морфем, а с другой — омофонных или совпадающих по звуковому составу форм слов. Омофонные морфемы можно называть омоморфемами. Но тут, естественно, выступает вопрос о разных типах морфем в системе языка: морфем — основообразующих или корневых морфем — аффиксальных: словообразующих и формообразующих. Таким образом, следует различить омоморфемность основ и омоморфемность аффиксов, выделив из этой последней категории — применительно к языкам флективным, языкам синтетического строя — омоморфемность флексий.

Словообразовательная морфема может по своему звуковому составу совпадать и с флексией, и с формообразующим аффиксом. Омоморфемность этого характера может быть определена как структурно разнотипная и качественно разнородная. Ср., например: die Breite (суффикс -e, производящий существительное от прилагательного breit) и die Tage (окончание мн. числа -e; ср. Tag); der Arbeiter (суффикс лица -er) и die Bilder (окончание мн. числа -er; ср. Bild); $wei\beta en$ (суффикс -en, производное от weiß) и weissen (cp. die weißen Blumen); die Fahrt (существительное, производное от глагольного корня fahr-en) и er fahrt (3-е лицо ед. числа наст. времени); ср. nachts — наречие от существительного Nacht и des Abendsрод. падеж от Abend. Само собой разумеется, что и этимологические корни всех этих омоморфем различны.

Омоморфемность омофонных словообразовательных элементов определяется коренным различием функций соответствующих морфем и разнородностью правил или законов их сочетаемости с другими морфемами в структуре слова. Само собой разумеется, что омоморфемность словообразовательных элементов легче выделить в словах, относящихся к разным грамматическим или лексико-семантическим категориям. Так, невозможно сомневаться в том, что со структурной точки зрения аффиксы -лв русских существительных среднего рода (шило, мыло, било, точило и т. п.) и в форме прошедшего времени глагола [мы-л-а, ши-л-а, би-л-о (било два часа) и т. д.]— являются омоморфемами. Точно так же омоморфемами, несмотря на генетическую общность, должны быть признаны тот же формообразующий аффикс -л в формах прошедшего времени (учи-л. люби-л и т. п.) и словообразующий суффикс -л- прилагательных, производимых или произведенных от глагольных основ со значением состояния (облезлый, поседелый, залежалый и т. п.).

Никто не будет сомневаться в омоморфемности суффиксов -ин- имен существительных в следующих сериях слов, оканчивающихся на -а: хворост — хворост-ин-а, изюм — изюм-ин-а; свинья — свин-ин-а, олень олен-ин-а; глубокий — глуб-ин-а — глуб-ин-ы, велич-ин-а — велич-ин-ы; дурак — ∂y рач-ин-а, yро ∂ — yро ∂ -ин-а и т. д.

Гораздо более трудным является вопрос об омоморфемности глагольных приставок в русском языке. Относительно глагольных приставок (так же как и относительно предлогов) можно ставить вопрос: у всех ли глагольных приставок в современном русском языке сохраняется смысловое единство? Не произошло ли в некоторых приставках — в силу сочетания их с разнообразными семантическими группами основ — разделения на омоморфемы (например, у с-, по-, о-, об-, на-, пере- в значении пространственном и для обозначения совместности или превосходства и др.)?

¹⁷ А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 20. ¹⁸ Там же, стр. 21.

Во всяком случае здесь в производных глаголах наблюдаются строгие правила и законы развития омонимии, обусловленные в значительной степени омоморфемностью приставок. Ср. на- в количественном и пространственном значениях: наколоть (дров, свиней, узор) и наколоть (руку, значок на пальто); напасть «наброситься» и напасть (то же, что нападать); напороть (вздору, дичи) и напороть (руку); насадить «насаживать» и насадить «насаждать»; настроить (струны, кого-нибудь на что-нибудь) и настроить (домов); наступить (на кого-нибудь) и наступить (о чемнибудь) и т. п.

Одна и та же приставка, присоединенная к одному и тому же глаголу, нередко приводит к образованию разных слов, значения которых могут быть прямо противоположны. Например, просмотреть в значениях: 1) «пересмотреть до конца», «быстро проглядеть» и 2) «не разглядеть» [1) просмотреть весь спектакль, просмотреть книгу и 2) просмотреть ошибку]; прослушать (до конца всю ньесу) и прослушать «не услышать»; отказать в значениях: 1) «оставить в наследство», «отдать по завещанию» и 2) «отвергнуть просьбу», «не согласиться на что-нибудь»; отойти в значениях: 1) «опомниться, приходить в себя» и 2) «умереть» 19 и др. под.

Так формируются своеобразные омоантонимы. Изучение омоморфем-, ности глагольных приставок связано с общим исследованием закономерностей образования омонимов в кругу производных глаголов в результате сочетаний одной и той же основы или одного и того же глагола, но в разных значениях, с одной и той же приставкой. тоже с разными значениями. Например, под словом сдать — сдавать в словаре Д. Н. Ушакова объединено два омонима. Один обнимает такое употребление, как сдать документы в архив, сдать квартиру, сдать с рубля мелочью, сдать карты, сдать экзамен; под другой подводятся такие значения, как зима уже сдала, мотор сдал, он очень сдал после болезни и т. п.

 Вообще омонимия в классах производных глаголов больше всего умножается способами префиксального словообразования. Ведь глагольная приставка нередко видоизменяет значения одной и той же основы глагола в таких разных направлениях, что между ними уже невозможно установить внутреннее семантическое соприкосновение, настолько эти значения расходятся. Правда, это разнообразие функций приставки иногда преодолевается семантической емкостью глагола, его способностью объединить множество лексических значений (ср. значения глаголов заложить, замести, забить, обвести, обернуть и т. п.). Однако едва ли не чаще под влиянием разных значений приставки и вариаций значений основы глагола происходит распад глагольного слова на омонимы. Эта омонимия поддерживается и различием синтаксического управления глаголов, а также различиями значений глагольных основ. Например, замолчать «начать молчать, замолкнуть» и *замолчать* (что-нибудь) «преднамеренным молчанием скрыть от общества, не дать узнать»; зажить «начать жить» и зажить (о ране); составить «образовать, соединить» и составить «переставить с чего-нибудь вниз» и др. под.

Вот серия омопимических глаголов с приставкой за- в значениях начала действия, завершенности, результата действия и последующего действия, а также попутного действия: забрызгать «начать брызгать» и забрызгать «покрыть брызгами»; задуть «начать дуть» и задуть «дунув, погасить»; заговорить «начать говорить» и заговорить (соотносительно с заговор); заработать [неперех.] «начать работать» и заработать (что) «добыть работой» (ср. заработою); запить «начать пить» и запить «выпить после чего-нибудь, с целью заглушить запах, вкус» и т. и.

Ср. серию омонимов с приставкой пере-: перевесить (продукты), перевесить (картину) и перевесить «получить перевес»; перевести «переместить, передвинуть, сделать перевод» и перевести «извести, уничтожить до конца»; переговорить (с кем-инбудь) и переговорить (кого-что); перегрузить (с одного места на другое) и перегрузить «нагрузить слишком много»; передать «вручить, сообщить, направить, отдать» и передать

¹⁹ Ср. В. И. III ерцль, О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии), «Филологические записки», вып. 1, 1884, стр. 46

«дать лишнего»; переиграть «сыграть что-нибудь повторно»; «сыграть последовательно все»; переиграть кого-либо в чем-либо и об актере переиграть «перестараться» (театр. арго); переложить «положить из одного места в другое» и «возложить на другого» и т. п. и переложить «положить слишком мпого»; переделать «сделать по-иному или иным» и переделать «сделать все, очень много»; перезанять «взять в долг» и перезанять «постепенно занять все или многое»; пересечь «рассечь надвое, переградить» и пересечь «высечь многих» и т. п.

4

• Еще более сложен вопрос об омоморфемности основ слов. Этот вопрос сравнительно легко решается по отношению к непроизводным основам. В сущности и самый термин «омоморфемность основ» получает свое прямое значение и применение лишь в сфере непроизводных основ. Например: прав- (право, правосудие, прав и т. п.) и прав- (вправо, правый [левый] и т. п.); такс-а «расценка товаров» и такса «собака особой породы»— нем. Dachshund; мин-а (на лице) и мин-а «снаряд для взрыва»; сред-а «день недели» и сред-а — франц. тійей и т. п. В этой сфере уже непосредственно возникают обобщения широкого характера. Так, очевидно, что омоморфемных непроизводных основ в русском языке больше всего среди имен существительных; их немного в области глаголов, и они совсем единичны в системе так называемых «первообразных» имен прилагательных (прав-, лих-, худ- и т. п.).

По-видимому, среди существительных с непроизводными основами преобладающая часть омонимов или принадлежит к заимствованным словам, или возникает вследствие совпадения заимствований [сорн (на кузнице) и горн «рог»— нем. Horn; клуб (дыма) и клуб — англ. club и т. п.] с исконно-русскими и книжно-славянскими словами. Совсем мало омонимов образовалось в результате фонетического совпадения этимологически разных славянских слов с пепроизводной основой типа: лук «растение» и лук (для стрелы); мир «вселенная» и мир «покой»; пар «газ, воздух» и пар «незасеянное поле» и т. п. Еще меньше омонимов обязано своим образованием семантическому распаду единой лексемы на несколько омонимных лексических единиц (типа свет «вселенная» и свет «освещение»).

Этимологическое разграничение омонимии по признаку заимствования или звукового совпадения исконно-народных, своих слов, а также исторические наблюдения пад семантическим распадом некогда единых слов на ряд обособленных лексем — все это важные задачи исторической лексикологии. Освоение заимствования нередко сводится к слиянию чужого слова с родным, которое кажется близким по внешней звуковой форме и по смыслу. Этот процесс скрещения туземных и чужих синонимов однородного звукового состава уже привлекал внимание многих лингвистов. Указывались соответствующие явления и в истории славянских и балтийских языков 20. Ср. значения русского сальный, осложненные влиянием франц. sale; ср. развитие значения слова ферт (название славянской буквы и влияние нем. fertig, русск. фертик); ср. семантику глагола мазать (промазать) и т. н.

Изучение словарного состава как системы не может обойтись без раскрытия внутренних закономерностей, управляющих развитием основ и историческими изменениями в соотношении и взаимодействии между основами производными и непроизводными. В истории словаря очень активны процессы возникновения и утраты омоморфемности основ, явления омонимической контаминации в кругу основ, явления дифференциации и вытеснения основ-омоморфем.

В. Вундт ²¹, затем М. Р. Фасмер, Ж. Жильерон и другие ученые подчеркивали громадную роль звуковых совпадений в истории слов и их

²⁰ См., например, работу: E. Fraenkel, Kreuzung einheimischer und fremder Synonyma ähnlicher Lautung im Baltischen, ZfSlPh, Bd. VIII, Hf. 3-4, 1931.

²¹ См. W. Wundt, Völkerpsychologie, Bd. II— Die Sprache, 4-e Aufl., Leipzig, 922, стр. 517 и сл.

значений. М. Р. Фасмер был готов сводить главные виды семасиологических изменений к трем основным: а) с п о н т а н е и ч е с к и м, т. е. происходящим «исключительно вследствие каких-либо экономических, этнографических и тому подобных (так сказать, "вне-языковых") причин»; б) к о м б и н а т о р н ы м (или к о н т а м и н а ц и о н н ы м). Комбинаторные изменения значения — те, которые происходят «вследствие контаминации неродственных первоначально этимологических групп — контаминации, вызванной звуковой близостью двух групп или народным осмыслением» (ср. сближение в говорах слов кадка и кадык, вследствие чего кадка «горло»); в) ф р а з е о л о г и ч е с к и м (или «с а н д х и ч ес к и м»), возникающим «в силу положения [слова] в предложении, вследствие постоянного повторения в одном и том же сочетании» 22.

Что же касается специально омоморфемности производных основ, то здесь наблюдаются очень далекие и очень разные структурные типы. По отношению к некоторым из них применение термина «омоморфемность» оказывается несколько двусмысленным. В самом деле, здесь возможны четыре основные типические разновидности:

1. Омофонные производные основы состоят каждая из двух (или нескольких) однотипных омоморфем. Например: толстоек-а «последовательница учения Л. Толстого», ср. толстовец и толстовена «рубатка особого покроя»; финк-а (финн) и финк-а «нож»; лезгин-к-а (лезгин) и лезгин-к-а «танец»; тон-ическ-ий (к тонус) и др. под.

2. Омофонные производные основы состоят из морфем, не совпадающих виолие по своей звуковой структуре, так как грань между корневой основой и аффиксом проходит у ших в разных местах. Например: бумажи-ик «рабочий бумажной промышленности» и бумаж-ник «кошелек»; ср. корови-ик и коров-ник; молочн-ик и молоч-ник; птичн-ик и птич-ник и т. д.; ударн-ик и удар-ник «часть затвора» и т. п.

3. Омофонные производные основы таковы, что лишь в одной из них сложность морфологического состава оказывается живой и активной, в другой же произошел или происходит процесс опрощения. Например: жилка (уменьшит.-ласкат. к жила) и жилк-а «артистическая жилка»; осадить «подвергнуть осаде», осадить «остановить, заставить замедлить ход» и осадить «заставить опуститься в виде осадка» и др.

4. Лишь одна из омофонных основ является производной, непроизводный же характер другой не вызывает никаких сомнений и колебаний. Нор-к-а (к нора) и норка «животное» и «шкура»; ср. лейка (от лить) и лейка «фотоаппарат» и т. д.

Глагольная омонимия часто возникает в таких случаях, когда у одно-то глагола приставка сливается с основой, теряя свою морфологическую выделяемость или отделяемость, а у другого, омонимичного с первым, она сохраняет свои смысловые функции отдельной морфемы. Например: назвать «называть кого чем» (ср. название) и на-звать (много кого); заговорить «заговаривать зубы» (ср. заговор) и заговорить (заговаривать, начать говорить); ср. также заговорить «заговаривать собеседника»; донести «доносить на кого» (ср. донос, донесение) и донести «доносить что до чегокого»; заставить «заставлять (что сделать)» и заставить «заставлять (комнату вещами)» и т. д.

Среди глаголов с производной основой — как бесприставочных, так и приставочных — омонимия наблюдается и у отыменных, и у отглагольных образований. Например: чертить [перех.] «проводить черту» или «изготовлять чертеж» и чертить [в фамильярном просторечии, неперех.] «кутить, безобразничать, дебоширничать»; запустить (дом) и запустить (камень); перечесть (книгу) и перечесть «снова сосчитать» и т. д.

Таким образом, омоморфемность производных основ может быть свя-, зана не только с лексико-семантической, но и с чисто звуковой фонетиче-

²² М. Р. Фасмер, Греко-славянские этюды, III, СПб., 1909, стр. V.

ской разноморфемностью. Глубокое и всестороннее исследование структуры слов и основ слов в том или ином языке поможет здесь обнаружить множество переходных форм. Ср. зарядить (к заряд) и зарядить «часто, подряд делать что-нибудь»; закусить (ср. закуска) и закусить (удила); но все это область очень мало или почти не исследованных проблем.

Омоморфемность флексий целесообразно отграничить от омоморфемности словообразовательных элементов и от омоморфемности основ. Быть может, ей лучше бы пристало название омоформии. Ведь и омофонные формы одних и тех же и разных слов должны называться омоформами $(60жy \text{ от } 603umb \text{ и } 60жy \text{ от } 60\partial umb; живой — формы им. надежа мужского$ рода, род., дат. и предл. падежей женского рода и т. п.). Проблема омоформии и омоформ, закономерностей развития и функционирования этих явлений в разных языках, связи этих процессов с аналитическими и синтетическими свойствами структуры языка — одна из важных проблем теории грамматики²³. В русском языке явления омоформии нодчинены строго определенным законам и правилам. К сожалению, во многих работах по славянскому языкозпанию омоформия смешивается с омонимией.

Ср. использование омоформ разных слов в рифмах у Пушкина:

Защитник вольности и прав В сем случае совсем не прав.

(«Евгений Опегии»)

А что же деласт супруга. Одна в отсутствии супруга?

(«Граф Нулин»)

У Д. Минаева:

Не ходи, как все разини, Без подарка ты к Розине, Но, ей делая визиты, Каждый раз букет вези ты.

У В. Брюсова:

Ты белых лебедей кормила, Откинув тяжесть черных кос, Я рядом плыл, сощлись кормила, Закатный луч был странно кос 24.

Звуковое совпадение возможно и в отдельных формах разных слов, принадлежащих к одной и той же части речи. Наибольшее количество таких омоформ в современном русском языке наблюдается в кругу глаголов. При этом необходимо различать в глагольной системе совнадения единичных форм у разных слов от последовательной пли развернутой омоформии в некоторых звеньях или рядах парадигмы спряжения 25.

Итак, омонимами — в отличие от омоформ — могут быть названы лишь такие лексические единицы, которые совпадают по своему внешнему звуковому облику во всех своих формах. Впрочем, само собой разумеется, что здесь возможны переходные и смешанные типы. По отношению к ним можно применить термин «частичная омонимия». Но и тут необходима точная и ясная дифференциация разных явлений. Например, едва ли целесообразно относить к фактам омонимии, хотя бы и частичной, совпадения разных слов в так называемых «основных» формах, т. е. в тех, в которых соответствующие слова помещаются в словарях (общий или им. падеж, инфинитив и т. п.). Особую роль таких «основных» форм подчеркивал А. И. Смирницкий. Он писал: «"Основные" формы обладают наиболее общим и наименее относительным значением: в них то, что обозначается

²⁵ См. там же.

²³ Ср. статью: S. S t a t i, Caracterul sistematic al omonimiei morfologice, «Studi; si cercetari lingvistice», t. XI, № 1, 4960.

²⁴ См. об этом в кн.: H. J ü r g e n zum Winkel, Über die Homophonie der

russischen Literatursprache, Meisenheim an Glan. 1958. стр. 126—129.

данными словами, представляется по возможности отвлеченным от тех или иных отношений к чему-либо другому — к предмету, времени, признаку и пр. Поэтому, естественно, что при изоляции слова, когда обозначаемое им рассматривается по возможности отвлеченно, вне определенной ситуации и связанных с ней отношений, слово берется в его "основной" форме, и эта форма оказывается по существу наиболее подходящим представителем всего слова как такового. Так, например, общий падеж не имеет в виду никакого специфического отношения данного предмета к чему-либо другому, а грамматическое единственное число не настаивает на отнесении данного существительного именно к одному предмету, так как существительным в единственном числе может обозначаться любой предмет данного класса и весь класс в целом (a dog is an animal, man is mortal). Поэтому понятно, что общий падеж единственного числа, как правило, выделяется в качестве "основной" формы, т. е. в качестве формы слова, являющейся по существу напболее "полноправным" представителем: в этой форме специфическая грамматическая модификация слова — существительного наименее осложняет его лексическое существо» 26.

Й все же было бы странным и неоправданным отнесение к явлениям частичной омонимии, например, случаев совпадения звукового состава инфинитива и формы им. падежа: пасть (зверя) и пасть (в бою); напасть и напасть; печь и печь и т. д. 27. Ведь системы форм склонения и спряжения не совпадают и не соприкасаются ни в каких точках.

Таким образом, совершенно очевидно, что прежде чем углубляться, например, в область типологии современных русских омонимов, в сферу законов их образования и развития, а также правил их сосуществования и взаимоотношения, необходимо тщательно осветить типичные процессы омоморфемности и омоформии в русском языке.

6

От омоформии необходимо резко отличать явления частичной лексической омонимии. Сюда принадлежат такие случаи, когда одно из созвучных слов целиком (во всех своих формах или в единственной своей форме) совпадает пофонетической структуре с частью морфологических видоизменений другого слова, с частью его парадигмы или даже с той или иной отдельной его формой. Следовательно, одно из таких слов выступает как «омоним» по отношению к отдельной форме или отдельным формам другого слова.

В качестве примера можно указать на звуковое совпадение бессуффиксных отглагольных существительных народной окраски с так называемыми «междометными формами глагола»: топ (конский) и топ (топнул); чих и чих; стук «звук» и стук (стукнул); скрип и скрип (скрипнул); скок (скок по камню тяжко звонок) и скок (скакнул) и т. д. Правда, здесь омонимия разрушается различиями в интонации слов. Ср. ток «сверток» и ток от глагола тюкнуть; толк «мнение, толкование» и толк (толкнул) и т. п.

Гораздо более показательны явления производной частичной омонимии. Так, наречное или модальное слово, образовавшееся от формы другого слова, становится «омонимом» этой формы. Таковы наречия смерть, страх в значении «очень, сильно, ужасно» соотносительно с формами им. падежа смерть, страх; таковы наречия чудом, рядом, градом, даром, разом, шагом, битком и т. п. по отношению к формам твор. падежа ед. числа имен существительных чудо, ряд, град, дар, раз, шаг, биток и т. п.; таковы наречия молча, шутя, стоя и т. п., соотносительные с деепричастными формами соответствующих глаголов, и т. п.

²⁶ А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 22—23.
²⁷ Ср. статью: L. A. Bulachovskij, De l'homonymie dans les langues slaves, RÉSI, t. VIII, № 1—2, 1928.

Явления частичной омонимии в русском языке очень разнообразны. И все же они укладываются в преобладающем количестве фактов в строго определенные правила. Естественно, что в ряду этих явлений прежде всего необходимо выделить те типы или виды частичной омонимии, которые наблюдаются в кругу частей речи, с сложным аппаратом словоизменения, т. е. в системе глаголов, имен существительных и прилагательных. Совершенно очевидно, что — при относительной малочисленности слов, относимых к классам имен числительных и местоимений — здесь явления частичной омонимии (если пока оставить в стороне так называемые «неизменяемые» слова) могут быть лишь единичными и обычно избегаются или преодолеваются (ср. числительные много, многих и т. п. и прилагательное многие ²⁸); ср. масса «много» и масса (массы); пропасть «очень много» и пропасть (пропасти) и т. п.

В системе изменяемых слов можно разграничить типы частичной омонимии в пределах одной и той же части речи и типы частичной омонимии в кругу слов, принадлежащих к разным частям речи. Больше всего фактов частичной омонимии наблюдается у имен существительных, с одной стороны, и глаголов — с другой. Одним из средств образования частичной омонимии в классе имен существительных является, с одной стороны, обособление семантически производных pluralia tantum от производящего, основного слова [типа: задатки (от задаток) — задатки; часы (от час) — часы и т. п.], а с другой стороны, вообще дифференциация однозвучных, но генетически далеких слов в отношении форм числа. Например: рысь «бег лошади» — только ед. число и рысь — рыси «животное»; полка (действие по глаголу полоть) и полка «горизонтальная доска»; побег «бегство» и побег «молодая ветвь, ответвление». В последнем случае мы имеем дело стакими фактами частичной лексической омонимии, которые близки к полным омонимам.

Частота употребления форм единственного и множественного числа неодинакова у разных слов. При совпадении всех форм единственного числа у омонимов особенно наглядно и остро выступает их семантическая разъединенность, а иногда и словообразовательная разнотипность [например, точка (бритвы) и точка — точки]. Гораздо менее выразительны и определенны в классе имен существительных разновидности частичной омонимии, связанные с родовыми различиями. Например: ханжа — жен. род «китайская водка» и ханжа «человек» (ср. ханжеский, ханжить) и т. д. В этих видах частичной омонимии, относящихся к именам существительным, у разных слов совпадает по своему фонетическому облику по крайней мере половина, а иногда и большая часть форм, в том числе и основные формы им. падежа. Несколько иной, хотя и близкий тип частичной омонимии наблюдается в системе русского глагола, где он связан со специфическими законами и правилами образования двух рядов видовой корреляции.

В системе видовых образований русского глагола наблюдается несколько типических фактов совпадения форм несовершенного вида у разных групп глаголов. Эти совпадения во-первых, вызываются строго определенными правилами морфологических чередований в глагольной основе звуков o-a.

Например: засаливать к засалить и засолить; запашвать к запаять и запоить; спашвать к спаять и споить; ср. упашвать к упаять и упоить; утачивать к уточить и утачать; стачивать к стачать и сточить; притачивать к притачать и приточить; закапывать к законать и закапать; накапывать к наконать и накапать; сравнивать к сравнить и сровнять; раскрашивать [несов.] к раскрошить и раскрасить и т. и. Ср. сташвать [многокр.] к стоять и [несов.] к стаять; стравивать [многокр.] к строгать и [несов.] к стронуть; страивать [многокр.] к стройть.

Совпадения форм несовершенного вида могут также вызываться другими уже непродуктивными видами исторических чередований гласных.

 $^{^{28}}$ См. В. В. В и ноградов, Русский язык. Грамматическое учение о слове, 1947, стр. $312{-}313.$

Например: стирать [несов.] к выстирать и стереть; утыкать(ся) [несов.] к уткнуть(ся) и утыкать(ся); передыхать [несов.] к передохнуть и к передохнуть; перерывать [несов.] к пересыпать и к пересыпать и к пересыпать и т. п.

Третью разновидность частичной лексической омонимии, связанной с законами и правилами русского видообразования, составляют формы несовершенного вида глаголов, в которых фонетическое тождество возникает вследствие чередования согласных.

Например: навешивать [несов.] к навешать и к навесить; увешивать к увесить и увещать; перевешивать к перенесить и перевешать; суживать [несов.] к сузить и [многокр.] к судить; скачивать [несов.] к скатить [в просторечии] и скачать [спец.]; перекрашивать к перекрошить и перекрасить; перемешивать к перемесить и перемещать; набучивать [несов.] к набучить и набутить; намешивать [несов.] к намещать и намесить и т. п.

Четвертая разновидность частичной лексической омонимии, связанной с глагольным видообразованием, образуется формами несовершенного вида, соотносительными с формами совершенного вида разных оттенков кратности.

Например: переваливать [несов.] к перевалить и перевалять; наваливать [несов.] к навалять; перевернывать [несов.] к перевернуть и перевертеть; передергивать [несов.] к передернуть и передернуть и передернуть и перехатить и перехатить и перехатить и перехатить; перехатить и перехатить; перехатить и перехатить; перехатить и перехатить; перехатить и перехатить; перехатить и перехатить и перехатить и перехатить и перехатить; перехатить и перехати

Следующую, пятую, группу частичных омонимов в кругу видовых вариаций глагола представляют разпотипные образования несовершенного вида, особенно с приставками раз-, noô- и npu-, с непереходным и переходным значениями.

Например: равгуливать [непереходн.] и равгуливать «разгулять» (кого-что); распевать и распевать (распеть, вокальн. арго); притаптывать и притаптывать — притоптать; приговаривать и приговаривать — приговорить; ср. выговаривать «делать выговор» и выговаривать — выговорить; наигрывать «слегка играть, воспроизводить мотив, мелодию» и наигрывать — наиграть и т. п. Ср. располагать «иметь в своем распоряжении» и располагать — расположить.

Отдельно должны быть рассмотрены типы частичной лексической омонимии в кругу форм несовершенного вида у глаголов с аффиксом -ся. Тут явления частичной омонимии тесно соприкасаются, а иногда и сливаются с фактами полной лексической омонимии. Это — специальная и очень важная проблема в сфере исследования разных видов словообразования глаголов на -ся. Значительную группу частичных глагольных омонимов представляют образования несовершенного вида с аффиксом -ся, соотносительные с глаголами действительного залога, так как их лексико-грамматические функции двоятся: они могут быть и залоговой страдательной параллелью к действительным формам несовершенного вида (без -ся), и соотносительными видовыми формами к возвратным глаголам совершенного вида (т. е. уже включающим в себя морфему -ся).

Например: ссылаться — сослаться и [страдат.] к ссылать; срываться [несов.] к сорваться, [страдат.] к срывать, сорвать и [страдат.] к срывать, срыть; срезаться [несов.] к срезаться (срезаться на экзамене) и [страдат.] к срезать (кожа срезается бритьой); сживаться [несов.] к сжиться и [страдат.] к сживать; садиться [несов.] к сесть и [страдат.] к саружаться [несов.] к сгрузиться и [страдат.] к сгружать; мешаться «служить помехой», [страдат.] к мешать (что) и «путаться, смешиваться»; мотаться (с утра до ночи) (мотаться по свету) и [страдат.] к мотать; накалываться [несов.] к наколоться и [страдат.] к накалывать; нарезаться [несов.] к нарезаться и [возвр.страдат.] к нарезать и др. под.

Значительную группу частичных омонимов составляют глагольные образования несовершенного вида с приставкой *пере*-, из которых одни являются формами страдательного залога к соответствующим глаголам

действительного залога, а другие обозначают прерывистое, взаимно чередующееся действие.

Например: переваливаться «валиться то на одну, то на другую сторону» и переваливаться [страдат.] к переваливать, перевалять; переминаться (с ноги на ногу) и переминаться [страдат.] к переминать; перерываться [несов.] к перерываться и перерываться [страдат.] к перерывать; перестукиваться «переговариваться» (с кем) и перестукиваться [страдат.] к перестукивать и др. под.

Менее разнообразны и многочисленны типы частичной омонимии в системе совершенного вида. Так, не очень многочисленную группу частичных омонимов можно наблюдать в производных глаголах совершенного вида с приставкой от, у одних глаголов — с финитивным значением, у других — с результативным и пространственно-отделительным. :При этом один ряд соответствующих глаголов имеет соотносительные формы несовершенного вида, другой — с финитивным значением приставки — лишен их. Отработать «перестать работать» и отработать — отрабатывать (что); отучиться «перестать учиться» и отучиться — отучиваться (от чего-нибудь) и др. под. Гораздо больше разновидовых типов частичной лексической омонимии.

Свособразную замкнутую группу частичных омонимов представляют различные по видовым значениям глагольные образования с приставками от глаголов носить, водить, возить, кодить: заносить [несов.] к занести и заносить [сов.] к занашивать; ср. заноситься — занестись и заноситься — занашиваться; уходить к уйти и уходить «довести до тяжелого состояния, до гибели; измучить, уничтожить»; сводить (с чего) к свести и сводить (к кому-нибудь — сводить ребенка к врачу); сводить (с чего) к свезти и сводить (куда-нибудь); завозить — завезти и завозить «загрязнить»; разносить — разнести и разносить — разнашивать; сходить — сойти и сходить «пойти и вернуться обратно»; переводить — перевести и пересодить [сов.]; переводить — перевезти и пересодить — перенашивать; поводить к повести и поводить [сов.] и т. д.

Среди глаголов иного структурного типа, но также связанных с основами, не сочетающимися с суффиксами несовершенного вида -ыса, -иса, в образованиях с приставками на- и пере- возникают омонимические совпадения форм несовершенного вида (иногда только форм инфинитива и прошедшего времени) с однозвучными глаголами совершенного вида, но с иными (результативными) значениями приставок.

Например: перекупать к перекупить и перекупать «выкупать всех или, купая, продержать слишком долго в воде»; перерешать к перерешить и перерешать [сов.]; передавать к передать и передавать [сов.]; перезанимать к перезанить и перезанимать (сов.]; переметать к переметать к переметать и переметывать и т. п.; насязать к навязывать и насязать — навязывать и насязать — нагнать; населять к наганивать и населять — нагнать; наметать и налётывать и палетавать и наметать (наметаю) к намести.

Можно было бы наметить еще несколько групп подобной же частичной омонимии, отчасти связанных с законами русского словообразования в разных лексико-семантических разрядах, отчасти же сохраняющих следы былых лексико-морфологических звуковых совпадений. Но все это должно стать предметом специального лексико-грамматического исследования, которое должно охватить и живые структурные типы частичной омонимии, образуемые переходом слов и форм слов из одной части речи в другую (например, явления субстантивации прилагательных, адъективации причастий и т. д.).

Таким образом, частичные омонимы разными своими сторонами обращены и к грамматике, и к лексикологии. Среди них по степени близости к полной лексической омонимии должны быть разграничены разные типы. Именно морфология должна включать в себя учение о живых и продуктивных типах как омоформии, так и частичной, а также производной омонимии. Грамматика должна ответить на вопрос, почему в данной языковой системе не осуществляются, не реализуются те или иные виды омоформии, частичной и производной омони-

мии и что и почему выступает в качестве их замены. К грамматике же относится, наконец, изучение условий сосуществования активных омоформ и омонимов в производных словах, а также условий их столкновения, их контаминации или вытеснения одних омоформ, или омонимов, образованиями по аналогии.

Лексикология, со своей стороны, исследует этимологические, предметно-смысловые, лексико-семантические и словообразовательные основы омонимии, культурно-исторические и внутренние семантические закономерности и причины их возникновения и бытования, принципы их группировки по разным семантическим классам и рядам, их стилистическое, профессионально-диалектное или жанровое расслоение в пределах общей языковой системы, разные виды их взаимодействий, борьбы и дифференциации. Учение об омоморфемности основ и словообразовательных элементов с разных точек зрения должно разрабатываться и в грамматике, и в лексикологии.

Омонимы как однозвучные, фонетически тождественные, но семантически обособленные, разобщенные и разные лексические единицы выступают лишь на фоне языкового целого, в целостной структуре языка. Их типы, состав и их взаимоотношения определяются грамматическим и лексико-семантическим строем языка и законами его исторического развития. Только здесь можно найти ответ на вопрос, в каких случаях и почему допускается фонологическое тождество разнозначных слов однотинной и разнотипной структуры, почему и какими средствами в тех или иных типах омонимов нейтрализуется смысловая функция одинаковой внешней звуковой формы. Но все это задачи особой конкретно-исторической и теоретической монографии, которая озаглавлена так: «Основные структурно-семантические и словообразовательные типы омонимов в русском и других славянских языках».

дискуссии и обсуждения

с. к. шаумян

ДВУХСТУПЕНЧАТАЯ ТЕОРИЯ ФОНЕМЫ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

1. Вступительные замечания

«Часто только после громадной мыслительной работы, которая может продолжаться в течение столетий, — писал Г. Фреге, — удается познать понятие во всей его чистоте, освободив его от внешних оболочек, скрывавших его от умозрения» 1. Эти слова великого немецкого логика касаются фонологии не меньше, чем любой другой науки. Прошло уже более полувека с тех пор, как понятие фонемы было введено в науку о языке, но и в настоящее время не прекращаются споры вокруг этого понятия. В современной фонологии сделано уже много для более глубокого понимания сущности фонемы. Однако, несмотря на важные успехи в этом направлении, существующие теории фонемы содержат в себе ряд серьезных трудностей, преодолеть которые можно, по нашему мнению, на основе теории абстракции современной логики науки.

Как известно, современная логика пауки различает в каждой науке две главные ступени абстракции: 1) ступень наблюдения и 2) ступень конструктов. К ступени наблюдения принадлежат так называемые элементарные понятия (например, «белый», «тяжелый», «упругий», «тяжелее», «более упругий»), т. е. понятия о наблюдаемых свойствах и отношениях. Конструктами называются понятия о ненаблюдаемых объектах науки (например, «электрон», «протон», «ген»). Конструкты связываются с элементарными понятиями путем так называемых правил корреспонденции 2.

Принцип разграничения ступени наблюдения и ступени конструктов, составляющий основу логического анализа любой науки, до сих пор никем не применялся в фонологии ³, хотя понимание фонемы как конструкта имплицитно содержится в характеристике фонем как дифференциальных реляционных и отрицательных единиц, которую мы находим у Ф. де Соссюра ⁴. Понимание фонемы как конструкта имплицитно содержится

¹ G. Frege, The foundations of arithmetic: a logico-mathematical enquiry into

the concept of number, Oxford, 1950, стр. VII.

² См., например: R. C a r n a p, The methodological character of theoretical concepts, в кн. «Minnesota studies in the philosophy of science», vol. I, Minneapolis, 1956; С. G. H e m p e l, The theoretician's dilemma: a study in the logic of theory construction, в кн. «Minnesota studies in the philosophy of science», vol. II, 1958; А. Р а р, Semantics and песевзату truth, New Haven, 1958, стр. 302—360.

³ О необходимости обсуждения проблем структурной лингвистики в связи с прин-

О неооходимости оссуждения проолем структурнои лингвистики в связи с принципами эпистемологии — логической теории знания — см. в нашей работе «Структурная лингвистика как имманентная теория языка (с иллюстрациями применения структурного метода к изучению славянских языков)» (М., 1958).

⁴ Cm. F. d e Saussure, Cours de linguistique générale, Paris, 1922, crp. 164.

и в теории фонемы В. Тводела, рассматривающего фонему в качестве абстрактной фиктивной единицы 5 .

Из логиков на принципиальное значение разграничения ступени наблюдения и ступени конструктов в исследовании языка указывает. например, Р. Карнап: «Прямой анализ языков, господствующий в настоящее время, неизбежно должен окончиться неудачей подобно тому, как оказался бы беспомощным физик, если бы он с самого начала пытался соотнести свои законы с естественными предметами — деревьями, камнями и т. д. На самом деле физик начинает с того, что соотносит свои законы с простейшими конструктами — с идеальным рычагом, с математическим маятником, с точечными массами и т. д. И только с помощью законов, соотносящихся с этими конструктами, он оказывается позднее в состоянии разложить на соответствующие элементы сложное поведение реальных тел и, таким образом, управлять ими» ⁶.

Признавая необходимость разграничения ступени наблюдения и ступени конструктов в исследовании языка, мы предложим в настоящей работе новую, двухступенчатую теорию фонемы и дифференциальных элементов. В нашей теории мы расщепляем понятие фонемы на два соотносительных понятия — понятие фонемы как конструкта и понятие фонемонда, — которые противопоставляем понятию звука. Понятие дифференциального элемента расщепляется на два ссотносительных понятия — понятие дифферентора и понятие дифферентонда, которые мы противопоставляем понятию акуствческого свойства. На уровие конструктов мы будем различать абстрактные и конкретные фонемы, абстрактные и конкретные дифферентонды, с одной стороны, и абстрактные и конкретные дифферептонды, с одной стороны, и абстрактные и конкретные звуки, абстрактные и конкретные акустические свойства — с другой.

Прежде чем приступить к изложению двухступенчатой теории фонемы и дифференциальных элементов, мы должны заметить, что эта теория удерживает достижения существующих теорий фонемы и дифференциальных элементов, вводя эти достижения в новую концептуальную систему. Например, признавая серьезным шагом вперед в развитии фонологии теорию Р. Якобсона, позволяющую трактовать фонемы как пучки бинарных дифференциальных элементов, мы надеемся, что наша теория позволяет развить и углубить эти идеи на новой концептуальной основе. Мы надеемся также, что в нашей теории удерживаются позитивные идеи теорий В. Тводела и Л. Ельмслева.

Само собой разумеется, что предлагаемая теория фонемы и дифференциальных элементов никоим образом не претендует на окончательное решение рассматриваемых проблем. Мы будем удовлетворены, если излагаемая нами система новых понятий побудит других есспедователей к дальнейшему анализу данных проблем на основе разграничения ступени наблюдения и ступени конструктов в фонологии.

2. Фонема как конструкт

К пониманию фонемы как конструкта можно прийти с разных сторон. Мы считаем, что здесь всего удобнее показать необходимость понимания фонемы как конструкта через анализ проблемы монофонематической и бифонематической интерпретации звуков в речевом потокс. Для нашей цели достаточно остановиться на том, как современная фонология решает эту проблему в самом общем виде.

 $^{^5}$ W. T w a d d e l l, On defining the phoneme, B km.: «Readings in linguistics», ed. by M. Joos, Washington, 1957.

⁶ R. Carnap, The logical syntax of language, London, 1938, стр. 8. Ср. также: Y. Bar-Hillel, Three methodological remarks on «Fundamentals of language», «Word», vol. 13, № 2, 1957.

Как известно, современная фонология считает, что два данных звука могут в одном языке быть двумя фонемами, а в другом языке — одной фонемой. Например, отрезок $t_{oldsymbol{s}}$ в немецком языке составляет две фонемы [t] н [š], а виспанском языке — одну [č]. Спрашивается: почему \hat{t} в немецком языке составляет две фонемы, а tš в испанском языке — одну? Ссылка на то, что оба эти отрезка не вполне тождественны и что в испанском языке t имеет более слитное произношение, чем в немецком, не имеет никакого значения для ответа на этот вопрос. Теоретически мы вправе представить себе два гипотетических языка, в одном из которых совершенно тождественные отрезки из любых двух звуков, скажем, bl или sp, составляли бы две фонемы, а в другом — одну. Дело тут вовсе не в том, что tš произносится в испанском языке более слитно, чем в немецком языке, а в том, что в испанском звук ў употребляется только в сочетании со звуком t, тогда как в немецком звук \check{s} самостоятелен, иначе говоря: звук \check{s} не находится в отношении противопоставления к другим согласным в испанском языке и находится в отношении противопоставления к другим согласным в немецком языке 7.

Итак, современная фонология приписывает одним и тем же звуковым отрезкам, скажем, $t\tilde{s}$, или bl, или sp, свойство быть одной или двумя фонемами в зависимости от анализа противопоставлений в конкретных языках. (Когда современная фонология утверждает, например, что звуковой отрезок $t\tilde{s}$ составляет две фонемы [t] и $[\tilde{s}]$ в немецком языке и одну фонему $[\tilde{c}]$ в испанском, то это означает не что иное, как именно то, что звуковому отрезку $t\tilde{s}$ приписывается свойство быть двумя фонемами [t] и $[\tilde{s}]$ в немецком языке и свойство быть одной фонемой $[\tilde{c}]$ в испанском.) В связи с этим возникает вопрос: есть ли свойство быть фонемой такое же прямо наблюдаемое свойство звуков языка, как их физические свойства? Этим вопросом до сих пор почти не занимались, между тем его теоретическое значение настолько велико, что он должен быть поставлен в центр внимания современной фонологии.

Обращаясь к звуковой стороне речевого потока в том или ином языке, мы устанавливаем, что в прямом наблюдении нам даны только два рода фактов: 1) звуки языка вместе с их физическими свойствами и 2) отношения между звуками на синтагматической оси (отношения контраста) и парадигматической оси (отношения противопоставления). Что же касается свойства звуков быть фонемами, то это свойство не паблюдается нами прямо, а приписывается звукам с целью объяснить противопоставления звуков друг другу. Фонемы не даны в прямом наблюдении, а постулируются нами в качестве сокращенных обозначений паблюдаемых отношений противопоставления между звуками.

Поскольку свойство быть фонемой не дано в прямом наблюдении, подобно физическим свойствам звуков, а принисывается звукам в качестве гипотетического элемента, то в силу этого возникает необходимость постулировать наличие между звуками и фонемами особого гипотетического отношения, которое мы будем называть отношением репрезентации.

Таким образом, мы приходим к необходимости различать в фонологии две ступени абстракции: ступень наблюдения и ступень конструктов. К ступени наблюдения относятся понятия о физических свойствах звуков, отношениях противопоставления и отношениях контраста между звуками. К конструктам относятся понятие «фонема» и другие понятия, представляющие собой гипотетические элементы, постулируемые нами для объяснения отношений противопоставления и отношений контраста между звуками.

Итак, звук и фонема относятся к принципиально разным ступеням абстракции: звук дан нам в прямом наблюдении, а фонема есть конструкт, обладающий определенной экспланаторной функцией. Если обозначить

⁷ Cm.: A. Martinet, "Un'ou deux phonèmes?, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 1, 1939.

отношение репрезентации знаком R, то в рассмотренном выше примере со звуковым отрезком t_s в испанском и немецком языках отношение звуков к фонемам можно выразить на языке символической логики в виде следующих двухместных пропозиционных функций (для того чтобы отличить в транскрипции фонемы от звуков, находящихся в отношении репрезентации к фонемам, мы поставили в кавычки транскрипционные знаки, обозначающие фонемы).

Для испанского языка: R (tš, «č»)

(эту формулу следует читать так: звуковой отрезок t находится в отношении репрезентации к фонеме «č»).

Для немецкого языка: R (t, «t»)

(т. е. звук t находится в отношении репрезентации к фонеме «t»).

(т. е. звук \check{s} находится в отношении репрезентации к фонеме « \check{s} »).

Необходимо обратить внимание на следующее важное обстоятельство: звуки, находящиеся в отношении репрезентации к фонемам,— это не просто физические элементы, а реляционные физические элементы, поэтому мы будем называть их особым термином— «фонемные репрезентанты». Так, если рассматривать в испанском и немецком звуковой отрезок t под чисто физическим углом зрения, то мы находим в нем два звука: t и š; если же рассматривать этот звуковой отрезок с точки зрения репрезентации, то мы находим в нем три фонемных репрезентанта: t š (в испанском), t и š (в пемецком). Таким образом, нужно строго различать и не смешивать друг с другом следующие три понятия: понятие звука, понятие фонемного репрезентанта и понятие фонемы. Звуки— это физические элементы, фонемные репрезентанты— это реляционные физические элементы, а фонемы— это чисто реляционные элементы, т. е. конструкты.

Определение фонемы как конструкта можно выразить на языке симво-

лической логики так:

$$P = D_{I}. (x) (\exists y) [S (x) S (y). O (x, y) \supseteq R (x, P)],$$

где P обозначает фонему, S — звуковой отрезок, О — отношение противопоставления и R — отношение репрезентации.

Данную формулу, представляющую собой правило корреспонденции, связывающее конструкт «фонема» со ступенью наблюдения, следует читать так: если x есть звуковой отрезок и находится в отношении противопоставления, по крайней мере, к одному звуковому отрезку y, то x находится в отношении репрезентации к фонеме P.

3. Двухступенчатая спстема/ фовем п фонемондов

В современной фонологической литературе термином «аллофон» принято называть «фоп (phone), принадлежащий к определенной фонеме», фоном же называют «звук, рассматриваемый в качестве элемента речевого потока» ⁸. Отсюда всякая фонема рассматривается в качестве класса аллофонов, понимаемых как определенные звуки речи.

Возникает вопрос: если признать фонему конструктом, то можно ли продолжать считать фонему классом аллофонов? Прежде чем отвечать на этот вопрос, мы должны определить, к какой ступени абстракции относятся аллофоны — к ступени наблюдения или к ступени конструктов. Сделать это нетрудно, поскольку, как мы только что сказали, под аллофонами понимаются определенные звуки речи. Если аллофоны есть звуки речи, то значит они даны в прямом наблюдении и, стало быть, понятие «аллофон» относится к ступени наблюдения в отличие от понятия «фонема», принадлежащего к ступени конструктов.

^{8 «}Readings in linguistics», crp. 419, 420.

Так как фонема и аллофоны относятся к разным ступеням абстракции, то решение вопроса о том, может ли фонема считаться классом аллофонов, должно быть перенесено в общеметодологическую плоскость: решение этого вопроса должно быть поставлено в зависимость от того, допускает ли современная логика науки в принципе, чтобы конструкты рассматривались в качестве классов элементов, данных нам в прямом наблюдении.

Спрашивается: допустимо ли с точки зрения современной логики науки, чтобы фонема, будучи конструктом, рассматривалась в качестве класса аллофонов, которые, как мы только что установили, принадлежат к принципиально иной ступени абстракции — к ступени наблюдения? На этот вопрос мы должны ответить отрицательно, потому что современная логика науки требует, чтобы класс и члены класса были однородны с точки зрения их принадлежности к главным ступеням абстракции. Если данный класс представляет собой конструкт, то и члены этого класса тоже должны быть конструктами. Возьмем, например, такой конструкт, как математический маятник в физике. Члены класса, обозначаемого термином «математический маятник», не даны в прямом наблюдении и представляют собой конструкты. Между физическими маятниками, данными нам в прямом наблюдении, и математическими маятниками не может существовать ни отношение членства в классе (the relation of class membership), ни отношение включения в класс (the relation of class inclusion), потому что оба рода маятников принадлежат к принципиально отличным друг от друга ступеням абстракции.

Если между элементами, данными в прямом наблюдении, и конструктами не существует ни отношения членства в классе, ни отношения включения в класс, то это значит, что между ступенью конструктов и ступенью наблюдения отсутствует дедуктивная связь. В этом отношении интересна аналогия, которую С. Тулмин проводит между ступенью конструктов и географической картой. Говоря об отсутствии дедуктивной связи между ступенью конструктов и ступенью наблюдения, оп указывает, что высказывания на ступени конструктов и высказывания на ступени наблюдения в логическом отношении столь же разнородны, как разнородны показания географической карты и географические высказывания 9.

Итак, в свете современной логики науки мы должны признать, что фонема и аллофоны не могут относиться друг к другу как класс и члены класса. Возникает вопрос: каково же действительно логическое отношение между фонемой и аллофонами? Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться к формуле определения фонемы, приведенной выше (см. стр. 21), и на основании этой формулы проследить, каким образом происходит переход от понятия звука к понятию фонемы. Применим формулу определения фонемы к конкретному примеру.

Возьмем в русском языке слова палка, тачка, тряпка, Лялька и сосредоточим внимание на гласных в первых, ударных слогах этих слов. В этих словах мы имеем четыре разные позиции: Р1 (между твердыми согласными), Р2 (после твердого согласного перед мягким), Р3 (после мягкого согласного перед твердым), Р4 (между мягкими согласными), в которых мы находим четыре индивидуальных гласных звука а1, а2, а3, а4, отличающихся друг от друга своим произношением: гласный а4 имеет максимальную палатальную окраску, гласный а3 имеет палатальную окраску в начальной фазе своей длительности, гласный а2 имеет палатальная окраску в конечной фазе своей длительности, а угласного а1 палатальная окраска отсутствует. В других словах можно было бы обнаружить в новых позициях индивидуальные звуки а5, а6 и т. д. 10, но для нашей цели мы ограничимся только указанными позициями.

См. S. Toulmin, The philosophy of science, London, 1953, стр. 106—107.
 Например, Р. И. Аванесов указывает, что надо различать по крайней мере восемь позиций для гласных под ударением (см. Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 95).

Если в слове палка индивидуальный звук а₁ заменить индивидуальным звуком о₁, то иолучим полка. Выходит, что существует по крайней мере один индивидуальный звук, к которому звук а₁ находится в отношении противопоставления,— отсюда мы должны заключить, что индивидуальный звук а₁ служит репрезентантом индивидуальной фонемы «a₁». Переход от индивидуального звука a₁ к индивидуальной фонеме «a₁» можно представить, согласно формуле определения фонемы, в следующем виде:

$$(\exists y) \{S (a_1).S (y). O (a_1, y) \supset R (a_1, \alpha_1)\}$$

(знак акцента над знаком импликации мы ставим вслед за Г. Рейхенбахом для обозначения впутренней, так называемой коннективной связи между антецедентом и консеквентом во избежание парадокса материальной импликации ¹¹).

Подставляя в слове тачка ог вместо аг, в слове тряпка — ог вместо аг и в слове Лялька — ог вместо аг, получим слова точка, трёпка, Лёлька. Отсюда мы должны рассматривать индивидуальные звуки аг, аг и аг как

репрезентанты индивидуальных фонем «a2», «a3», «a4». Это можно представить в виде следующих формул:

(A y)
$$[S(a_2), S(y), O(a_2, y) \supset R(a_2, \alpha_2)]$$

(A y) $[S(a_3), S(y), O(a_3, y) \supset R(a_3, \alpha_3)]$
(A y) $[S(a_4), S(y), O(a_4, y) \supset R(a_4, \alpha_4)]$

На основании данных формул можно заключить, что переход от понятия звука к понятию фонемы происходит от индивидуальных звуков к индивидуальным фонемам через индивидуальные фонемные репрезентанты.

Возникает вопрос: а как происходит переход от индивидуальных фонем к классам индивидуальных фонем? Переход от индивидуальных фо-

 P_{I} P_2 P_{8} P_4 a_1 an a_3 αa o_3 04 C_1 00 u_1 u2 U o u, i 4 i1 ĺa e_1 e_4 e_2

нем к классам индивидуальных фонем мы проследим путем дальнейшего анализа звуковых противопоставлений в только что рассмотренных четырех позициях для гласных русского языка. Исследуя в русском языке противопоставления гласных звуков в позициях P_1 , P_2 , P_3 , P_4 , мы обнаруживаем четыре множества репрезентантов индивидуальных фонем, которые можно представить на таблице.

Множество гласных в позиции P_1 мы обозначим знаком M_1 , в позиции P_2 — знаком M_2 , в позиции P_3 — знаком M_3 , в позиции P_4 — знаком M_4 . Анализируя свойства множеств M_1 , M_2 , M_3 и M_4 , мы можем установить, что между этими множествами существует определенное отношение, по которому они должны считаться эквивалентными друг другу 12 . Это от-

¹¹ Cm. H. Reichenbach, Elements of symbolic logic, New York, 1947, crp. 27-34, 40-43, 355-404.

¹² В теории множеств мы находим следующее определение эквивалентности множеств: «Множество М считается эквивалентным множеству N, в символическом выражении: М ~ N, если возможно поставить элементы множества N во взаимно-однозиачное соответствие элементам множества М, т. е. если возможно поставить в соответствие каждому элементу m множества М элемент и множества N таким образом, чтобы на основе этого соответствия каждому элементу множества М соответствовал один и только один элемент множества N и, обратно, каждому элементу множества N соответствовал один и только один элемент множества М» (Е. К а m k e, Theory of sets, New York, 1950, стр. 14). Из определения эквивалентности вытекают следующие его свойства:

¹⁾ M ~ M (рефлексивность)

²⁾ если $M \sim N$, то $N \sim M$ (симметричность)

³⁾ если $M \sim N$ и $N \sim P$, то $M \sim P$ (транзитивность).

ношение мы будем называть взаимно-однозначной позиционной трансформацией.

Прежде чем определять взаимно-однозначную позиционную трансформацию, мы должны выяснить точный смысл понятия трансформации и некоторых других понятий, связанных с понятием трансформации ¹³.

Начнем с понятия перехода. Всякое изменение происходит под влиянием какого-либо фактора. Элемент, подвергаемый действию, называется операндом; действующий фактор называется оператором; тот элемент, в который изменяется операнд, называется трансформом. Само же изменение операнда в трансформ называется переходом. Науку интересуют переходы не единичные, а такие, когда один и тот же оператор действует сразу на несколько операндов, порождая таким образом определенное множество однородных переходов. «Подобного рода множество переходов, связанное с определенным множеством операндов, называется трансформацией» ¹⁴.

Взаимно-однозначной называется такая трансформация, когда при одинаковом числе операндов и трансформов каждому операнду соответствует один и только один трансформ, и, обратно, каждому трансформу соответствует один и только один операнд. Примером взаимно-однозначной трансформации может служить изменение множества чисел 1, 2, 3, 4 в множество 4, 5, 6, 7 путем прибавления числа 3:

Вернемся к нашему примеру с множествами индивидуальных звуков M_1 , M_2 , M_3 , M_4 . Мы можем рассматривать эти множества как определенный ряд состояний, возникающих на основе определенного ряда позиционных трансформаций. Приняв любое из этих множеств, скажем, множество M_1 за множество операндов, мы сможем рассматривать множества M_2 , M_3 , M_4 как множества трансформов, причем позиции P_2 , P_3 , P_4 должны считаться операторами.

На основании работы Р. И. Аванесова характеристики операторов P_2 , P_3 , P_4 представляются такими: в позиции P_2 (т. е. после твердых согласных перед мягкими) гласные испытывают передвижку артикуляции вперед и вверх в своей конечной фазе; в позиции P_3 (т. е. после мягких согласных перед твердыми) гласные испытывают передвижку артикуляции вперед и вверх в своей начальной фазе; в позиции P_4 (т. е. между мягкими согласными) задние гласные испытывают передвижку артикуляции вперед и вверх, а передние гласные — передвижку артикуляции вверх на всем протяжении своей длительности 15 .

Возьмем теперь множества пидивидуальных звуков M_1 и M_2 и сравним элементы этих множеств между собой. Сравнивая, например, гласный a_1 с гласным a_2 , мы увидим, что различия между обоими гласными целиком обусловлены действием оператора P_2 ; если же мы сравним гласный a_1 с каким-либо другим гласным, скажем, с гласным o_2 , то увидим, что различия между этими гласными только отчасти обусловлены действием оператора P_2 , отчасти же не сводимы к действию этого оператора. Если систематически сопоставить гласные множества M_1 и гласные мпожества M_2 с точки зрения полной сводимости различий между этими гласными к действию оператора P_1 , то, принимая гласные множества M_1 в качестве операндов, а гласные множества M_2 в качестве трансформов, мы можем уста-

¹³ В определении этих понятий мы будем опираться на работу: W. R. Ash by, an introduction to cybernetics, London, 1956.

14 Там же, стр. 10.

¹⁵ См. Р. И. Аванесов, указ. соч., стр. 95, 96.

новить отношение взаимно-однозначной позиционной трансформации между обоими множествами, которые представим на следующей таблице.

M_1	M_2
<i>a</i> ₁	
01	→ O₂
<i>u</i> ₁	u ₂
i1	i 2
e ₁	e ₂

Если обозначить действие оператора P_2 , т. е. передвижку артикуляции вперед и вверх в конечной фазе произношения гласного, знаком P_2 , а гласный, служащий операндом,—знаком Op, то данную трансформацию можно обозначить в виде формулы:

$$Op \longrightarrow Op + P_2'$$

Такая трансформация должна считаться взаимно-однозначной потому, что при одинаковом числе гласных во множествах М₁ и М₂, являющихся соответственно операндами и трансформами, каждому гласному множества М₁ соответствует один и только один гласный множества М₂, и, обратно, каждому гласному множества М₂ соответствует один и только один гласный множества М₁. Так как между гласными множеств М₁ и М₂ существует отношение взаимно-однозначной позиционной трансформации, то множества М₁ и М₂ должны считаться эквивалентными друг другу.

то множества M_1 и M_2 должны считаться эквивалентными друг другу. Обозначив действие операторов P_2 и P_3 знаками P_2' и P_3' , мы можем на основании рассуждений, апалогичных только что изложенному, установить отношение взаимно-однозначной позиционной трансформации между множествами M_1 и M_3 , M_1 и M_4 , которые можно представить в виде следующих формул:

$$\begin{array}{ccc}
Op & \longrightarrow & Op + P_{S}' \\
Op & \longrightarrow & Op + P_{A}'
\end{array}$$

Из только что указанных эквивалентностей множеств ($M_1 \sim M_2$, $M_1 \sim M_3$, $M_1 \sim M_4$) следуют, согласно принципу транзитивности, остальные эквивалентности ($M_2 \sim M_3$, $M_2 \sim M_4$, $M_3 \sim M_4$). Установив эквивалентность множеств индивидуальных звуков M_1 , M_2 , M_3 и M_4 , мы тем самым устанавливаем класс эквивалентных множеств индивидуальных звуков M_1 .

Сосредоточим теперь внимание на индивидуальных звуках a_1 , a_2 , a_3 , a_4 . Мы обнаружим, что эти индивидуальные звуки находятся в отношении связанности между собой с точки зрения возможности объединения в пары, т. е. любые два данных индивидуальных звука могут быть объединены в пару друг с другом ¹⁸.

Поскольку индивидуальные звуки a_1 , a_2 , a_3 , a_4 служат репрезентантами индивидуальных фонем « a_1 », « a_2 », « a_3 », « a_4 », то, имея в виду отношения связанности между индивидуальными звуками a_1 , a_2 , a_3 , a_4 , мы постумируем отношение тождества между индивидуальными фонемами « a_1 », « a_2 », « a_3 », « a_4 ». Отсюда мы устанавливаем класс тождественных индивидуальных фонем, который обозначим знаком « a_3 ». Само собой разумеется, что в этот класс входят не только индивидуальные фонемы « a_1 », « a_2 », « a_3 », « a_4 », но и индивидуальные фонемы « a_5 », « a_6 », « a_7 », « a_8 » и т. д., поскольку число позиций в речевом потоке не ограничивается четырьмя, на которых

¹⁶ В символической логике связанным, или (по терминологии Г. Рейхенбаха) взаимосвязанным, называется всякое двухместное отношение, которое «характеризуется свойством иметь место между любыми двумя различными элементами его поля в одном или другом направлении» (Н. Reichenbach, указ. соч., стр. 116). №

мы сосредоточили внимание в целях удобства изложения, но теоретически безгранично.

На основании аналогичного рассуждения мы устанавливаем классы тождетвенных индивидуальных фонем «о», «и», «і», «е» и точно таким же образом — классы тождественных индивидуальных согласных фонем.

Нужно при этом обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Когда мы постулируем отношение тождества между индивидуальфонемами, скажем — между индивидуальными фонемами «a1», «a₂», «a₃», «a₄» и т. д., то данное отношение тождества само по себе вовсе не вытекает из того факта, что репрезентанты этих индивидуальных фонем, т. е. индивидуальные звуки а1, а2, а3, а4 и т. д., находятся в отношении связанности между собой. Ведь то, что индивидуальные звуки могут объединяться в пары друг с другом, еще ничего не говорит о том, что данные индивидуальные звуки, как и индивидуальные фонемы, репрезентируемые ими, должны быть обязательно тождественны друг другу. Отношение связанности между индивидуальными звуками $a_1,\ a_2,\ a_3,\ a_4$ и т. д. есть условие необходимое, но недостаточное для постулирования отношения тождества между индивидуальными фонемами (a_1) , (a_2) , (a_3) , (a_4) . Мы постулируем отношение тождества между индивидуальными фонемами «a1», «a2», «a3», «a4» и т. д. в конечном счете потому, что физические различия между репрезентами этих индивидуальных фонем, т. е. между индивидуальиыми звуками a_1, a_2, a_3, a_4 и т. д., целиком обусловлены позиционными условиями и могут быть устранены путем мысленного эксперимента. Поскольку отпошение тождества между индивидуальными фонемами постулируется на основании мысленного эксперимента, посредством которого мы абстрагируемся от позиционных различий между индивидуальными звуками, служащими репрезентантами индивидуальных фонем, то отношение тождества между индивидуальными фонемами относится, подобно самим индивидуальным фонемам, к числу конструктов.

Мы проследили, как происходит переход от индивидуальных фонем к илассам индивидуальных фонем. Для того чтобы различать термин «фонема» как название индивидуальной фонемы и термин «фонема» как название класса индивидуальных фонем, целесообразно ввести термин «конкретная фонема» для обозначения индивидуальной фонемы и термин «абстрактная фонема» для обозначения класса индивидуальных фонем. На основании всего изложенного мы видим, что аллофоны представляют собой не что иное, как индивидуальные звуки, служащие репрезентантами индивидуальных фонем. Чтобы различать индивидуальный звук, служащий репрезентантом индивидуальной фонемы, и класс индивидуальных звуков, служащих репрезентантами тождественных индивидуальных фонем, целесообразно ввести термин «конкретный фонемоид» для обозначения второго.

Таким образом, отвечая на поставленный в начале настоящего раздела вопрос о том, каково действительное отношение между фонемой и аллофонами, мы пришли к необходимости построить двухступенчатую понятийную систему фонем и фонемондов в соответствии с разграничением двух ступеней абстракции в фонологии — ступени наблюдения и ступени конструктов. На ступени наблюдения мы имеем дело с конкретными и абстрактными фонемондами, а на ступени конструктов — с конкретными и абстрактными фонемами.

Двухступенчатую систему фонем и фонемондов можно представить

в виде схемы (см. стр. 27).

Как мы уже знаем, между фонемондами, служащими репрезентантами тождественных конкретных фонем, существуют определенные физические различия, целиком сводимые к влиянию разных позиционных условий. Спрашивается: а какие различия существуют между тождественными конкретными фонемами, принадлежащими к одному и тому же классу? Если вслед за А. Тарским мы условимся называть элементы, сходные

Ступень кон- структов	Конкретные фонемы, например: «a ₁ », «a ₂ », «a ₃ », «a ₄ », «a ₅ », «a ₆ », «a ₇ », «a ₈ »	Абстрактная фонема, например: «а»
Ступень наб- людения	Конкретные фонемо- иды, например: a ₁ , a ₂ , a ₃ , a ₄ , a ₅ , a ₆ , a ₇ , a ₈	Абстрактный фоне- моид, например: а

по форме и отличающиеся друг от друга только своим положением в пространстве, равновидными (equiform) элементами ¹⁷, то конкретные фонемы, принадлежащие к одному и тому же классу, должны рассматриваться как равновидиме. Конкретные фонемы представляют собой не подвержевные позиционным изменениям идеальные диакритические которые отличаются друг от друга только своим положением на синтагматической оси языка.

4. Дифференциальные элементы как конструкты

Современная фонология рассматривает фонемы как единицы, которые могут быть сведены к более простым единицам — дифференциальным В исследовании проблемы дифференциальных элементов больщая заслуга принадлежит Р. Якобсону, чья теория бинарных дифференциальных элементов имеет фундаментальное значение для дальнейшего развития фонологии 18. Поскольку на основе сведения фонем к дифференциальным элементам каждая фонема рассматривается как определенный пучок дифференциальных элементов, то логический анализ понятия фонемы нельзя считать полным, если мы не выясним, какова логическая природа дифференциальных элементов.

Для того чтобы выяснить логическую природу дифференциальных элементов, обратимся к конкретному примеру из нивхского языка ¹⁹. В древненивхском противопоставлению напряженного k и ненапряженного kв сильной (начальной) позиции соответствовало противопоставление k и xв слабой (неначальной) позиции.

Если обозначить сильную позицию знаком Р1, а слабую позицию знаком Р2, то это соответствие можно представить так:

P_1	P_2
k'	k
k	x
	<u> </u>

Как справедливо указывает Р. Якобсон, дифференциальным элементом для k, стоящего в позиции P_1 , служит ненапряженность, тогда как

¹⁷ Cm. A. Tarski, Introduction to logic and to the methodology of deductive sciences, New York, 1946, crp. 112.

¹⁸ См. R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis, 2-d print., Cambridge (Mass.), 1955; R. Jakobson and M. Halle, Fundamentals of language, 's-Gravenhage, 1956.

19 Пример заимствован нами из работы: R. Jakobson, Notes on Gilyak, «The bull of the Institute of history and philology [Academia sinica]», vol. XXIX, 1958.

для k, стоящего в позиции P_2 , дифференциальным элементом служит напряженность. В связи с этой констатацией нас интересует здесь в плане логического анализа следующий вопрос: даны ли в прямом наблюдении ненапряженность и напряженность как дифференциальные элементы k в позиции P_1 и k в позиции P_2 ?

На этот вопрос мы должны ответить отрицательно. Прямо наблюдать мы можем ненапряженность и напряженность только как акустические свойства, в плане прямого наблюдения мы констатируем как у первого k, так и у второго k одно и то же акустическое свойство — ненапряженность. Прямо наблюдать мы можем также разные отношения между акустическими свойствами: например, у первого к мы констатируем ненапряженность как самостоятельное акустическое свойство, а у второго k — как несамостоятельное акустическое свойство. Что же касается ненапряженности и напряженности как дифференциальных элементов, то они пе наблюдаются нами, а приписываются акустическим свойствам с целью объяснить противопоставления акустических свойств друг другу. Подобно фонемам, дифференциальные элементы не даны в прямом наблюдении, а постулируются нами в качестве гипотетических элементов, т. е. конструктов, являющихся сокращенными обозначениями отношений противопоставления между акустическими свойствами и вместе с тем обладающих экспланаторной функцией. Отсюда мы должны постулировать отношение репрезентации между акустическими свойствами и дифференциальными элементами, которые мы приписываем им.

Если обозначить ненапряженность как акустическое свойство знаком L, пенапряженность как дифференциальный элемент — знаком «L», напряженность как дифференциальный элемент — знаком «T», то отношение акустических свойств к дифференциальным элементам у k в позиции P_1 и у k в позиции P_2 можно представить в виде следующих двухместных пропозиционных функций. Для k в позиции P_1 имеем R(L, L) (акустическое свойство ненапряженности находится в отношении репрезентации к дифференциальному элементу пенапряженности находится в отношении репрезентации к дифференциальному элементу напряженности).

Определение дифференциального элемента как конструкта можно выразить на языке символической логики так:

$$\Box D = D_{1}(x) \ (\exists \ y) \ [A(x), A(y), O(x, \ y) \supseteq R(x, \ D)],$$

где D озпачает дифференциальный элемент, A — акустическое свойство, O — отношение противопоставления и R — отношение репрезентации. Данную формулу, представляющую собой правило корреспонденции, связывающее конструкт «дифференциальный элемент» со ступенью наблюдения, следует читать так: если x есть акустическое свойство и находится в отношении противопоставления по крайней мере к одному акустическому свойству y, то x находится в отношении репрезептации к дифференциальному элементу D.

Вернемся теперь к таблице нивхских согласных и применим данную формулу к анализу противопоставлений акустических свойств данных согласных. Для этого мы прежде всего подставим в таблицу вместо индивидуальных звуков, показанных в ней, соответствующие индивидуальные акустические свойства. Таким образом мы получим:

Pı	P ₂
T ₁	L_2
Li	C ₂
1	

В этой таблице знак Т означает напряженность, L — ненапряженность. С — фрикативность. Что же касается цифровых индексов, то они показывают, что речь идет об индивидуальных акустических свойствах, которые соответствуют конкретным позициям Р1 и Р2.

Остановимся теперь на акустическом свойстве Т1. Так как Т1 противопоставляется L1, то, значит, существует по крайней мере одно акустическое свойство, к которому Т1 находится в отношении противопоставления. — отсюда мы должны заключить, что индивидуальное акустическое свойство Т1 должно быть репрезентантом индивидуального дифференциального элемента, который мы обозначим знаком «Т1». Переход от индивидуального акустического свойства Т1 к индивидуальному дифференциальному элементу «Т1» можно представить, согласно формуле определения дифференциального элемента, следующим образом:

$$(\exists y)[A(T_1). A(y). O(T_1, y) \supseteq R(T_1, \langle T_1 \rangle)].$$

На основании аналогичного рассуждения можно представить переход от индивидуального акустического свойства L2 к индивидуальному дифференциальному элементу, который мы обозначим «Т2», в виде следующей формулы

$$(\exists y)[A(L_2). A(y). O(L_2, y) \supseteq R(L_2, {}^{\alpha}T_2)].$$

Данные формулы ясно показывают, что переход от попятия акустического свойства к понятию дифференциального элемента происходит от индивидуальных акустических свойств к индивидуальным дифферепциальным элементам через индивидуальные репрезентанты дифференциальных элементов.

Если мы сопоставим только что приведенные формулы перехода от индивидуальных акустических свойств к индивидуальным дифференциальным элементам, то легко увидим полную аналогию этих формул с рассмотренными в предыдущем разделе формулами перехода от индивидуальных звуков к индивидуальным фонемам. Полная аналогия с этими формулами наблюдается также и в отношении перехода от индивидуальных элементов к классам дифференциальных элементов. В самом деле, если мы применим к нашей таблице противопоставлений индивидуальных акустических свойств все рассуждения, изложенные выше по поводу перехода от индивидуальных фонем к классам индивидуальных фонем, то легко убедимся, что индивидуальные дифференциальные элементы, скажем, только что рассмотренные индивидуальные дифференциальные элементы «T1» и «T2», принадлежат к одному и тому же классу потому, что их репрезентантами служат парные элементы, входящие в состав эквивалентных множеств акустических свойств, между которыми имеет место отношение взаимно-однозначной трансформации. Таким образом, логический анализ понятия дифференциального элемента приводит нас к выводу, что существует полный параллелизм между отношением звуков к фонемам и отношением акустических свойств звуков к дифференциальным элементам.

На ступени паблюдения мы различаем индивидуальные репрезентанты дифференциальных элементов и классы индивидуальных репрезентантов дифференциальных элементов. Для обозначения первых мы считаем целесообразным ввести термин «конкретные дифферентоиды», а для обозначения вторых — термин «абстрактные дифферентоиды».

На ступени конструктов мы различаем индивидуальные дифференциальные элементы и классы индивидуальных дифференциальных элементов. Первые целесообразно называть термином «копкретные дифферен-

торы», а вторые — термином «абстрактные дифференторы».

Данную двухступенчатую понятийную систему можно представить в виде следующей схемы:

Ступень кон- структов	Конкретные дифференторы, например: «Т ₁ », «Т ₂ », «Т ₃ », «Т ₄ », «Т ₅ », «Т ₆ », «Т ₇ », «Т ₈ »	Абстрактный дифферентор например: «Т»
Ступень наблю- дения	Конкретные дифферентоиды, например: Т ₁ , Т ₂ , Т ₃ , Т ₄ , Т ₅ , Т ₆ , Т ₇ , Т ₈	Абстрактный дифферегоримор; Т

5. Замечания о теории микро- и макрофонем и глоссематической концепции фонемы

В заключение мы сопоставим предложенную выше двухступенчатую теорию фонемы и дифференциальных элементов с теорией микро-и макрофонем В. Тводела и глоссематической концепцией фонемы Л. Ельмслева. Нам представляется, что это сопоставление будет полезно для полного выяснения принципиального значения эксплицитного разграничения ступени наблюдения и ступени конструктов в фонологии и вообще в структурной лингвистике.

В рамках настоящей работы мы не имеем в виду заниматься подробным изложением теории микро- и макрофонем и глоссематической концепции фонемы (для этого читатель может обратиться к соответствующим работам В. Тводела и Л. Ельмслева 20), а остановимся только на вопросах принципиальной важности. При этом мы должны со всей силой подчеркнуть большую заслугу В. Тводела и Л. Ельмслева, которые, развивая логические следствия из гениального открытия Ф. де Соссюра, что основу языка составляют лингвистические ценности, внесли своими работами серьезный вклад в разрушение наивных представлений о фонеме как элементе физической реальности, данном в прямом наблюдении.

Начнем с теории микро- и макрофонем. В. Тводел приходит к понятиям микро- и макрофонем следующим образом. Если сравнивать друг с другом определенные акты речи, то можно обнаружить в них конкретные звуковые комплексы, которые, отличаясь друг от друга произношением, оказываются тождественными по значению. Отвлекаясь от конкретных различий, можно выделить то общее, что присуще каждому из этих звуковых комплексов. Эту абстракцию В. Тводел называет термином «форма». (Например, если сравнить конкретные акты речи: «Лампа стоит на столе», «Какая прекрасная лампа!», «Где ваша старая лампа?»,— можно выделить форму лампа, общую для всех конкретных слов лампа, встречающихся в этих актах речи.) За исключением омонимов, разные формы отличаются друг от друга своим звучанием. Звуковые различиями, сами же разные формы называются фонологическими различиями, сами же разные формы называются фонологически различными формами. Если

²⁰ См.: W. F. T waddell, указ. соч.; L. Hjelmslev, Omkring sprogteoriens grundlæggelse, Кøbenhavn, 1943; английский перевод: L. Hjelmslev, Prolegomena to a theory of language, Baltimore, 1958 [«The international journal of American linguistics», vol. 19, № 1 (Suppl.), memoir 7].

две формы фонологически различны, то должны существовать регулярные значимые различия между двумя множествами фонологических событий, от которых абстрагируются эти формы. (Например, если взять множество фонетических событий $lamp_1$, $lamp_2$, $lamp_3$, $lamp_4$ и т. д., которые отличаются друг от друга либо в силу индивидуальных особенностей лиц, произносящих эти слова, либо в силу разных фонетических условий, в которых находятся эти слова в речевом потоке, и множество фонетических событий $limp_1$, $limp_2$, $limp_3$, $limp_4$ и т. д., которые отличаются друг от друга в силу действия тех же факторов,— то от этих двух множеств фонетических событий абстрагируются, во-первых, две фонологически различные формы lamp и limp и, во-вторых, фонологическое различие x - i.)

Фонологические различия бывают минимальные и неминимальные. Группа форм, между которыми имеет место минимальное фонологическое различие, составляет упорядоченный класс форм. (Например, английские слова pill-till-kill-bill составляют упорядоченный класс форм.) Члены упорядоченного класса форм соотносятся между собой минимальными фонологическими различиями. Члены этих минимальных фонологических различий называются микрофонемами. (В данном примере, р — t — k — b представляют собой микрофонемы, которыми отличаются друг от друга члены упорядоченного класса форм, характеризуемого общим комплексом ill). Два или несколько классов форм называются одинаково упорядоченными, если их микрофонемы могут быть поставлены во взаимно-однозначное соответствие. Например, классы ϕ орм pill - till - kill - bill и nap - gnat - knack - nab одинаково упорядочены, потому что, хотя микрофонемы обоих классов произносятся неодинаково (p — t — k — b в начале слова имеют эксплозивный характер, а в конце слова имплозивный характер, и кроме того начальные p-t-k произносятся с придыханием в отличие от конечных p-t-k, произносимых без придыхания), тем не менее эти микрофонемы могут быть поставлены во взаимно-однозначное соответствие. Совокупность микрофонем, занимающих одинаковое место в одинаково упорядоченных классах форм, называется макрофонемой. В. Тводел указывает, что макрофонема представляет собой фикцию, которая нужна для удобного описания отношений между формами.

Нетрудно видеть, что термин «форма», которым оперирует В. Тводел, соответствует в нашей теории абстракциям, образуемым путем суммирования конкретных фонетических событий. Например, когда выше мы исследовали противопоставление индивидуальных звуков a_1 и o_1 в словах na_1 и no_1 и no_2 и no_3 и no_4 и

Термин «микрофонема» соответствует нашему термину «конкретный фонемоид», а термин «макрофонема» соответствует нашему термину «абстрактная фонема».

В. Тводел не употребляет термина «конструкт», но когда он характеризует макрофонему как абстрактную фиктивную единицу, то это в общем соответствует тому, что мы понимаем под термином «конструкт» (хотя считаем термин «фикция» и некоторые другие термины, употребляемые В. Тводелом, неприемлемыми, поскольку эти термины могут повести к разного рода недоразумениям в эпистемологическом плане).

Признав за теорией микро- и макрофонем важное значение, поскольку в ней понятие фонемы трактуется имплицитно в качестве конструкта,

мы вместе с тем обнаруживаем в этой теории следующее фундаментальное противоречие. С одной стороны, В. Тводел характеризует макрофонему (в качестве синонима термина «макрофонема» В. Тводел употребляет также термин «фонема») как конструкт, а с другой — он определяет это понятие нак совокупность микрофонем, занимающих одинаковое место в одинаково упорядоченных классах форм. Поскольку термин «микрофонема» соответствует нашему термину «конкретный фонемоид», а, как мы показали выше, конкретные фонемоиды не принадлежат к конструктам, то выходит, что у В. Тводела конструкт «макрофонема» представляет собой класс элементов, не являющихся конструктами. Это фундаментальное противоречие возникает потому, что в теории микро- и макрофонем отсутствует эксплицитное разграничение двух ступеней абстракции — ступени наблюдения и ступени конструктов. С точки зрения этого разграничения невозможно, чтобы макрофонема и микрофонемы соотносились друг с другом как класс и члены класса. Поэтому вместо данной пары понятий возникает необходимость в двухступенчатой системе понятий, вроде той, которую мы попытались построить в настоящей работе.

Перейдем к глоссематической концепции фонемы.

Л. Ельмслев исследовал понятие фонемы в рамках своей общей теории языка, которую он называет глоссематикой. Вслед за Ф. де Соссюром он различает в языке два плана — содержание (означаемое, по терминологии Ф. де Соссюра) и выражение (означающее, по терминологии Ф. де Соссюра), а в каждом из этих планов — форму и субстанцию. Предметом лингвистической теории должно быть изучение чистой формы языка, т. е. чистой формы содержания и чистой формы выражения, независимых от субстанции содержания и субстанции выражения. Для обозначения чистой формы языка Л. Ельмслев употребляет также термин «лингвистическая схема». Лингвистическая схема представляет собой имманентный остов языка, не зависимый от звуков и значений, поэтому реальными единицами языка должны считаться не звуки и значения, а манифестируемые в звуках и значениях элементы чистых отношений. Фонема есть не что иное, как единица плана выражения, которая в качестве элемента чистых отношений манифестируется в звуках, но сама по себе не заключает в себе ничего физического. Поскольку термин «фонема» этимологически связан с понятием звука, то, чтобы освободить понятие фонемы от всяких ассоциаций с понятием звука, Л. Ельмслев предпочитает термину «фонема» термин «таксема выражения» 21.

Сам Л. Ельмслев не пользовался термином «конструкт», но как глоссематическое понятие языка, так и глоссематическое понятие лингвистических единиц и, в частности, глоссематическое понятие фонемы должны, бесспорно, быть отнесены к конструктам.

Хотя фундаментальный тезис глоссематической концепции фонемы, согласно которому фонема не заключает в себе пичего физического и является элементом чистых отношений, манифестируемых в звуках, составляет важное завоевание лингвистической науки и должен рассматриваться в качестве краеугольного камия современной фонологии, однако глоссематическая концепция фонемы содержит в себе серьезную трудность, проистекающую из неожиданного вывода, который Л. Ельмслев делает из этого тезиса.

Согласно Л. Ельмслеву, поскольку фонемы не заключают в себе ничего физического и являются элементами чистых отношений, то они могут
изучаться только путем дистрибутивного анализа. Отсюда предмет фонологии сужается таким образом, что за его пределы выводится исследова-

²¹ См. Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, в кн.: В. А. Звегинцев, Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв., М. 1956.

ние дифференциальных элементов, поскольку последние относятся якобы к физической субстанции языка.

В настоящей работе мы пытались показать, что дифференциальные элементы должны считаться конструктами с не меньшим основанием, чем сами фонемы. Поэтому нам представляется неправомерным выносить изучение дифференциальных элементов за пределы фонологии.

Мы полагаем, что Л. Ельмслев пришел к данному выводу нотому, что в глоссематике отсутствует эксплицитное разграничение двух главных ступеней абстракции науки — ступени наблюдения и ступени конструктов. Суть дела в том, что если не разграничивать эти две ступени абстракции, то тогда, конечно, очень легко смешать дифференциальные элементы с их репрезентантами, которые действительно принадлежат к физической субстанции изыка. Далее, если не разграничивать эти два уровня абстракции, то можно думать, будто бы, осуществляя дистрибутивный анализ, мы имеем дело с чистой формой. На самом же деле надо различать два рода дистрибутивных отношений: дистрибутивные отношения между фонемными репрезентантами, которые имеют место на ступени наблюдения, и дистрибутивные отношения между самими фонемами, которые имеют место на ступени конструктов. Так как в прямом наблюдении нам даны только дистрибутивные отношения между фонемными репрезентантами, то отсюда ясно, что познать дистрибутивные отношения между фонемами можно только через анализ дистрибутивных отношений между фонемными репрезентантами, т. е. через анализ физической субстанции языка. Выходит, что даже если свести предмет фонологии к изучению дистрибутивных отнощений между фонемами, все равно лингвист не может освободить себя от исследования физической субстанции, потому что в прямом наблюдении ничего, кроме физических элементов и отношений между физическими элементами, не дано.

Проблема формы и субстанции как в фонологии, так и вообще в структурной лингвистике представляет собой не что иное, как проблему соотношения ступени наблюдения и ступени конструктов. Поэтому задача фонолога должна состоять не в том, чтобы игнорировать физическую субстанцию, а в том, чтобы, строго разграничивая обе ступени абстракции, фиксировать переходы от элементов физической субстанции к конструктам, к числу которых принадлежат фонемы и дифференциальные элементы.

6. Заключение

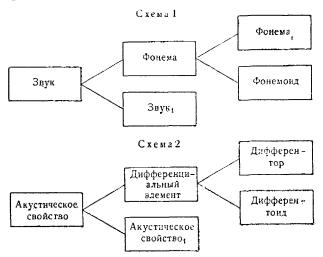
Систему понятий, обнимаемых изложенной выше двухступенчатой теорией фонемы и дифференциальных элементов, можно резюмировать в следующей таблице:

Ступень констру- ктов	Конструкты	Конк ретный дифферентор	Абстракт- ный диффе- рентор	Конкретная фонема	Абстракт- ная фонема
Ступень наблюде- пия	Реляционно- физические по- нятия	Конкретный дифферентоид	Абстракт- ный диффе- рентоид	Конкретный фонемоид	Абстракт- ный фоне- моид
	Чисто физичес- кие понятия	Конкретное акустическое свойство	Абстракт- ное акусти- ческое свой- ство	Конкретный звук	Абстракт- ный всук (Звуковой тип)

Посмотрим теперь на данную систему понятий с точки зрения общих процессов развития понятий в науке. Как показывает история наук,

одним из важнейших процессов в развитии понятий является расщепление понятий (ср., например, в физике развитие понятий теплоты и температуры из первоначального понятия теплоты, понятий тяжелой массы, инертной массы, массы движущегося тела, массы покоя из первоначального понятия массы).

Если сопоставить приведенную систему фонологических понятий с первоначальными понятиями, которыми лингвистика оперировала при изучении звуковой стороны языка, то можно наметить следующие общие схемы расщепления основных понятий, относящихся к изучению звуковой стороны языка:

На первой схеме мы видим, что первоначальное нерасчлененное понятие звука в лингвистике расщепилось в результате прогресса науки на понятие фонемы и понятие звука как чисто физического явления. (Цифровой индекс у термина «звукі» служит для того, чтобы отличить звук как чисто физическое понятие от первоначального нерасчлененного понятия звука в фонетике.) Однако, как мы старались показать в настоящей работе, само понятие фонемы нуждается в дальнейшем расщеплении на понятие фонемы как конструкта и понятие фонемоида (цифровой индекс у термина «фонемаі» употреблен с целью отличить фонему как конструкт от традиционного понимания фонемы как реляционно-физического понятия).

На второй схеме показано расщепление первоначального нерасчлененного понятия акустического свойства на понятие дифференциального элемента и понятие акустического свойства как чисто физического факта (акустическое свойство) и дальнейшее расщепление понятия дифференциального элемента на понятие дифферентора и понятие дифферентоида, необходимость которого мы пытались доказать в настоящей работе.

Как видно из приведенных схем, процесс расщепления фонологических понятий сопровождается все большей степенью абстрактности этих понятий. Так, фонема есть более абстрактное понятие, нежели ввук, а фонема! есть более абстрактное понятие, нежели фонема. Дифференциальный элемент есть более абстрактное понятие, нежели акустическое свойство, а дифферентор есть более абстрактное понятие, нежели дифференциальный элемент. Здесь можно установить три логических этапа в развитии фонологических понятий: 1) глобальный этап (имело место глобальное, перасчлененное понятие звука и глобальное, нерасчлененное понятие акустического свойства), 2) реляционный этап (вычленено понятие фонемы и понятие дифференциального элемента), 3) этап конструктов (вычленено понятие фонемы! и понятие дифферентора).

в. и. георгиев

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ СМЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В АРМЯНСКОМ языке и вопросы этногенеза армян

Диалектальное исследование малоизученных индоевропейских языков может вскрыть новые данные для индоевропейского языкознания. Так, например, в результате новейших исследований в области индийских языков и диалектов установлено, что кафирские языки представляют собой третью самостоятельную индо-иранскую группу с присущими этой группе особыми звуковыми изменениями.

Исследование армянских диалектов привело недавно также к очень важному открытию. Почти одновременно советский арменист А. С. Гарибян и норвежский кавказовед Х. Фогт установили, что некоторые армянские диалекты сохранили неизменными индоевропейские звонкие придыхательные $(bh,\ dh,\ gh)$ и звонкие $(b,\ d,\ g)$ согласные 1 . Данные диалектов и аргументы, выдвинутые авторами, вполне убедительны. Хотя результат их работы несколько неожидан (сохранение индоевропейских звонких придыхательных в некоторых армянских диалектах и наличие в современных диалектах более архаических черт, чем в классическом армянском), он вполне возможен, Этот факт представляет большой интерес не только для истории армянского языка, но и для индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Данное открытие проливает новый свет также на ряд вопросов относительно этногенеза армян.

Армянский язык представляет дальнейшее развитие фригийского или по крайней мере армянский и фригийский являются диалектами одного общего языка 2. Как для армянской, так и для фригийской фонемной системы характерно передвижение смычных согласных. Однако во фригийском были некоторые случаи, которые противоречили этому положению и которые оставались до сих пор не выясненными.

Фригийское слово βέδυ «вода» засвидетельствовано y Clementis Alexandrini Stromates (5, crp. 673): βέδυ μέν τους Φρύγας το ιδωρ φησί καλείν (II в. н. э.). То же слово входит в состав южнофракийских reorpaфических названий: Βεδύνδια, засвидетельствованное у Диодора (начало н. э.), и Βεδύ-συρος, засвидетельствованное у Геродиана (к концу II в. э.) 3 . Фриг. β έδυ = * vedu < v.-е. * $wed\bar{o}(r)$ соответствует в точности классическому армянскому слову get «река» < и.-е. * $wed\bar{o}(r)$ 4, с той лишь разницей, что тогда как во фригийском слове и.-е. dслове и.-е. d перешло в tсохранено, в классическом армянском (передвижение смычного согласного). Эта особенность фригийского слова

кознанию, М., 1958, стр. 138 и сл.

1960

¹ A. C. Гарибян, Новая группа диалектов армянского языка, ВЯ, 1958, № 6, стр. 95 и сл.; его же, Об армянском консонантизме, ВЯ, 1959, № 5, стр. 81 и сл.; Н. Vogt, Les occlusives en arménien, «Norsk tidskrift for sprogvidenskap», bd. XVIII, Oslo, 1958, стр. 143 и сл. См. также Е. Веп ven iste, Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique, BSLP, vol. 54, fasc. 1, 1959, стр. 46 и сл. 2 См. В. И. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому язытехнициям. 4958 стр. 138 и сл.

³ Cm. D. Detschew, Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957, стр. 46 и сл. 4 Cp. J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch (сокращенно ldg. et. Wb.), Bern, 1948—1959, стр. 79; и.-е. w > арм. g, и.-е. ō > арм. u, которое исчезает в конце слова.

казалась до сих пор очень странной, так как здесь следовало ожидать переход d>t. Предположение, что здесь мы имеем грецизированную форму - δ - (ср. греч. $\delta\delta\omega\rho$ «вода»), неубедительно, так как δ появляется также и в географических пазваниях Ве $\delta\delta\nu\delta$ сх и Ве $\delta\delta$ -συρος, где влияние греческого слова невозможно. Теперь, когда установлено, что есть армянские диалекты, сохранившие индоевропейские звонкие смычные согласные, фриг. β вода» становится вполне ясным. Как в армянском языке, так и во фригийском были, следовательно, диалекты, которые сохраняли первоначальные звонкие смычные согласные неизмененными. Открытие А. С. Гарибяна и Х. Фогта, со своей стороны, подтверждает этот факт. Следовательно, с точки зрения распределения армянских диалектов на 7 групп, фриг. β вода» с сохраненным d соответствует I, III, IV или V группам.

Другим подобным примером является само название фригийцев, кото-

рое появляется в трех различных формах:

1. Φρυγες — обычное название фригийцев (главным образом, живущих в западной Малой Азии), засвидетельствованное со времени Илиады.

2. Βρύγες, Βρύγοι, Βρύγοι, Βρύγαι; Βρίγες, Βρίγοι, Brigae — обозначение частей племени, оставшихся в восточной и западной Македонии (и южной Иллирии) после того, как главная его часть переселилась в западную Малую Азию; оно встречается со времени Геродота (V в. до. н. э.) 5.

3. Βρύκες, Βρύκαι, Βρυκείς, cp. Steph. Byz.: Βρύκες καὶ Βρύκαι ἔθνος

Θρέκης.

До сих пор не было виолне удовлетворительного объяснения особенностей преобразования двух смычных согласных, появляющихся в разных формах этого названия. Однако теперь, после распределения армянских диалектов на 7 групп на основании преобразования индоевропейских смычных согласных, различные формы имени фригийцев хорошо можно распределить в эти группы, так как они представляют собою различные диалектальные формы первоначального названия фрыгийцев.

В. Томашек объясния имя Φρύγες из и.-е. * bhrйg-, связав его с лат. $fr\bar{u}g\bar{\iota}$ (несклоняемое прилагательное, застывшая форма дат. падежа) «расчетливый, бережливый, благоразумный, дельный, честный» 6. Этимология эта очень вероятна. Краткое v в Φρύγες в греческой поэзии может быть вторичного происхождения (поэтическая вольность или этимологически неясное заимствование иноязычного происхождения); с другой стороны, помимо Βρύγες, Βρύγοι, встречается и написание Βρύγοι, Βρύγαι, а также Βρύγηίς (в поэзии), которые указывают на наличие здесь долгого v.

Первоначальная (индоевропейская) форма имени, которую можно восстановить и независимо от этимологии Томашка, Фρόγες соответствует I группе (большинство диалектов этой группы расположено в области исторической Малой Армении) или V группе (малатийский, тигранакертский, едесийский, родостский, никомидийский диалекты и западноармянский литературный язык). В I группе и.-е. bh и g сохранены; в связи с этим следует принять, что $\varphi = p^c$ в $\Phi \rho \dot{\varphi} \gamma \epsilon \zeta$ представляет собой субституцию не свойственной грекам армянской фонемы bh. В V группе и.-е. bh перешло в $p^c=\varphi$, а и.-е. g сохранено. Вро $\dot{\gamma}$ ес соответствует III группе (трапезундский, евдокийский, новонахичеванский, константинопольский и марашский диалекты): и.-е. bh > b, а и.-е. g сохранено. Βρύχες соответствует VI группе (древнеармянский литературный язык, современный национальный литературный язык Армянской ССР): и.-е. bh > b, и.-е. g > k. Итак, указанные особенности фригийского языка, предшественника армянского, полностью подтверждают выводы А. С. Гарибяна и Х. Фогта.

⁵ Cp. D. Detschew, указ. соч., стр. 91. ⁶ W. Tomaschek, Die alten Thraker, I, стр. 29 («Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften». Philosoph.-hist. Klasse, Bd. CXXVIII, 1893).

2

Новый аспект фонемной системы армянского языка дает также некоторые новые опорные пункты для предположений относительно этногенезиса армяно-фригийцев. До своего переселения в фригийцы жили на Балканском полуострове, где-то к востоку от македонцев (к востоку от реки Аксиос-Вардар). Об этом пишет Геродот (VII, 73): οι δὲ Φρύγες, ὡς Μακεδόνες λέγουσι, ἐκαλέοντο Βρίγες γρόνον ὅσον Εύρωπήτοι ἐοντες σύνοιχοι ήσαν Μαχεδόσι, μεταβάντες δὲ ἐς ᾿Ασίαν ἄμα τῆ γώρη και το ουνομα μετέβαλον [ές Φρύγας]. Подобные же сведения находим и у Страбона (XIV, 618): Ξάνθος δὲ ὁ Λυδος μετὰ τὰ Τρωτκά (т. е. к ΧΙΙ-ΧΙ ΒΒ. μο Η. Θ.) φησιν έλθειν τους Φρύγας έκ τῆς Ευρωπης και τῶν άριστερῶν τοῦ Πόντου, ἀγαγεῖν δ'αὐτοὺς Σκαμάνδριον ἐκ Βερεκύντων καὶ 'Ασκανίας. Из этих, как и других подобных сведений, видно, что фригийны обитали во II тысячелетии до н. э. в области на восток от реки Аксиос-Вардар и что очень рано они начали передвигаться на восток, как бы «наслаиваясь» на фракийские племена (во Фракии) а позже перешли постепенно в северо-западную Малую Азию.

В превности разграничение между фригийцами и фракийцами было вполне очевидным. Только Страбон (66 г. до н. э. — 24 г. н. э.) отмечает, что фригийцы — Θραχών ἄποιχοι (X, 471); ταύτα (речь идет о празднике в честь богини Κότυς) έοιχε τοις Φρυγίοις, χαί ούχ ἀπειχός γε, ὥσπερ αὐ τοὶ οἱ Φρύγες Θραχών ἄποιχοί εισιν, οὕτω χαὶ τὰ ἰερὰ ἐχείθεν μετενηνέχθαι, χαὶ τον Διόνυσον δὲ χαὶ τὸν Ἡδωνὸν Λυχοϋργον ἀνάγοντες εἰς τὴν ὁμοιοτροπίαν τῶν ἰερῶν αἰνίττονται. Ср. также у Страбона (VII, 295): αὐτοὶ δ'οἱ Φρύγες

Βρίγες εἰσί, Θράκιόν τι ἔθνος.

Отсюда видно, что фригийский и фракийский — близкородственные языки; однако из этого нельзя заключить, что их отношения были таковы, как и отношения двух диалектов одного языка. Так, хотя болгарский и сербскохорватский языки являются очень близкородственными, они представляют два различных языка, восходящих к одному общему языку, существовавшему приблизительно 20 веков назад. Славянский и балтийский также очень близки между собой, по они отграничились один от другого по крайней мере 3—4 тысячелетия назад. Существенные различия в фонемной системе фригийского и фракийского языков, как было установлено новейшими исследованиями, ясно указывают на то, что это два различных, хотя и близкородственных, индоевропейских языка 7.

Уже в древности было известно, что армяне фригийского происхождения (Herodot, VII, 73: Фриүшү ёлогхог). Это подтверждается также анализом фригийского языкового материала: фонемная система фригийского совпадает с праармянской фонемной системой (см. табл. на стр. 38).

Как известно, в армянском языке есть ряд особенностей, которые сближают его с греческим. В сущности фригийцы происходят из области, соседней с прародиной греков. Первоначально греческий и фригийский были, по-видимому, двумя очень близкородственными языками или даже двумя диалектами одного языка 8. Это явствует как из фонемной системы (и.-е. o, eu сохранены в греческом и фригийском, преобразование и.-е. r, l, m, n почти одинаково, и.-е. s- > греч., фриг. h-, 0 и т. д.), так и из их грамматики и лексики.

Однако, перейдя на восток от центральной части Балканского полуострова, фригийны наслоились на фракийский субстрат в Южной Фракии и северо-западной Малой Азии. Этот субстрат и есть причина передвижения смычных согласных во фригийском (и праармянском), так как в фонемной системе фракийского языка это явление большой древности;

⁸ См. статью О. Хааса (О. Haas) в сб. «Езиковедски изследвания в чест на

акад. Ст. Младенов», София, 1957, стр. 464 и сл.

⁷ Ср. В. И. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, стр. 138 и сл.; его же, Българска етимология и ономастика, София, 1960, стр. 73 и сл.

Ие.	Фриг.	Арм. (класс.)
0	0	0
ē ō eu	e, i o, u eu	$\begin{vmatrix} i \\ u \\ (eu>) & oy^9 \end{vmatrix}$
δ, ς η (η)	al, ar an	al, ar an
M(ediae) T(enues) g'h	T(enues) TA(spiratae) (d) z	$ \begin{array}{c c} T \\ TA \\ j, z \end{array} $
s- sw-	$\begin{array}{c} (h->) \ 0 \\ (h) \ w- \end{array}$	h, 0 v-, g-

как теперь установлено, оно не было присуще праармяно-фригийскому языку. Это видно также из того факта, что фригийцы, оставщиеся в Македонии, сохранили g (Bρύγες, Bρῦγοι, Bρῦγαι), тогда как фригийцы, вторгшиеся во Фракию, изменили g в k (Bρύχες, Bρύχαι, фракийский

субстрат).

Итак, фригийский — это язык, являющийся основой армянского языка. Однако в армянском налицо также мизийский компонент (а вероятно, и фракийский). Еще во II тысячелетии до н. э. некоторые племена, обитавшие до тех пор в центральной части Балканского полуострова, — фригийны, пеонцы, дарданцы и мизийцы, — начали передвигаться во Фракию, причем их языки наслаивались здесь на фракийский субстрат; часть этих племен перешла постепенно в северно-западную Малую Азию. С XII в. до н. э. в переднеазиатских письменных документах упоминается народ, который в разные времена запимал различные области северной Малой Азии между Пропонтидой и Мелитеной и который был в тесной связи с фригийцами. Это так называемые мушки: ассир. тизки, греч. Мосхог, Мосхог, лат. Мосскі, евр. тезен и т. д. 10. В имени мушки кроется в сущности имя Моског) 11 «мизийцы» + армянское окончание множественного числа -kc.

С другой стороны, грузины называют армян somex-i. Как правильно указал Г. Капанцян 12 , имя so-mex-i содержит кавказский префикс sa-(> груз. so-) со значением «страна, область» и -mex- от более старого *mesx- = Мέσχο:, Μόσχο: 13 . Следовательно, в грузинском названии армян so-mex-i сохранилось старое племенное имя Моσо: «мизийцы».

Мизийскому компоненту в армянском языке принадлежат, по всей вероятности, те слова, в которых и.-е. о (и оі) преобразовалесь в а (и аі), тогда как во фригийской основе армянского языка и.-е. о сохранилось

неизменным. Примеры:

аіtпит «опухать» из и.-е. *oid-nu-mi, aitumn «опухоль»; греч. οἰδάω «опухать», οἶδμα «опухание, опухоль» (ср. Idg. et. Wb., стр. 774);

akn «глаз», мн. число $a\check{c}$ - k^c , из и.-е. * ok^w -;

 alk^cat «бедный, скудный» из и.-е. *oliko- (ср. Idg. et. Wb., стр. 667); апип «имя» из и.-е. *onomno-: греч. $\"{o}$ vou α «имя» (ср. A. Meillet,

⁹ Cp. nem. eu > oi. ¹⁰ Cp.: A. Goetze, Kleinasien, 2-e Aufl., München, 1957, crp. 179; H. Schmökel,

Geschichte des alten Volderasien, Leiden, 1957, стр. 133, 199 и 267.

11 В мизийском языке это имя было, по-видимому, *Мūš-.

12 Гр. Капандян, Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Древняя Малая Азия, Ереван, 1956, стр. 147.

¹³ Изменение $\tilde{u}>u^i$ или $o^i>\tilde{o}>e$ характерно для мизийского языка; ср. Мото (II.) > поэже Мотоі, Moesi>Mesi.

Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, 2-e éd., Vienne, 1936, crp. 48);

asr, род. падеж. asu «руно, овечья шерсть» из и.-е. *pok'u-+r,

asvet «шерстистый» из и.-е. *pok'- (ср. ldg. et. Wb., стр. 797);

ateam «ненавидеть», ateli «ненавистный, вражеский»: лат. odium «отвращение, ненависть», odor «запах» из и.-е. *hod-, тогда как арм. hot «запах» принадлежит к фригийской основе (ср. Idg. et. Wb., стр. 773);

audi «овца» из и.-е. *howi-, тогда как hoviw «пастух» из и.-е. *howi-pa-

принадлежит к фригийской основе;

haci «ясень» из и.-e- *hoska; ср. др.-исл. askr «ясень» (см. Idg. et. Wb.,

стр. 782).

Другие компоненты армянского языка представлены в названии армян $hay-k^c$, что связывает их со страной Hajasa и с $\Pi \alpha iovec$, как и в ' $A \rho \mu \dot{\epsilon} v iot$ 14. По Страбону (VII, 331, frg. 38), Паіочес — это фригийское племя, а по их собственному мнению (Herodot, V, 13), они потомки троянских тевкров. Это название можно вывести из и.-е. * $p_{\partial w}$ -(i)/ δn «меньший, меньшее» (ср. гот. fawai, мн. число «немногие, мало кто» из и.-е. *рәwo-, греч. παυ-ρος «маленький» из и.-е. *pəu-ro-s и др.) и идентифицировать с областью Phrygia Minor (ή μικρά Φρυγία) «Малая Фригия» в северо-западной Малой Азии (в Троаде), т. е. Παίονες представляет этникон более древнего названия Φρογία *Παίων = Phrygia Minor «Малая Фригия».

С другой стороны, имя армян $hay-k^c$ (как они сами себя зовут) восходит, несомненно, к названию страны Hajasa, засвидетельствованному в хеттских документах. Страна Најаза локализируется в северо-восточной Малой Азии, приблизительно в области позднейшей Armenia Minor (ή μιχροτέρα ' Αρμενία или ή μιχρά ' Αρμενία), т. е. в Малой Армении. На основании этого можно предположить, что в Hajasa (и в $hay-k^c$) кроется индоевропейское прилагательное сравнительной степени *paw-jos «minor, minus» (н.-е. p >арм. h). Следовательно, имена Hajasa и $hay-k^c$ родственны имени Паі-оувс: недифференцированное употребление индоевропейских суффиксов сравнительной степени -(i) j δs и -(i) j δn хорошо известно из греческого и древнеиндийского.

Йтак, в названиях Βρύγες — Φρύγες — Βρύχες, Μυσο! — mušku — Μόσχοι, Mе́оуо: — so-mex-i «армяне», П α іоу α с — $Hajasa — hay-k^c$ «армяне», (в Фессалии) — 'Ορμένιον (το όρος в северо-западной Малой Азии) — 'Αρμένιοι «армяне» сохранены следы сложнейшего пути возникновения армянского

народа.

Помимо достоверного, здесь также имеются некоторые гипотетические положения, неизбежные при интерпретации собственных имен. Однако несомненно, что новые положения относительно фонемной системы армянского языка проливают обильный свет на все эти вопросы. Было бы очень важно при дальнейших исследованиях армянских диалектов попытаться установить, в какой связи находятся эти, как и некоторые другие, особенности армянской фонемной системы (например, двоякое преобразование индоевропейского w) с различными компонентами армянского языка.

¹⁴ См. В. Георгиев, Тракийският език, София, 1957, стр. 77 и сл.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ*

В о п р о с № 2: «Что унаследовал русский литературный язык XIII— XIV вв. от предшествующего периода и в чем сказалось влияние на него северовосточнорусского этнографического и диалектного (великорусского) окружения?»

Как и в предшествующий исторический период, наша письменность XIII—XIV вв. была представлена памятниками различных жанров, отличавшимися друг от друга и в языковом отношении. Указания памятников этого периода говорят о том, что соответствующие жанры были представлены и до XIII в., хотя от этого времени сохранились в подлинниках памятники не всех жанров. Так, до нас не дошли списки летописей ранее XIII в. Но сличение многочисленных летописных текстов позднейших веков с несомненностью свидетельствует о наличии летописей и в XI—XII вв.

На протяжении XII в. вырабатывается восточнославянский (или русский) стандарт церковнославянского (в основе своей старославянского) литературного языка, элементы которого, впрочем, намечались и раньше. Этот стандарт сохраняется и в последующий период — в XIII—XIV вв. Он был представлен прежде всего в намятниках письменности церковнорелигиозного характера, но также и в устном употреблении — в церковном чтении и пении. В какой-то мере элементы этого церковнославянского языка отражались в памятниках любых и самых различных жанров. В деталях стандарт литературно-письменного языка со временем (на протяжении рассматриваемого и предшествовавшего ему периода) мог изменяться.

В памятниках различных жанров XIII—XIV вв. и более раинего времени в разной степени представлено соотношение церковнославянского стандарта и стихии живого русского языка (его различных диалектов). До сих пор еще окончательно не разрешен очень важный вопрос о различных формах литературного языка древней Руси и их соотношении. Несомненно, существовала русифицированная форма церковнославлиского языка. По мнению многих исследователей, ей противостояла другая форма литературного языка, в основе которой лежала живая восточнославянская речь, и эта форма представлена во многих наших памятниках, часто наряду с церковнославянской формой. Такая точка зрения отражена, например, в докладе акад. В. В. Виноградова на IV Международном съезде славистов.

По мнению же некоторых лингвистов, можно говорить лишь об одной, именно церковнославянской, форме литературного языка, принятого на Руси. Согласно этой точке зрения (ср. выступление на том же съезде проф. А. В. Исаченко), в тех памятниках, которые сторонниками иного направления рассматриваются как образцы второй формы литературного языка, мы имеем дело с записью ненормализованной обычной речи, сочетающейся с некоторыми элементами того же нормализованного церковнославянского стандарта (в одних памятниках в большем, в других в меньшем количестве). Заметим, что, действительно, не только различные юридические документы (грамоты духовные, договорные и т. д.), но даже

^{*} Продолжение публикации ответов на анкету, помещенную в \mathbb{N} 4 за 1959 г. (стр. 50—51).

наименее связанные традицией новгородские берестяные грамоты, большей частью представляющие собой частные письма, содержат определенные традиционные выражения, определенные штамиы, переходящие из века в век (ср., например, начало многих грамот «отъ... къ...» — ω гоставляют васильви, № 9, ω бориса ко ностасии, № 43 и т. д.); однако не они составляют основное содержание грамот.

При установлении того, что было унаследовано явыком различных письменных памятников XIII—XIV вв. от предшествующего времени и какие явления начали отражаться лишь в памятниках рассматриваемого времени, следует, учитывая жанровую дифференциацию памятников и различное соотношение в них элементов церковнославянского стандарта и живой восточнославянской речи, различать, во-первых, явления орфографии (и графики) и языка, во-вторых, явления, относящиеся к различным сторонам языка, в-третьих, явления, характеризующие специально или систему церковнославянского (русифицированного) стандарта, или живой русский язык (в том числе и отдельные диалекты его), но проникающие также в памятники любых жанров.

Уже вторая половина XII в. характерызуется выработкой своей, русской (восточнославянской) графической и орфографической традиции, представленной и в памятниках церковных. Наиболее ярким в этой традиции является полное устранение знаков, служивших в старославянском письме для обозначения носового гласного заднего ряда (ж, ж), при сохранении (но с иным использованием) одного из знаков, служивших в старославянском письме для обозначения носового гласного переднего ряда (А). Знак в был использован для обозначения гласного а (или несколько более переднего а), причем постепенно выработаны были нормы (иногда, впрочем, нарушавшиеся), разграничивающие сферу употребления этого знака и знака и, а частью и а. Эта особенность нашего письма, унаследованная от предшествующего времени, была сохранена и памятниками XIII— XIV вв. Новые орфографические нормы утверждаются не сразу, им предшествует устранение из нашей письменности некоторых южнославянских особенностей. Очень показателен в этом отношении русский список Богословия Иоанна Экзарха Болгарского, писанный в конце XII, а может быть и в начале XIII в. (Синод. № 108) и характеризующийся отчетливо выраженным русским (восточнославянским) правописанием; он уже почти не содержит ж (всего три случая на протяжении полутораста листов), но разграничение А, Д, а в нем еще не нормализовано.

На протяжении предшествующего периода происходит такое важное для русского языка явление, как падение редупированных (возможно, что в некоторых русских и именно впоследствии теликорусских готорах оно завершалось уже в XIII в.). Это явление, как и различные последствия его, отразилось через некоторое время в памятниках в виде ряда колебаний в написаниях. Устанавливается новая орфографическая традиция, в которой отражается как утрата слабых редупированных, так и прояснение сильных редупированных в гласные полного образования, а также некоторые (но только некоторые) последствия падения (например, отвердение конечных губных согласных). Эта новая орфографическая традиция, не связанная никак с унаследованной от старославянского языка, оформляется в основном на протяжении XIV в. (достаточно отчетливо представлена она в Лаврентьевской летописи, хотя, конечно, некоторые колебания имеются и здесь).

Если говорить о собственно языковых чертах, то среди них, как уже сказано, есть характеризующие специально церковно-книжный язык (т. е. язык, опирающийся на церковнославянский стандарт). Из них одни, хотя они и связаны специально с церковнославянским языком, нахогят себе поддержку и в живом русском языке, другие же никогда ему свойственны не были. Так, система склонения и система глагольных форм, наиболее

ярко представленные именно в памятниках церковно-религиозной литературы, были унаследованы от предшествующего состояния восточнославянского языка и очень близки вместе с тем к старославянской системе склонения и временных форм. Замещение форм аориста и имперфекта (и имперфекта, возможно, даже раньше, чем аориста) формами перфекта осуществляется преимущественно на протяжении рассматриваемого периода, хотя зачатки этого процесса падают, по-видимому, на более раннее время. Есть основания думать, что эта замена начинается с форм 2-го лица ед. числа. Употребление форм 2-го лица ед. числа перфекта в соответствии с формами имнерфекта или аориста от тех же глаголов для других лиц (и чисел) является нормой наших грамматических руководств XVI и XVII вв. (мы находим, например, такую норму у Л. Зизания, у М. Смотрицкого). Она становится нормой и русского книжного языка XVI в. (ср. употребление соответствующих форм в письмах Ивана Грозного и кн. А. Курбского). Основания для постепенной выработки такой нормы, как показала статистика, проведенная в свое время Ст. Слоньским, заложены еще в древнейших старославянских памятниках, где формы перфекта обнаруживают явное преобладание именно во 2-м лице ед. числа. Если же говорить специально о русской форме церковнославянского языка, то рассматриваемая норма устанавливается во всяком случае не позднее XIV в., поскольку она отражается уже в Чудовском Новом завете, где, по крайней мере в евангельской части, формы перфекта 2-го лица ед. числа употребляются в соответствии со старыми формами простых прошедших времен более ранних славянских евангельских текстов.

Формы двойственного числа, теряющиеся, как известно, в живом русском языке на протяжении XIII—XIV вв., имели в памятниках древнерусского языка самых различных жанров для 3-го лица различных глагольных времен (а также для повелительного наклонения) окончание -та, тождественное окончанию 2-го лица дв. числа. Это окончание представлено и в старославянских памятниках. В последних, как известно, встречается в 3-м лице дв. числа также окончание -me, более архаическое в этой функции сравнительно с -ma. Форма на -me обнаруживается и в некоторых церковнопамятниках русского извода, писанных, славянских в одной области и характеризующихся, помимо ярко выраженного русского правописания, некоторыми общими особенностями, которые дают основания приурочивать все эти памятники к одному древнему книгохранилищу (предположительно к ростовской епископской библиотеке Кирилла Ростовского). Этими памятниками, возможно, являются Слово Ипполита об Антихристе, Богословие Иоанна Экзарха Болгарского (Синод. № 108), Ростовское житие Нифонта 1219 г., Ростовский Апостол 1220 г. По крайней мере некоторым из них свойственна форма 3-го лица дв. числа на *-те*. Ср.: адамъ же и евьга не стыдишете себе (Богося. Ио. Экз., я. 83 об.); стоишьте $\partial arepsilon a$ мюрина (Житие Нифонта 1219 г., л. 20). Распространена ли arepsilonта форма и по другим намятникам данной группы и в какой мере, можно будет решить лишь в результате специального исследования. Однако уже и теперь можно сказать, что ярко выраженное русское правописание этих памятников при различии представленных в них текстов, а также во многом общие церковнославянские чэрты (свойственные специально памятникам церковно-книжной литературы), наличие которых не могло быть обусловлено воздействием живых русских говоров, — свидетельствуют о возможности существования на Руси, по крайней мере в XIII в., разновидностей церковнославянского литературного стандарта, не обусловленных воздействием живых русских диалектов.

Что же касается особенностей, характеризующих живой язык и проникающих в письменный, то мы не всегда можем отграничить явления, унаследованные от предшествующей эпохи, от тех, которые развились лишь в рассматриваемый период (т. е. в XIII—XIV вв.), поскольку оригинальные памятники, более или менее близко стоящие к живой речи, для времени до XIII в. известны лишь в очень ограниченном объеме (даже из новгородских берестяных грамот, сплошь не датированных, ко времени до XIII в. предположительно относятся лишь немногие). Вследствие ограниченности материала не всегда можно судить и о диалектном распространении тех или иных явлений.

В области грамматического (и специально морфологического) строя продолжалась унификация именных склонений, намечавшаяся в предшествующий период и приведшая (для русского литературного языка) к системе трех продуктивных склонений. В XIII в. намечается унификация косвенных падежей различных именных склонений во множественном числе. К этому же времени относится и объединение форм им. и вин. падежей во множественном числе, подготовившее почву для проникновения во множественное число формы род.-вин. падежа для названий лиц, а затем (значительно позднее) и вообще для одушевленных. Но развитие категории одушевленности в рассматриваемый период в великорусской области еще не представляет особенностей сравнительно с другими восточнославянскими областями. Памятники XIII в. свидетельствуют об утрате живым языком старых простых прошедших времен (аориста и имперфекта). Эта утрата характерна во всяком случае для большинства восточнославянских диалектов, о ней свидетельствуют колебания, обнаруживающиеся даже в церковно-книжных памятниках. Что касается будущего времени несовершенного вида, образованного посредством сочетания вспомогательного глагола буду с инфинитивом, то, в противоположность мнению С. П. Обнорского ¹, я полагаю, что к этому времени оно для русского (великорусского) языка еще не выработалось. Для конца XIV в. можно привести пример лишь из одной западнорусской (белорусской) грамоты. Из области же великорусской можно сослаться лишь на грамоты одоевских и новосильских князей великому князю Литовскому, и то, во-первых, относящиеся не к рассматриваемому периоду, а к XV в., во-вторых, не дошедшие до нас в подлиннике, а сохранившиеся лишь в копии XVI в., к тому же западнорусской и содержащей явные белорусизмы.

На протяжении XIV в. получает распространение суффикс -uea-, -uea- сначала для производных приставочных, а затем и для бесприставочных глаголов. Но для данного периода эти формы не представляют особенности специально великорусской, поскольку в это же время такие образования получают распространение и в других восточнославянских областях, где используются частью даже шире, чем в великорусской области, и лишь в дальнейшем уступают место другим образованиям.

Наконец, на протяжении XIII—XIV вв. в окончания 3-го лица ед. и мн. чисел настоящего времени глаголов в северной части великорусских говоров проникает твердое -m, становящееся затем нормой также московского говора и русского литературного языка (фонетически или морфологически установилось это твердое -m — для характеристики литературного языка безразлично).

В области фонетики наиболее существенным для определения диалектной базы вновь складывающегося русского литературного языка, а также для определения направления воздействия на него диалектного окружения является вопрос об аканье. Конечно, когда мы говорим о «вновь складывающемся русском литературном языке», то для XIII—XIV вв. речь идет лишь о той основе, на которой впоследствии выработался новый русский литературный язык, о той местной разновидности нашего письменного языка, которая впоследствии вытесняет остальные разновидности на великорусской территории.

По всей вероятности, аканье возникло сравнительно поздно (во всяком случае после падения редуцированных, но, конечно, до того времени, к которому относятся первые свидетельства его в письменных памятниках, т. е.

¹ BH, 1959, № 5, crp. 52.

до XIV в.) в южной части южновеликорусской территории, где и ныне сосредоточены наиболее архаические типы аканья, и отсюда уже распространялось на запад и на север. Впоследствии (но не с самого начала) аканье проникло и в московский говор, произносительные нормы которого стали в дальнейшем нормами литературного языка. Когда это произошло? У нас нет никаких сведений о московском говоре XIII в., так как от этого времени не сохранилось никаких памятников, писанных в Москве. От XIV в. известны случаи аканья в московских евангелиях (среди приводимых различными авторами есть примеры, которые могут объясняться и иначе, но имеются и бесспорные). Не знают аканья дошедшие до нас духовные и договорные грамоты XIV в., вышедшие из княжеской канцелярии (в некоторых из них колебания в написании о и а наблюдаются лишь в немногих топонимических названиях, в которых колебания вполне могли отразиться и в письме неакающего писца, если он слышал соответствующие названия в акающем произношении).

На основании этого можно предполагать, что писцы, писавшие указанные московские грамоты, не акали. Существует и иное мнение, согласно которому московские писцы обладали высокой грамотностью, а поэтому не делали ошибок, отражающих аканье, поскольку такие ошибки представляли бы собой резкое нарушение нормы. Но в таком случае встает вопрос, почему они все же допускали ошибки, отражающие их произношение в других случаях. Так, мы находим в договорной грамоте Дмитрия Донского с Ольгердом оспожына, межы, в духовной грамоте Дмитрия Донского — держыть, тогда как написание и после шипящих для XIV в. нормой не было, а раньше XIV в. в русских памятниках и вообще не встречалось. Единичные примеры аканья в московских евангелиях XIV в. также говорят о грамотности их писцов — при недостаточной грамотности они на протяжении такого большого по объему текста, каким является евангелие, конечно, допустили бы большее количество ошибок, отражающих аканье.

По-видимому, писцы, писавшие дошедшие до нас древнейшие московские грамоты, принадлежали к старому московскому населению, среди же лиц, переписывавших евангелия, могли встречаться и выходцы из других мест (следует заметить, что аканье, хотя бы в очень ограниченном объеме, отражается не во всех московских евангелиях XIV в.).

На основании сказанного с достаточной вероятностью можно предполагать диалектную пестротумосковского населения XIV в., объясняющуюся тем, что в Москву с начала ее возвышения стекаются выходиы из разных мест (а начало возвышения Москвы приходится именно на XIV в.). Впоследствии в Москве вырабатывается единый говор, которому довольно быстро подчиняются все вновь приходящие в столицу. Этот единый говор характеризуется также и наличием аканья.

П. С. Кузнецов (Москва)

ОБ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ

Вопрос об основных задачах и методах создания общеславянского лингвистического атласа, обсуждавшийся еще на І Международном съезде славистов в Праге в 1929 г., был предметом оживленной дискуссии накануне и во время последнего IV Международного съезда славистов в Москве (ср. «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», М., 1958, вопросы № № 26 и 27 и доклады на съезде Зд. Штибера, П. Ивича, Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна). В итоге было принято решение о создании Комиссии по общеславянскому атласу и об организации совместной работы над ним диалектологов всех славянских стран. Результаты предварительных исследований в Польше, Чехословакии, СССР и Югославии были обсуждены в ноябре 1959 г. в Варшаве (см. информацию о варшавской конференции в ВЯ, 1960, № 2, стр. 152—154) и будут вновь обсуждаться осенью этого года в Будишине (Лужица — ГДР).

Пражский журнал «Slavia» первым открыл широкое обсуждение проблематики и вопросника для будущего атласа на своих страницах [см. статьи Я. Белича, А. Лампрехта, Я. Бауера и И. Немца (t. XXVIII, seš. 4, 1959)]. Редакция журнала «Вопросы языкознания» решила в свою очередь предложить ряд вопросов, обсуждение которых может способствовать дальнейшей работе над созданием общеславянского атласа и даст возможность определить отношение ряда славистов к этому важному международному предприятию. Редакция предлагает славистам-диалектологам откликнуться на поставленные вопросы в виде кратких ответов (не более пяти страниц машинописи для каждого вопроса анкеты). Эти ответы будут публиковаться либо отдельно, либо в общих обзорах ответов, поступивших в редакцию.

Автор анкеты — Н. И. Толстой.

- 1. Какие основные научные задачи должен разрешить общеславянский атлас: лингвистическая и территориальная реконструкция праславянского языка и его диалектного дробления, определение основных тенденций развития славянских языков (и диалектов), выявление структурной типологии славянских языков (и диалектов) и др.?
- 2. В чем специфика и отличие общеславянского атласа от отдельных национальных славянских атласов?
- 3. Если в задачу общеславянского атласа входит реконструкция диалектного членения праславянского языка, основных путей миграции отдельных славянских племен (народностей) и определение их взаимосвязей, то каковы должны быть хронологические рамки исторических языковых явлений, подлежащих выяснению в лингво-географическом плане?
- 4. Если взадачу общеславянского атласа входит выявление структурной типологии славянских языков и диалектов, то в какой мере и как должны учитываться так называемые «микродиалектные миры»?
- 5. Что может дать для общеславянского атласа обследование неславянских территорий, где раньше существовало славянское население (например, румынской, венгерской), и как это обследование должно проводиться? В какой степени следует учитывать те явления славянских языков, которые связаны с фактами «языковых союзов»?

6. Какого характера должен быть фонетический вопросник для атласа (выбор явлений, формулировка вопроса, обязательность слов)? Какие современные фонологические явления в структуре славянских диалектов следует выделить для определения их типологии (и как)?

7. Какого характера должны быть вопросники по морфологии и словообразованию? Каким образом и в какой мере следует учитывать парадигматические и словообразовательные связи отдельных форм при их карто-

графировании?

8. Какого характера должны быть вопросники по лексике и семантике? Какова их взаимосвязь? Какой должна быть «хронологическая направленность» вопросов? Какие лексические заимствования можно внести в вопросник?

9. Какого характера должен быть вопросник по синтаксису? Нужно ли

типологическое обследование синтаксиса?

10. Что могут дать материалы топонимики для общеславянского атласа? Как и в какой мере их следует использовать (учитывая, что создание топонимического славянского атласа — особое предприятие)?

11. Какой должна быть густота сетки населенных пунктов при сборематериала для атласа? По какому принципу и на каких территориях она

должна быть сгущена или разрежена?

12. Какой должна быть общая транскрипция для всех славянских диалектов (какую транскрипцию следует взять за основу; в каких пределах следует пользоваться фонетической транскрипцией, в каких фонематической)?

материалы и сообщения

д. н. шмелев

О «СВЯЗАННЫХ» СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксическое исследование длительное время стояло в стороне от многих более точных методов, выработанных в других областях языкознания, или же довольно механически приспособлялось к новой, но инородной терминологии (например, заимствованной из фонологии). По справедливому замечанию А. В. де Грота, «развитие структуральной лингвистики в двадцатом веке пошло по тем же путям, что и развитие исторической лингвистики в девятнадцатом столетии — в том смысле, что сначала пришло изучение звуков, потом — слов, и лишь паконец — предложений» 1. Любопытно, что признание «системного» характера языка, подсказывавшее во многих областях лингвистических исследований новые пути для осмысления и группировки фактов, при рассмотрении синтаксического материала обычно сочеталось со стремлением анализировать только изолированные «структуры» как непосредственно данные и единственно «реальные». В только что цитированной работе А. В. де Грота выдвигается требование строгого различения семантических и несемантических категорий в синтаксисе, причем указывается, что только первые релевантны с точки эрения структурной лингвистики, различные же значения, например, объектного и субъектного генитива в таких сочетаниях, как amor patris, -- нерелевантны, поскольку здесь перед нами лишь различные «применения той же самой семантической единицы к различным речевым ситуациям» 2. Требование рассматривать только данную синтаксическую конструкцию, не выходя за ее пределы, явившееся естественной реакцией против достаточно субъективных классификаций синтаксических единиц по их «смыслу», оказалось, несомненно, плодотворным, так как оградило изучение синтаксиса от ряда иллюзорных сопоставлений. Но при этом удивительным образом игнорировалось — обычно горячо поддерживаемое теми же исследователями в других случаях — положение, что «язык — это система», а следовательно — все его элементы связаны друг с другом и взаимообусловлены.

Конечно, соотносительность определенных конструкций в ряде случаев не могла оставаться вне поля врения исследователей. Но это обычно были или разрозненные наблюдения по поводу только некоторых типов синтаксических образований ³, или же достаточно отвлеченные от конкретных

¹ A. W. de Groot, Classification of the uses of a case illustrated on the genitive in Latin, «Lingua», vol. VI, 1, 1956, стр. 9.

² Там же, стр. 14—15.

³ Ср. замечания А. М. Пешковского о «нулевой форме слова», дающие возможность рассматривать ряд именных предложений в качестве глагольных с нулевой связкой («Русский синтаксис в научном освещении», 7-е изд., М., 1956, стр. 256 и сл.), — замечания, которые, по словам Х. Серенсена, «предвосхищают глоссематический анализ» Л. Ельмслева (Н. Ch. S ø r e n s e n, Studies on case in Russian, Кøbenhavn, 1957, стр. 47—19).

языковых деталей общие соображения о структуре предложения 4, для которых некоторые примеры синтаксической «взаимообратимости» конструкций служили лишь иллюстративным материалом.

Достоинством выдвинутого в последние годы «трансформационного» метода синтаксического исследования⁵ является, помимо того, что он дает объективные критерии для различения «совпадающих» по форме конструкций, также и рассмотрение синтаксических единиц в качестве определенным образом связанных и сопоставленных структур. Вряд ли стоит здесь подробно останавливаться на том, что многие стороны теории «трансформаций», как она оформилась в работах 3. Харриса и Н. Хомского, представляются неубедительными и спорными. Прежде всего недостаточно ясными оказались пределы самих «трансформаций». Указанные образцы «ядерных предложений» (kernel sentences) и предложений, которые рассматриваются как их «трансформы», соотносятся друг с другом весьма неоднородно ⁶. Кажется несомненным, что для успешного применения трансформационного метода должны быть последовательно-определены соотношения синтаксических категорий, обусловливающие возможность того или иного противопоставления данной конструкции другой (или другим), а также возможность структурных замен и преобразований в пределах противопоставлений.

Не совсем оправданным кажется и явный, например у Н. Хомского, уклон к пониманию «трансформационного анализа» как «трансформационной истории» конструкций, т. е. сведение различных по строению синтаксических образований к ограниченному числу «ядерных предложений». Понятие «ядерных предложений», составляющее основу траисформационной теории Н. Хомского 7, оказывается по меньшей мере двусмысленным, когда дело касается ряда конкретных преобразований синтаксических структур. Значение предложенного метода, однако, выходит за пределы отдельной школы, так как этот метод ярко иллюстрирует илодотворность системного рассмотрения конструкций как связанных и образующих определенные ряды, определенные формальные противопоставления синтаксических единиц. Идея о соотнесенности определенных конструкций с другими определенными конструкциями, о возможности их взаимных преобразований и признание этой возможности объективной характеристикой данных конструкций, несомненно, открывает пути для более точного ф о рмального разграничения синтаксических единиц и их структурносемантической классификации.

Однако метод «трансформаций» не может быть признан универсальным методом синтаксического анализа 8. Нет основания прилагать его к тем

⁴ Ср. использование Л. Ельмслевом понятия «серии коммутаций» для обнаружения в тех же «именных предложениях» традиционной грамматики «глагольных морфем» (L. Hjelmslev, Leverbe et la phrase nominale, «Mélanges Marouzeau», Paris, 1948, стр. 258 и сл.).

⁵ Cm.: Z. S. Harris, Co-occurrence and transformation in linguistic structure, «Language», vol. 33, № 3, 1957; N. Chomsky, Syntactic structures, 's-Gravenhage, 1957; подробная рецензия на книгу Хомского, содержащая ряд общетеорегических положений, опубликована Р. Лисом («Language», там же); конкретное применение трансформационного анализа к конструкциям с творительным падежом в русском языке содержится в работе: D. S. W o r t h, Transform analysis of Russian instrumental constructions, «Word», vol. 14, № 2-3, 1958.

⁶ По сути дела, уже не структурными преобразованиями, а стародавними «логикосмысловыми» истолкованиями выглядят такие, например, «трансформации», как: рабочие покрыли улицу асфальтом o на улице асфальт; она набила подушку пухом o в подушке пух; он вакрыл лицо воротником \rightarrow перед лицом воротник — при невозможности: он закрыл деерь рукой \rightarrow * на двери рука; родители портят детей баловством \rightarrow *y детей баловство и т. д. (см. D. S. Worth, указ. соч., стр. 281—282).

⁷ N. C h о m s k y, указ. соч., стр. 61 н сл.

⁸ Нельзя, например, согласиться с предположением о возможности трансформировать сочетания дурак дураком и под., высказанным в указанной работе Д. С. Уорф (стр. 270). Нужно заметить, что вообще «трансформации», согласно которым классифицируются конструкции типа $S_n^1 V S_i^2$ (стр. 267—272), не кажутся целесообразными. Предельно внешними по отношению к грамматической структуре фразы представля -

синтаксическим единицам, которые, являясь определенным образом функционально «связанными», выступают как обусловленные «варианты» более общих и независимых конструкций. Выключение данной конструкции из общего трансформационного ряда может, по-видимому, служить как раз одним из основных критериев для отграничения синтаксически «связанных» конструкций. Наряду с такими синтаксическими построениями, которые находятся в определенном и более или менее «регулярном» (т. е. повторяющемся и в других случаях) соотношении друг с другом, в языке существуют построения, лишенные закономерно образуемых, по той или иной линии связанных с ними соответствий. Такие построения обычно квалифицируются как «синтаксические идиоматизмы» или «синтаксические фразеологизмы». Вопрос о «синтаксических идиоматизмах», несмотря на его важность для общей теории синтаксиса и для практических задач, связанных с так называемой «прикладной лингвистикой», освещен в научной литературе совершенно недостаточно. Заслугой Н. Ю. Шведовой, положившей начало подробному систематическому обследованию «фразеконструкций, свойственных ологизированных» русской ной речи, является научное описание большого количества несвободных синтаксических построений и выяснение их отличий от «свободных» конструкций русского языка 9. Однако при теоретическом обосновании этого разграничения внимание Н. Ю. Шведовой было сосредоточено в основном на конструкциях, характеризуемых известной лексической «фразеологичностью»: «В отличие от свободных построений, соединения фразеологического характера не активно и каждый раз заново возникают в языке как реализация его живых синтаксических возможностей, а используются как готовый материал, "обновляемый" говорящим лишь в части знаменательного слова». «Одним из формантов» фразеологизированной конструкции «является застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утративщая свои лексические и категориальные значения» 10.

Следует отметить, что Н. Ю. Шведова говорит здесь о «застывшей», «оторвавшейся от парадигмы» форме о п р е д е л е н н о г о, индивидуального с л о в а (например, о форме чем в конструкции Чем не жених?). Однако в дальнейшем, наряду именно с такого рода конструкциями. Н. Ю. Шведова фактически рассматривает и такие, которые организуются не определенным словом (в той или иной форме), а определенной грамматической формой, «отрывающейся» именно в г р а м м а т и ч еск о м илане от соответствующей парадигмы и обусловливающей определенную структуру предложения (определенный порядок слов, наличие тех или иных служебных частиц и т. д.). Например: Всем молодиам молодеи, Мне теперь и чай не в чай, Без тебя и праздник не в праздник 11. Нетрудно заметить, что в этих предложениях нет фразеологизации какого-то отдельного слова, но здесь фразеологической является самая с х е м а предложения, причем организующим ее элементом выступают не формы какого-то отдельного индивидуального слова, а определенные

ются такие, например, сопоставления, как она выла шакалом \rightarrow она выла, как шакал \rightarrow она выла, как выл бы шакал; они шли вереницей \rightarrow они шли в веренице; Ворис читает сечером \rightarrow Ворис читает под вечер, по вечерам, в этот вечер и т. п.

10 И. Ю. Шведова, О некоторых типах фразеологизированных конструк-

⁹ Прежде всего следует назвать статью «О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи» (ВЯ, 1958, № 2), в которой дается теоретическое обоснование понятия «фразеологизированная» конструкция. В работе «Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке» (сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955) Н. Ю. Шведовой подробно описано значительное количество «устойчивых спитаксических конструкций», имеющих именно н е с в о б о д и ы й характер. Полнее и точнее многие из них охарактеризованы в ведавно вышедшей книге Н. Ю. Ш в е д о в о й «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» (М., 1960).

ий ..., стр. 94. ¹¹ Там же, стр. 98.

⁴ Вопросы языкознания, № 5

(в данном случае — предложные и предложно-падежные) формы с у ществительного вообще (с возможностью — если практически не безграничной, то достаточно широкой — лексической реализации). К характеристике именно такого рода конструкций мы и попытаемся подойти — несколько по-иному, чем это сделала Н. Ю. Шведова.

Основным отличием конструкций, которые будут рассматриваться ниже, от «свободных» синтаксических построений можно признать их оторванность, изолированность от конструкций, вступающих в определенные ряды, синтаксически сопоставимых друг с

другом моделей соединения слов.

Лексико-семантическая замкнутость «связанных» или «фразеологических» конструкций неодинакова в различных случаях. Различной является и степень их семантической членимости, т. е. мотивированности. Однако общей для них является заданность определенной схемы построения и ее, так сказать, «необратимость». В отличие от фразеологических единиц лексики (или лексических фразеологизмов), во фразеологических конструкциях нет лексической «неподвижности», «окаменелости». Они не связаны с определенными словами как таковыми, но они обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов. Поэтому, отличая рассматриваемые конструкции от свободных синтаксических моделей, с одной стороны, и от лексических фразеологизмов -- с другой, мы будем говорить о них о фразеологических схемах конструкций, или сокращенно фразеосхемах. В то время как лексические фразеологизмы индивидуальны в лексической сфере, индивидуальность фразеосхем проявляется в сфере синтаксиса, т. е. в пределах заданной «схемы» допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение.

Рассмотрим различия между фразеосхемами («связанными» конструкциями) и «свободными» синтаксическими построениями с точки зрения структурно-семантической сопоставимости как тех, так и других. Возьмем любую фразу, содержащую сообщение о каком-либо действии, отнесенном к определенному объекту, например: Они мне не помогут. Естественно, что мы можем изменять эту фразу во многих совершенно различных направлениях. Мы можем изменять ее «логическое ударение» путем перестановки слов или изменения интонации. Формально ничто не препятствует изменению временной перспективы фразы и ее «модальности». Естественно, что возможно и ее сопоставление с такими соотносительными высказываниями, как Он мне не поможет, Ты мне не поможеть и т. д. Кроме того, сама приведенная фраза может стать частью более сложного высказывания, например: Они мне не помогут, но..., Если они мне не помогут, то... и т. п.

Совершенно ясно, что все эти «изменення» являются вполне регулярными, т. е. возможны для множества других случаев с сохранением тех же формальных и семантических отношений между сопоставляемыми структурами 12. Каждое из приведенных изменений и многих подобных является вместе с тем регулярно однозначными: изменение утверждения на отрицание не касается значений лица, времени и т. д.; замена одной личной формы глагола другой не вызывает при этом никаких перемен в модальности фразы, ее временной отнесенности и т. и. Далее, каждое подобное изменение является в известном смысле с и м м е т р и ч н ы м: изменение утверждения на отрицание возможно равным образом при всех

¹² Относительно понятия регулярности в языке ср.: L. Z a w a d o w s k i, Constructions grammaticales et formes périphrastiques, Kraków — Wrocław — Warszawa, 1959, стр. 31 и др.

формах лица или времени, причем значение самого отрицания как такового не зависит от различий в этих формах; точно так же при любой временной отнесенности действия возможны все формы лица и их значение как таковое остается тождественным.

Понятно, что возможно и самое разнообразное «распространение» приведенных выше предложений. За вычетом определенных лексических ограничений (например, фраза Они мне не помогут завтра не может быть без очевидных изменений «лексики» переведена в другой временной план) данное распространение часто не касается грамматической «сопоставимости» соответствующих предложений. Но это не всегда так. Возьмем следующее предложение: «— Что к родным писать? Помочь — они мне не помогут; умру — узнают» (Тургенев, Смерть). Прежде всего, легко обнаружить, что место инфинитива здесь является фиксированным по отношению к личной форме того же глагола (препозиция); перемещение их невозможно. Далее, можно заметить, что соответствующий тип конструкции («инфинитив + личная форма того же глагола»), общее значение которой состоит в «акцентировании... предикативного признака» 13, обычен только при определенных семантико-синтаксических условиях.

Во-первых, когда действие отрицается (при этом частица не может находиться только перед личной формой глагола, но не перед инфинитивом; ср. в свободных конструкциях: Не помочь они не могут; Не помочь было трудно и т. п.): «Она чувствовала, что муж цепит ее молчание и признает за это в ней ум. Бить он ее никогда не бивал, разве всего только один раз, да и то слегка» (Достоевский, Братья Карамазовы); «... пробивались те же мысли о близком свидании, и желанном, и чем-то страшащем Соустина. И спать — не спалось. Стоило лишь закрыть глаза, как в них непрошенно разгоралась опять Москва...» (Малышкин, Люди из захолустья).

Во-вторых, при противопоставлении (предшествующем дующем), когда возможны и утвердительная, и отрицательная формы фразы. Таким образом, конструкция типа Помочь они не помогут и Помочь они помогут оказываются уже сами по себе не вполне соотносительными, поскольку первая выступает и как самостоятельное (синтаксически) целое, и в рамках уступительно-противительной конструкции, вторая же только при наличии определенного противопоставления (иногда выраженного имплицитно). Интересен и нагляден в этом смысле следующий отрывок из повести А. Толстого «Детство Никиты», иллюстрирующий восприятие соответствующей конструкции маленьким героем повести: « — А вы как спали, Аркадий Иванович? — Спать-то я спал хорошо, — ответил он, улыбаясь непонятно чему в рыжие усы, сел к столу... и подмигнул Никите через очки. Аркадий Иванович был невыносимый человек: всегда веселился, всегда нодмигивал, не говорил никогда прямо, а так, что сердце екало. Например, кажется, ясно спросила мама: "Как вы спали". Он ответил: "Спать-то я спал хорошо",— значит, это нужно понимать: Никита хотел на речку удрать от чая и занятий; a вот Никита вчера вместо немецкого перевода просиден два часа на верстаке у Пахома"».

Таким образом, контуры соответствующей фразеосхемы оказываются довольно четко очерченными. Это «инфинитив + личная форма того же глагола» с последующим (или предшествующим) синтаксическим противопоставлением. Личная форма глагола в таких случаях может быть и без отрицания и с отрицанием 14; ср.: «— Понимать — я понимаю, а вот объяснить дельно не сумею...» (Шолохов, Тихий Дон); «[Феклуша]... Я, по своей

¹⁸ Н. Ю. Шведова, Очерки по синтаксису русской разговорной речи,

¹⁴ Несколько по-иному характеризуют подобные конструкции А. Н. Гвоздев («Очерки по стилистике русского языка», М., 1955, стр. 284) и Н. Ю. Шведова («Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке», стр. 311—312; «Очерки по синтаксису русской разговорной речи», стр. 48—52).

немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала» (Островский, Гроза); «— ... И дедушка твой, по старой памяти, иной раз замахнется палкой, но бить не бьет» (Чехов, В родном углу); « — Я от земли освободился, — что она? Кормить не кормит, а руки вяжет» (М. Горький, Мать) и т. д.

Возможно такое же строение и обоих членов противопоставления: «[Крутицкий] Кому счастье, Елеся. А нам нет счастья; бедному Кузиньке бедная и песенка. Терять—терял, а находить—не находил» (Островский, Не было ни гроша...). Ср. в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева: «Иван купеческий сын птицу слушать — слушает, а рубить — все-таки рубит; изрубил ее на мелкие части...».

Таким образом, синтаксическая функция конструкции с отрицанием типа Π омочь они мне не помогут оказывается двоякой, но ее трансформация в обоих указанных случаях могла бы идти по одной линии — исключением инфинитива мы сводили бы фразу к соответствующему свободному синтаксическому построению: Помочь они мне не помогут \rightarrow Они мне не помогут; Tерять - терял, а находить — не находил $\to Tерял$, а не находил и т. п. Понятно, что подобное соотнесение конструкций не было бы оправданным, так как помимо всего прочего, не поддавались бы скольконибудь грамматически определенному выражению те изменения, которые при этом возникают. Эти изменения не являются ни лексическими, ни категорнальными, поскольку присутствие инфинитива перед личной формой того же глагола не изменяет грамматической характеристики этой формы; но оно изменяет общую «модальность» (в широком смысле) всего высказывания и предопределяет известным образом его структуру. В то время как модальность «свободных» синтаксических построений выражается или морфологически, или («модальность» в широком смысле) лексически (союзами, частицами, «модальными словами»), «связанные» конструкции характеризуются специальной, так сказать, синтаксически обусловленной «модальностью», которая поэтому не может найти адекватного определения, не будучи связанной ни со значением определенных слов, ни со значением определенных форм как таковых (понятно, что в указанных выше предложениях значение инфинитива самого по себе не определяет специального «значения» этих предложений). Вместе с тем она не может быть признана нерелевантной для синтаксиса, так как находит формальное синтаксическое выражение.

Связанные конструкции, выключаясь из обычных (для входящих в их состав форм) противопоставлений и соответствий, образуют особые «ряды» структур, имеющих совершенно иные соотношения между организующими их формами, чем свободные конструкции с теми же грамматическими компонентами.

Так, рассмотренные только что конструкции, построенные по схеме: «инфинитив + личная форма того же глагола (+ частица -mo) + no (a, только и т. д.)» и по строению, и по смыслу близки к именным конструкциям, имеющим ту же функцию противопоставления и построенным по схеме: «имя (также наречие и "предикативное слово") + частица -mo + то же имя (наречие и т. д.) в той же форме + no (a, moлько и т. д.)...», т. е. таким, как: «— А мне можно будет с вами идти? — спросил я, помолчав немного. — Можно-то можно, да мой совет лучне не ходить. Из чего вам рисковать?» (Л. Толстой, Набег); «Наташа искоса поглядывала на него, думала: «Красив-то — красив, только слишком развязен» (А. Толстой, Наташа); « — Что, может, не так написано? Не по форме? — По форме-то оно по форме, — задумчиво отозвался Медович, — да я боюсь, как бы тово...» (В. Ардов, Сахар Медович) и т. п. Ср. значение этой конструкции при невыраженном внешне противопоставлении: « — ... Слышал, что у вас толковый председатель артели.— Мираида Александровна держалась, видимо, несколько иного мнения насчет председателя.— Толковый-то толковый, уклончиво заметила она.— Отчего ему не быть толковым: народ у нас работящий...» (Г. Гулиа, Лепочка).

Эти конструкции в свою очередь связываются с именными, имеющими в составе: «существительное в именительном падеже + то же существительное в творительном падеже + но (а и т. д.)...»: « — Я понимаю — у тебя настроение. Но настроение настроением, а мне нужно ехать к месту службы» (А. Толстой, Чудаки); « - Комары комарами, - заметил Кондратий строго, — а на пруду по ночам девице одной неудобно...» (А. Толстой, Хромой барин); « — Страх страхом, — ответил ему Богомягков, — но есть чувство более сильное, чем страх» (Седых, Даурия) и т. п. 15. Подобно тому, как в глагольных конструкциях с препозитивным инфинитивом противопоставляемые фразы могут иметь «симметричное» строение (Терять — терял, а находить — не находил), и в данных конструкциях оба члена противопоставления, соединенные противительным союзом, могут быть образованы по одинаковой схеме, например: «- ... Наконец что же? Ведь риск риском, а благодарность все-таки благодарностью» (Куприн, Олеся); « — Страх страхом, а дело делом! Вы чего насмехаетесь?» (М. Горький, Мать); « — ... Одним геройством ничего не сделаешь. Геройство геройством, а танки танками» (В. Некрасов, В оконах Сталинграда) и под.

Можно указать, наконец, на конструкции, представляющие собой сочетание двух одинаковых форм (существительного, прилагательного, наречия, предикативного наречия, а также инфинитива и личных форм глаэс: a), соединенных частицей не и имеющих опять-таки характер «уступительного» противопоставления к последующей части высказывания (часто при возражении на соответствующее утверждение собеседника). Например: « — И к чему рассказывать эдакое на ночь. Разбойники не разбойники; а время темное, не годится совсем ехать» (Гоголь, Старосветские помещики); « Π рав ∂ а не прав ∂ а, а так испокон века идет» (Салтыков-Щедрин, Рождественская сказка); «... — Вовсе даже дикие люди. — Дикие не дикие. а все божья тварь... Пожалеть надо!» (Станюкович, Максимка); «Был он.., пьян не пьян, но грузен, удручен и раздражителен» (Куприн, Исполины); « — ... Чай, бесплатно дают? — Бесплатно, не бесплатно, но дешево, сказал я в тон ему» (Г. Гулиа, Леночка); «А ты пешто хочеть бросить пьянство, Лучкин? — насмешливо промолвил Леонтьев.— Бросить не бросить, а чтобы, значит, без пропою вещей...» (Станюкович, Максимка); « — Ты что, зимовать тут собираешься? Не буду рыть. — Зимовать, не зимовать, а упереться здесь я должен, пока остальные не переправятся» (Шолохов, Они сражались за родину); « -...Помешал? - Помешал не помешал, а садись, не выгонять же тебя» (Шолохов, Поднятая целина); « — Тут думать надо. Только ты ∂y май не ∂y май, а раз на службе не был, то и загадки не отгадаешь» (Седых, Даурия) и т. п. 16.

Как можно видеть из приведенных примеров, значение самого «отрицания» в рассматриваемых конструкциях не является однородным. От полного (или почти полного) отрицания действия (и вообще явления, признака), ср.: «Бросить не бросить, а чтобы, значит, без пропою вещей...», — в этих конструкциях намечается градация как бы к равноправному сопоставлению утверждения и отрицания и их противопоставлению другому явлению как равно не имеющих на него влияния; ср.: «Думай не думай, а загадки пе отгадаеть». В первом случае перед нами как бы противопоставление уже и внутри самого сочетания с не: «Бросить (-то) — не бросить...», «Бесплатно (-то) — пе бесплатно...»; во втором как бы разделительное отношение между двумя членами: «Думай (или) не думай...», «Дикие (или) не дикие...». Нетрудно заметить, что для ряда случаев, например для

для структуры предложения как такового.

16 Детальная характеристика данных конструкций дана Н. Ю. Ш в е д о в о й в работах: «Некоторые виды значений сказуемого...», стр. 337—338 и «Очерки

по синтаксису русской разговорной речн», стр. 52-55.

¹⁵ От данных сочетаний отграничиваются наречные сочетания типа честь-честью, чин-чином, а также сочетания с творительным «усилительным» существительных, приобретающих предикативно-оценочное значение. Последние не являются значимыми пля структуры предложения как такового.

приведенных в тексте: «Разбойники не разбойники...» и многих подобных, соответствующая интонация является в достаточной мере факультативной ¹⁷.

Другими словами, «уступительное» соотношение, создаваемое данными конструкциями, не является одинаковым: оно может быть осмыслено в одних предложениях как хотя и..., в других — как хотя и не..., не соответствуя, конечно, грамматически ни тому, ни другому. Все это достаточно наглядно иллюстрирует несоотносительность создаваемой «рациональными» средствами «модальности» свободных конструкций и синтаксически обусловленной, грамматически не расчлененной «модальности» фразеосхем. Несомненно, что все указанные выше фразеосхемы имеют нечто общее между собой. Общим для них является то, что каждая из них строится на повторении одного из слов в определенной форме, общей является структурная обусловленность их синтаксической функции в составе целого, а также обусловленность месторасположения компонентов. Однако, несмотря и на достаточную при этом близость их общего значения, они почти не поддаются логическому или категориально-грамматическому сопоставлению друг с другом. Поэтому возможные для них структурные преобразования неоднозначны и несоотносительны в грамматическом плане.

Как уже отмечалось выше, те синтаксические конструкции, которые имеют основание быть названы «свободными», не заключают в себе какойлибо специальной, синтаксически обусловленной характеристики со стороны отношения говорящего к содержанию высказывания. «Модальность» предложения определяется здесь морфологическими формами наклонений, а различные ее «оттенки» — также интонационными и лексическими средствами. Совершенно ясно, например, что различные «оттенки» побуждения, выраженного формами повелительного наклонения (такие, как приказание, совет, просьба и т. д.), определяются, в конечном счете, интонацией 18 и соответствующей «лексикой» высказывания. Структурно эти «оттенки» в большинстве случаев никак не фиксированы 19, поэтому сами по себе конструкции вроде Houdu застра в театр и под. являются «нейтральными» в том смысле, что они могут иметь при соответствующих условиях все указанные оттенки. Вместе с тем при определенной схеме фразы одна из форм повелительного наклонения приобретает вполне однозначную и уже структурно обусловленную смысловую направленность (или «модальность» в широком понимании): при сообщении о каком-то произведенном или же

¹⁷ Данные конструкции нужно отличать от таких, в которых, по мнению А. Е. Кисселева, «повторения фиксируют сложный диалектический познавательный процесс, ход установления, искания истины, процесс, связанный с утверждением и отрицанием, с уверенностью и сомпением, сравнением и сопоставлением», т. е. — таких, как: «мужик — не мужик, барии — не барин, а так словно середка какая», «усадьба — не усадьба, деревия — не деревня, пустошь — не пустошь... так земля» (см. А. Е. К истен в р. О некоторых случалх выражения категории модальности в русском языке, «Изв. Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. ХХИИ, Симферополь, 1957, стр. 382—383).

¹⁸ Если «значение» интонации почему-либо остается неясным, то контекст и некоторые грамматические особенности употребления формы не всегда могут указать на характер побуждения. Ср.: «Если можете, то женитесь на Лизавете Николаевне, — подарил вдруг Маврикий Николаевич, и, что было всего любопытнее, никак иельзя было узнать по интонации голоса, что это такое: просьба, рекомендация, уступка или приказание» (Достоевский, Бесы).

¹⁹ Поэтому едва ли имеет отношение к изучению «побудительных п р е д л о ж ени й» в русском языке их классификация в соответствии с такими устанавливаемыми «оттенками значения», как приказание или распоряжение, требование, предложение, приглашение, призыв, просьба, совет и т. д., которая производится в работе М.К.М и лы х «Побудительные предложения в русском языке» («Уч. зап. [Ростовск.-на-Дону гос. ун-та]», т. 22. Труды ист.-филол. фак-та, Кафедра русского языка, вып. 4, 1953). Ясно, что материал для классификации здесь дают автору не самые предложения, а некий перечень коптекстных «синонимов» к термину «побуждение» — перечень, границы которого совершенно неопределенны (непонятно, почему следует ограничиться именно названными в работе «оттенками», а не выделить еще, например, мольбу, увещание, наказ, предписание, уступку и др.).

неизбежном (или желательном, по мнению говорящего) действии она служит для разъяснения цели (и в то же время как бы и р и ч и н ы) этого действия. В диалоге такому «разъяснению» нередко предшествует эксплицитно выраженный вопрос («за что?»). Таким образом, речевая «ситуация», в которой выступает в данном случае форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, может быть обозначена так: Было, будет сделано (или же: Надо сделать) то-то — За что? (или: для чего?, почему?) — (за то, что) не + императив (всегда 2-го лица ед. числа несовершенного вида). Например: «[Генерал] Черт! Я бы этот завод закрыл навсегда. Не свисти рано утром...! ... А вас всех уморить голодом! Не бунтуй!» (М. Горький, Враги); « — Кабы я был губернатором, я бы твоего сына повесил! Не сбивай народ с толку!» (М. Горький, Мать); « — Я его к тебе в вотчину пришлю! корми на свой счет! — пригрозилась она бурмистру...— За что так, сударыня? — А за то, что не каркай. Кра! кра! "не иначе, что так будет"... ношел с моих глаз долой... ворона!» (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); « — Исаю Горбову я башку оторву, — увидишь! — За что? — спросил хохол. — Не шпионь, не доноси» (М. Горький, Мать) и др.

В подобных случаях форма повелительного наклонения утрачивает — обычные для нее при ее «свободном» (императивном) употреблении — соотношения в выражении собственно побуждения и запрета (в зависимости от отсутствия или наличия не) во всевозможных их «оттенках»; запрета и предостережения (в зависимости от применения формы несовершенного или совершенного вида); она выключается из противопоставления по формам лица (поскольку может с одинаковой свободой относиться как к собеседнику, так и к 3-му лицу); кроме того, что она теряет категориальную временную прикрепленность, так как может соотноситься с действием не только в будущем времени, но и в прошедшем. Следует обратить внимание на то, что для формы императива становится возможным употребление в «придаточной» части предложения (ср. в примере выше: «А за то, что не каркай!»).

В этой же связи нужно вкратце коснуться следующего. Упоминая выше об определенной симметричности возможных для «свободных» конструкций преобразований, мы приводили в качестве примеров неограниченную (синтаксически) возможность для глагольных конструкций замен по категориям лица и времени. Естественно, что это относится лишь к формам изъявительного наклонения. Формы условно-сослагательного наклонения в русском языке, как известно, не обладают собственной временной характеристикой, а система форм повелительного наклонения, кроме того, «не полна» в выражении форм лица. Это обусловлено самим первичным, или функционально независимым, значением 20 дапных форм (о значении 2-го лица ед. числа у так называемой основной формы повелительного наклонения при ее функционально независимом, т. е. собственно императивном, употреблении можно говорить не столько потому, что она предполагает мнимого и реального собеседника, т. е. «2-е лицо», но потому, что соотношение $u\partial u-u\partial ume$ при побуждении полностью параллельно соотношению $u\partial e u b - u\partial e m e$). Естественно, что невозможность для формы императива выступать, оставаясь в своем императивном значении, в зависимой части сложного предложения («придаточном предложении») не будет для нас свидетельством того, что императивное значение формы проявляется в каких-то «несвободных» конструкциях. Эта невозможность обусловлена самим первичным значением формы, поэтому для синтаксиса она нереле-

²⁰ О «первичном» значении формы здесь и в дальнейшем говорится именно как о функционально независимом ее значении, рассматриваемом в чисто синхроническом плане. Не имея здесь возможности останавливаться на этих вопросах, отметим только, что первичным значением мы будем считать то значение формы, которое соотносит ее с большим количеством регулярно противопоставленых ей (по разным линиям) форм. Ср. приводимое Е. Куриловичем различение «fonction primaire» и «fonction secondaire» (см., например, J. K и r y ł o w i c z, L'apophonie en indo-européen, Wroc-ław, 1956, стр. 7).

вантна. Напротив, нарушение подобного «ограничения» может (но не обязательно ²¹) явиться в известных случаях поводом для признания кон**с**трукции «несвободной». Примером таких несвободных конструкций являются в русском языке различные тины «условных» и «уступительных» построений, структурно организующим центром которых является та же форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения. Рассмотрим один из видов условных конструкций 22. Отдельные, более или менее случайные, замечания относительно соответствующего употребления формы императива не всегда оказываются достаточно обоснованными. Так, сомнительным представляется утверждение Л.А.Булаховского о том, что форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа выступает в роли аффективно окрашенных форм условия «чаще с отриданием в значении утраченной возможности» 23. Ошибочно такое наблюдение В. А. Трофимова: «Вообще, отрицание при условном императиве создает так называемый нереальный случай (casus irrealis)» 24. Что не присутствие отрицания при форме повелительного наклонения определяет «ирреальность» условия, можно видеть хотя бы из следующих предложений: «Он чувствовал себя центром какого-то важного общего движения; чувствовал, что от него что-то постоянно ожидается; что, не сделай он того-то, он огорчит многих и лишит их ожидаемого, $a \, c \partial e_{\Lambda} a \ddot{u}$ то-то и то-то, все $\delta y \partial e_{\Lambda} x$ хорошо...» (Л. Толстой, Война и мир); »Но не бу ∂ ь ты болен да бу ∂ ь наши хлопцы чуть постарше, мы бы с тобой зaнимались геологией...» (Павленко, Верность). В первом примере форма повелительного наклонения и с отрицанием и без отрицания (не $c\partial e$ лай сделай) выражает условие потенциально-возможного действия (если не сделает — огорчит многих, сделает — все будет хорошо). Во втором — эта же форма выражает ирреальное условие: что было бы, если бы было то-то и не было того-то (т. е.: если бы ты не был болен и т. д., — мы занимались бы геологией). Таким образом, указанное отличие зависит не от наличия или отсутствия отрицания при форме повелительного наклонения, а от модальности сказуемого в «главном» предложении. В тех случаях, когда форма повелительного наклонения соотнесена с формой условносослагательного наклонения (в другой части сложного предложения), соответствующим предложением выражается ирреальное условие; когда же она соотнесена с формой будущего времени изъявительного наклоне

²¹ Существенным является при этом выяснение того, выступает ли форма во «вторичном», особом «значении» или же «расширительное» употребление формы связано только с ее своеобразной грамматической «метафоризацией». Дело, разумеется, не в какой-либо «абсолютизации» терминов (в данном случае терминов «грамматическое значение» и «употребление» формы), а в желательности различения тех случаев применения формы в ее непервичном значении, когда форма выступает как (в какой-то мере) соотносительная не только с «самой собой» в своём первичном значении, но и непосредственно с другими сопоставленными с пей (при ее употреблении в первичном вначении) формами, — от других случаев, когда расширенное применение формы соотнесено с ее же первичным значением.

²² Как отмечает В. В. Виноградов, «необходимо различать модальные функции глагольных форм наклонения в свободном и синтаксически обусловленном, связанном употреблении. Этот принцип приобретает особенно важное значение при исследовании модальных значений и функции повелительного наклонения (ср., например, модальное значение императивных форм в условных и уступительных конструкциях)» (В. В. В и н о г р а д о в, О категории модальности и модальных словах в русском языке, «Труды Ин-та русск. языка», 11, М. — Л., 1950, стр. 50).

23 Л. А. Б у л а х о в с к и й, Курс русского литературного языка, т. I, 5-е

изд., Киев, 1952, стр. 273.

24 В. А. Трофимов, К вопросу о выражении отрицания в современном русском литературном языке, «Уч. зап. [ЛГУ]», № 156. Серия филод. паук, вып. 15, 1952, стр. 107. Приводимые В. А. Трофимовым примеры не могут подтвердить сго обобщения. Их различная модальная отнесенность обусловливается не наличнем или отсутствием отрицания, а формой глагола «главного» предложения. В одном случае это форма сослагательного наклонения («Щепотки волосков лиса не пожалей, Остался б (хвост у ней» и под.), в другом будущего времени изъявительного наклонения «кажется, запой у него под самым ухом Патти, -> он не шевельнется ни одним членом»).

ния, формулируемое условие изображается как потенциально осуществимое. Ирреальное условие выражают формы повелительного наклонения от глаголов обоих видов, причем и те, и другие одинаково свободно как сочетаются с отрицанием ие, так и употребляются без отрицания (в этом их отличие от употребления форм в побудительных предложениях).

«Связанный» характер данных конструкций проявляется в следующем. В предложениях с ирреальным условием форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа прежде всего утрачивает свое личное значение, так как с одинаковой свободой может относиться ко всем трем лицам. Ср. «... теперь меня постоянно мучит мысль, что $n \omega u n$ его — жили бы мы совсем иначе, все бы иначе случилось, и этого страшного, нелепого случая могло бы и не быть» (Гаршин, Трус); «В десять раз, они говорят, против прежнего стали бы вывозить товару, учини ты гавани в Балтийском море...» (А. Толстой, Петр Первый); «Казалось, шасни он еще раз, она бы вскрикнула...» (Тургенев, Отцы и дети). Ср. также: «Воевали, потому что надо было воевать; потому что — не пойди ты, да я, да он, да они — крах бы нам был!» (Панова, Ясный берег). Характерно, что соответствующая форма множественного числа, параллельная данной форме при императивном употреблении, не «дублирует» ее в этом значении даже в отношении своего собственного лица: «Пиши Вы на эту тему рассказ, было бы лучше» (Чехов, Письмо Лейкину); «Не управься вы своевременно, большая беда была бы для совхоза» (Панова, Ясный берег) и под.

Таким образом, форма императива выключается из обычной для нее (при ее функционально независимом, т. е. императивном, употреблении) системы противопоставлений по лицам: Пиши — пишите — Пусть пишет (пишут). Вместе с тем оказываются невозможными вариации в выражении «субъекта» действия, такие как Пиши — Ты пиши — Пиши ты, так как фиксированный порядок слов становится основным элементом той схемы предложения, на основе которой и реализуется соответствующая функция формы. Эта функция — выражение обусловленности какого-то действия (явления) действием, обозначенным формой императива, причем обусловленности, устанавливаемой говорящим независимо от реальной возможности осуществления этих действий; ср.: «И родись я бабой — утопился бы в черном омуте» (М. Горький, В людях); «Скажи ему кто-нибудь, что, например, Уздечкин некрасив или он сам, Рябухии, некрасив, — он бы пе поверил» (Панова, Кружилиха).

Отметим еще одну функцию императива, которая реализуется только в пределах определенной фразеосхемы. А. А. Шахматов, указывая, что форма 2-го лица ед. числа императива с неопределенно-личным значением унотребляется, в частности, в уступительных предложениях, отнес к последним и такие случаи: «Умный человек — или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси»; «Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай»; «Она вынула лучшее столовое белье, вымытое, конечно, белее снега и выкатанное так, хоть сейчас вези на выставку» и др. под. 25.

Нетрудно заметить, что значение формы императива здесь иное, чем в тех предложениях, которые действительно могут быть отнесены к «уступительным». В приведенных предложениях нет никакого противопоставления, или «обратной обусловленности». «Постоем заморил» — не вопреки тому, что «хоть в нетлю полезай», а настодько, до такой степени. Если для данной фразеосхемы и возможно противопоставление, то это противопоставление совсем иного порядка, причем именно перед конструкцией с хоть ставится другой противительный союз, например: «— Да, кум, пока не перевелись олухи на Руси, что подписывают бум ти

²⁵ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., Л., 1941, стр. 75—76. К уступительным же («условно-уступительным») относит аналогичные предложения в белорусском языке А. И. Журавский (см. «История повелительного наклонения в белорусском языке». Автореф. канд. диссерт., Минск, 1953, стр. 16).

не читая, нашему брату можно жить. *А то хоть пропадай*, плохо стало!» (Гончаров, Обломов).

Рассматриваемые конструкции нередко являются компонентами сложных образований. Они могут выступать в роли придаточных предложений, присоединяемых союзом что к главному (в котором могут быть указательные слова такой, так, настолько, до того и под.), например: «— Нам без луга такая точка зрения подошла, что хоть ложись да помирай!» (Леонов, Барсуки); «Крутой, бодрящий настой мокрого смородинника был так крепок в воздухе, что хоть бери его губами, как грозди крупных, темноблестящих ягод» (Николаева, Битва в пути) и т. д.

Из приведенных примеров видно, что *хот*ь в рассматриваемых конструкциях является не союзом, а модальной частицей. Ее значение могут усиливать слова прямо, просто: « — Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги. Просто хоть караул кричи» (Чехов, Медведь); « — Липнут ко мне бабы, ну, прямо хоть усы сбривай!» (Леонов, Барсуки). Следует отметить, что частица хоть может иногда быть опущена (или заменена словами просто, прямо). Значение предложения от этого не меняется. Общее значение конструкции заключается в выражении оценки какого-либо положения или состояния; при этом действие, обозначенное императивом, рисуется как крайняя степень, высшая точка, к которой приводит указанное состояние. Самое указание на это действие (обозначенное императивом) не связано с представлением о том, что оно будет буквально кем-либо совершено. Указание на его «возможность» или «неизбежность» — это обычно только «метафорическое» изображение той степени качества или состояния чего-либо, что и обусловливает эту «возможность» или «неизбежность».

Рассматриваемые конструкции могут быть разделены на две группы: 1) ими обозначается как бы потенциально возможное для данного объекта или при данных условиях действие: «Мертвым телом хоть забор подпирай, говорит пословица» (Гоголь, Мертвые души); « — Дом у нас теплый, просторный — хоть в горелки играй!» (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); «... помилуйте, я самый смирный стал теперь человек. Хоть прописи с меня пиши» (Тургенев, Рудин) и т. д.; 2) ими обозначается то действие, которое рисуется как единственный «выход» при данных обстоятельствах или как «единственное, что остается делать» в данном положении: «Ученики понимали, а в эту минуту особенно ясно сознали, что и при их житье-бытье подчас хоть продавай душу черту» (Помяловский, Очерки бурсы); «И вот приют открыт, освящен, все готово — и ни одного воспитанника, ни одной воспитанницы! Хоть премию предлагай за каждого доставленного порочного ребенка» (Куприн, Гранатовый браслет); «... — Кабы не увидал я тебя — хоть назад в тюрьму иди!» (М. Горький, Мать) и т. п.

Нет возможности останавливаться здесь на структурно-семантических отличиях, которые в определенных случаях могут характеризовать каждый из этих вариантов фразеосхемы. Достаточно указать на то, что в первом из них субъект предполагаемого действия труднее связывается с самим гозорящим (подобно тому, как в последнем примере выше); поэтому там, где лексическое значение глагола не является решающим, применение соответствующей «грамматической метафоры» к 1-му лицу заставляет воспринять ее скорее как обозначение «вынужденного», чем «желаемого», действия: «— Так полюбила меня, привязалась,— глаз ни на кого не поднимает... Прямо хоть женись на ней» (А. Толстой, Петр Первый); ср. «И он первый раз в жизни обратил внимание на то, что его жена постарела, подурнела, вся насквозь пропахла кухней, а сам он еще молод, здоров, свеж, хоть женись во второй раз» (Чехов, Выигрышный билет). Напротив, эти же конструкции легче применимы к конкретному 2-му лицу, но здесь они уже почти смыкаются с собственно побудительными предложениями, выражающими допущение и т. п. (например, такими: «Когда дедушка сюда придет, отсиживайся под нарами, а в остальное время хоть пой, хоть пляши» (Седых, Даурия).

Существенно отметить, что в ряде случаев соответствующее «значение» конструкции определяется вообще только контекстом; ср.: «Барсук до того притворился мертвым, что хоть сейчас тащи на кладбище» (Помяловский, Очерки бурсы); «А я теперь в таком положении, что хоть фальшисые бумажки делай...» (Чехов, Вишневый сад) и т. п.

Рассмотренные только что конструкции интересны для нас в двух отношениях. Во-первых, они еще раз очень наглядно иллюстрируют природу той синтаксически обусловленной модальности, которая вообще свойственна фразеосхемам. Нет сомнения, что в этих конструкциях действительно особая модальность, достаточно устойчиво сохраняющаяся при самом различном лексическом наполнении фразеосхемы. Она является синтаксически обусловленной потому, что обозначения ни «потенциально возможного» действия, ни действия, которог изображается как «единственно возможное» в данных условиях, не определяются значением и оттенками значения самой формы императива, как не определяются и сочетанием этой формы с частицей хоть (или просто, прямо) (ср. Хоть расскажи что-нибудь! и т. п.). Вместе с тем характерная для фразеосхемы определенность (заданность) модального значения (это не та изменчивая «контекстная» модальность свободных конструкций, которая зависит от интонации и лексического состава фразы, а также может разнообразно изменяться вместе с введением в фразу различных «модальных слов») сочетается, как и в рассмотренных перед этим случаях, с его, так сказать, многогранностью и, в этом смысле, — подвижностью. Это обстоятельство, так же как и «непереводимость» данного значения на «язык» морфологически или (при более широком понимании термина) лексически выраженной модальности, мешает дать ему однозначное общее определение.

Во-вторых, данные конструкции интересны тем, что в них часто возможна «синонимическая» замена организующей фразеосхему формы, т. е. формы императива. Императив здесь оказывается соотносительным с формой инфинитива, выступающей в тех же синтаксических условиях и для выражения того же значения. Например: « — Одежду самую лучшую дам: и черкеску, и сапоги, хоть жениться» (Л. Толстой, Кавказский пленник); «Совестно мне стало, мочи нет, хоть вон бежать» (Тургенев, Однодворец Овсяников); «... так стыдно и горько стало в эту минуту, что хоть на свет не глядеть» (Достоевский, Белые ночи); «Ему так совестно, что хоть сквозь землю провалиться» (Л. Андреев, Баргамот и Гараська); «[Антоновна] ... и никому нет дела, что человеку так, может быть, трудно, хоть руки на себя наложить...» (М. Горький, Дети солнца) и мн. под. Совершенно ясно, что подобная синонимичность или соотносительность конструкций не выводит их за пределы фразеологически замкнутых, изолированных синтаксических образований. Самый характер этой соотносительности, никак не основанной на грамматически формулируемом, собственно категориальном соотношении данных форм, лишний раз оттеняет их синтаксическую «немотивированность», «условность» в данных фразеосхемах.

Нужно отметить также следующее. В составе, а нередко как бы на периферии определенных фразеосхем могут находиться уже лексически «связанные» словосочетания, т. е. фразеологизмы ²⁶. Отражая общее значение данной фразеосхемы, эти устойчивые словосочетания в то же время, так сказать, индивидуализируют его. Конкретное значение каждого из таких лексических фразеологизмов не определяется полностью «типовым» значением данной фразеосхемы, а закреплено именно за ним. Рассмотренная выше фразеологическая модель конструкции дает большое количество соответствующих примеров. Во-первых, это такие фразеологические

 $^{^{26}}$ На это много раз указывала Н. Ю. Ш в е д о в а (см. «Некоторые виды значений сказуемого», стр. 312, 338 и др.).

обозначения трудности, безысходности положения, как: Хоть плачь! Хоть в петлю лезь! Хоть ложись да помирай! Хоть вон беги! Хоть караул кричи! Хоть волком вой! Хоть святых вон выноси! и под. Во-вторых, это в еще большей мере утратившие предикативность и как бы «разобщеннные» в своих отклонениях от общего значения всей фразеосхемы фразеологические словосочетания, вроде Хоть глаз выколи, Хоть шаром покати, Хоть выжми (выжимай), Хоть брось, а также экспрессивные обозначения большого количества: Хоть пруд пруди, Хоть отбавляй и под. Любопытно заметить здесь, как ассимилирующее влияние количественных слов сказывается на изменении закономерных для данных глаголов форм управления; ср.: «Родственников и старух, которыми на всяких родинах хоть пруд пруди, тут не видно» (Чехов, Необыкновенный), но также: «[Ломов]... Таких, как ваш Откатай, у всякого выжлятника — хоть пруд пруди» (Чехов, Предложение). Ср. также синтаксическую роль сочетаний Хоть брось, Хоть шаром покати и др.

Рассмотренные выше примеры фразеосхем (фразеологических моделей конструкций) весьма неоднородны по характеру обусловливающих их элементов. Но они имеют и нечто общее, что их в известной степени объединяет и в то же время резко отграничивает от свободных синтаксических образований. Этим общим является, прежде всего, их необратимость и, так сказать, «замкнутость в себе», поскольку синтаксическая обусловленность значения организующих их грамматических форм и та специальная «модальность», которую они получают как синтаксическое целое, делают невозможным их грамматически однозначное преобразование в соотносительные по форме или по смыслу свободные синтаксические построения.

м. и. стеблин-каменский

диалектальные различия в исландском языке

Те, кто изучал диалектальные различия в исландском, констатируют, что различия эти очень невелики, значительно меньше, чем в других германских языках, и как бы находятся в зачаточном состоянии 1. Если диалектальные различия в исландском действительно находятся в какой-то начальной стадии развития, то не может ли рассмотрение соответствующих данных представлять интерес с точки зрения того, как вообще образуются пиалекты?

Синхрония

Диалектальные различия, мне кажется, могут быть «генеральными», т. е. касаться положений, фонем или фонологических признаков, или «единичными», т. е. касаться слов, форм слов или словосочетаний. Можно установить следующие четыре степени относительной величины генеральных различий: 1) различия в аллофонах, встречающихся в определенных положениях; 2) различия в распределении фонем в определенных положениях (т. е. в нейтрализации тех или иных фонемных противопоставлений); 3) различия в системе фонем, но не в фонологических признаках, действующих в этой системе; 4) различия в системе фонологических признаков и тем самым, конечно, и в системе фонем 2. Единичные различия могут касаться фонемного состава или значения слов, форм слов или словосочетаний. Таким образом, лексические, морфологические и синтаксические различия всегда единичны. Систематизировать единичные различия, по-видимому, значительно труднее. Впрочем для исландского языка они еще почти не выявлены, и я их не буду рассматривать.

С точки зрения приведенной выше градации генеральных диалектальных различий нетрудно установить, что в исландском языке, как правило, нет различий третьей и четвертой степени, т. е. различий в системе фонем. На всей территории Исландии действует одна и та же система фонем. Все засвидетельствованные генеральные различия в исландском — это различия второй степени, т. е. различия в распределении фонем в определенных положениях. Впрочем это не значит, что в исландском нет генеральных различий первой степени. Но такие различия, как правило, упоминаются только постольку, поскольку они сопутствуют различиям второго рода

234). Впрочем оп не касается вопроса о величине диалектальных различий.

¹ Есть следующие описания диалектальных различий в исландском: J. Of eigsson, Træk of moderne islandsk Lydlære, в кн. S. B l ö n d a l, Islandsk-dansk Ordbog, Beykjavík, 1920—1924, стр. VII — XXVII, особенно стр. XXVI — XXVII; М. К гіstensen, Oplysninger om islandske Dialektforskelle, «Festskrift tillägnad H. Pipping», Helsingfors, 1924, стр. 295—302; S. Einarsson, On some points of Icelandic dialectal pronunciation, «Acta philologica scandinavica», årg. III, hf. 3, 1928—1929, стр. 264—279; S. Einarsson, Icelandic dialect studies, I — Austfirðir, «Journal of English and Germanic philology», vol. 31, № 4, 1932, стр. 537—572; В. Guðfinnsson, Mállýzkur, I, Reykjavík, 1946 (второй том так и не был написан); его же, Breytingar á framburði og stalseiningu. Beykjavík, 1947. Сведения од диалектальных различиях framburdi og stafsetningu, Reykjavík, 1947. Сведения о диалектальных различиях в исландском есть также в некоторых статьях и во многих работах по исландской фонети е.

² Несколько другую структуральную классификацию дает Н. С. Трубецкой (N. S. Trubetzkoy, Phonologie und Sprachgeographie, TCLP, IV, 1931, стр. 228—

или поскольку они характерны для областей, переходных между областями с различиями второй степени.

Вот перечень генеральных диалектальных различий в исландском

(транскрипция всюду фонематическая).

1а. На юге и западе Исландии различие между придыхательными [р t k k'] и непридыхательными [b d g g'] смычными после долгого гласного нейтрализовано в пользу непридыхательного. Пример: [ga: da], а не [ga: ta].

1 б. На севере и востоке Исландии это различие нейтрализовано в пользу

придыхательного. Пример: [ga:ta], а не [ga:da].

Это различие между так называемым «мягким» и «твердым» произношением больше всего изучено в исландском 3. Изучены, в частности, переходные области, в которых господствует «смешанное» произношение и встречаются особые аллофоны непридыхательных смычных — непридыхательные сильные (обычно они слабые). Аналогичное различие имеет место также после [р], но в этом случае оно связано с аллофоническим различием глухого и звонкого [р]. Пример: [mapgyr] — на юге, [mapkyr] — на севере.

2a. На юге, западе и отчасти на вост оке Исландии в сочетании глухих или звонких l m n p со смычным нейтрализовано различие между-придыхательным и непридыхательным смычными в пользу непридыхательного. Пример: [benda], но [henda]. В [henda] — непридыхательный сильный (а не слабый, как обычно), так что это отчасти и аллофоническое

различие.

26. На севере и отчасти на востоке Исландии в этом сочетании нейтрализовано различие между звонким и глухим l и n в пользу звонкого. Пример: [henta], но [henda]. Однако в сочетании [lt] здесь действуют особые правила, обусловленные в основном морфологической аналогией, так что различие это отчасти единичное 4 . Фонем же m и n, которые в остальной Исландии представлены только в данном положении, здесь нет совсем, и это — единственное диалектальное различие третьей степени в Исландии.

За. На севере и западе Исландии различие между щелевым и смычным заднеязычными нейтрализовано в пользу смычного. Пример: [kva:

lyr], а не [уа: lyr].

3б. На юге и востоке Исландии этой нейтрализации нет. Пример: [уа: lyr] ([у] может быть представлено лабиализованным аллофоном), а не [kva: lyr]. И здесь есть ряд аллофонических и единичных различий 5 .

4. На севере Исландии различие между [b] и [v], [g] и [χ] в положении перед [b] нейтрализовано в пользу смычного. Пример: [habbi], а

не [havbi], и [sagbi], а не [saybi].

5. Кое-где на севере Исландии различие между [1] и [gl] в положении после [h] нейтрализовано в пользу [gl]. Пример: [dingla], а не [dingla].

6. На северо-западе Исландии различие между [b] и [d] в положении после [r] нейтрализовано в пользу смычного. Пример: [gardyr], а не

[garþyr].

7. На юго-востоке Исландии различие между [r] и [(r) d] в положении перед [n] и [l] нейтрализовано в пользу [r]. Пример: [barn], а не [ba (r) dn], и [karl], а не [ka (r) dl].

Генеральных различий в области гласных значительно меньше:

8. На северо-западе Исландии различие между [a] и [au], [ö] и [öi], [e] и [ei], [i] и [i] в положении перед [h] нейтрализовано в пользу первых членов пар. Пример: [lahgyr], а не [lauŋgyr].

³ См. особенно В. Guðfinnsson, Mállýzkur, стр. 155—243.

⁴ S. Einarsson, On some points of Icelandic dialectal pronunciation, crp. 264

и сл. ⁵ Там же, стр. 269 и сл.

9. На юго-востоке Исландии различие между [1] и [i], [e] и [ei], [ö] и [öi], [a] и [ai] в положении перед [j] не нейтрализовано (в противо-положность тому, что имеет место во всей остальной Исландии). При-

мер: [la: jɪ] отличается от [lai:jɪ].

10. В большей или меньшей мере по всей Исландии, кроме ее северо-запара и юго-востока, различие между долгими [1] и [е], [у] и [ё] нейтрализуется в пользу второго члена пары или в пользу среднего звука. «Флаумайли» (flámæli от að tala flátt «говорить с разинутым ртом») — так называется это произношение — всего ближе к различию в системе фонем. Х. Бенедихтссон высказывает предположение, что в речи некоторых говорящих имеет место полное слияние данных фонем и, следовательно, наличествует особая система гласных фонем ⁶. Однако по общему признанию, слияние соответствующих фонем обычно имеет место только когда они долгие, т. е. только в определенных положениях (долгота или краткость исландских гласных всегда обусловлены их положением в слоге и, следовательно, не являются свойством самих гласных) ⁷.

Те диалектальные признаки, область распространения которых занимает значительную часть страны, в приведенном выше перечне представлены в виде пар, члены которых делят страну между собой и взаимно исключают друг друга (пункты 1a и 16, 2a и 26, 3a и 36). Остальные различия являются периферийными, либо по области распространения (пункты 4—9), либо по сфере употребления (пункт 10). Их поэтому было нецелесо-

образно представлять в виде таких пар.

Области распространения отдельных признаков отчасти совпадают, отчасти перекрывают друг друга, и таким образом выделяются области, характеризуемые двумя или несколькими такими признаками: север Исландии (пункты 16, 26, 3а, 4, 5), юг (пункты 1а, 2а, 3б), восток (пункты 16, 3б), северо-запад (пункты 6, 8) и юго-восток (пункты 7, 9) и, соответственно, «диалекты» — северный, южный, восточный, северо-западный и юго-восточный. Однако это деление замечается только лингвистами. Сами говорящие, как правило, не замечают его, т. е. не осознают своего «диалекта».

По-видимому, осознание диалекта вообще в значительной мере связано с противопоставленностью диалекта тому, что обычно называется литературным языком. Слово «диалект» употребляется, мне кажется, в двух различных значениях: 1) «диалектом» называют местную речь, противопоставленную литературному языку; 2) когда говорят об историческом развитии «диалектов», слово это нередко обозначает речь, характеризуемую местными особенностями, но не противопоставленную литературному языку, -- по той причине, что в данном обществе еще не выработался литературный язык. По-моему, противопоставленность литературному языку, т. е. момент социальной оценки,— это важный момент в понятии «диалект», точно так же как противопоставленность диалекту — важный момент в понятии «литературный язык». Поэтому представляется целесообразным различать «собственно диалектальное», т. е. местное и противопоставленное «литературному», и «несобственно диалектальное», т. е. местное, но не противопоставленное «литературному». Такое различение представляется тем более целесообразным, что распространившееся с некоторых пор злоупотребление неясными выражениями вроде в нашей литературе «(единый) общенародный язык», «(единый) национальный язык», «общенациональный язык», «(единый) язык народности» и т. п., назначение которых заключалось в основном в том, чтобы затушевать фактическое от-

⁶ H. Benediktsson, The vowel system of Icelandic: a survey of its history, «Word», vol. 45, № 2, 1959, стр. 306.

⁷ CM.: K. Malone, Long and short in Icelandic phonemics, «Language», vol. 29, № 1, 1953, crp. 62; E. Haugen, The phonemics of modern Icelandic, «Language», vol. 34, № 1, 1958, crp. 62.

сутствие лингвистического единства, не способствовало четкости и в значении слов «диалект», «диалектальный» и т. п.

Для исландского языка характерно, что в нем противопоставленность местной речи литературному языку либо отсутствует, либо едва намечается, т.е. местные различия в нем — это, как правило, различия «несобственно диалектальные». Все перечисленные выше признаки (кроме приведенного в пункте 10) пользуются как бы полными правами гражданства, не являются отклонениями от какой-то нормы. Й. Оуфейхссон, впервые описавший диалектальные различия в исландском, говорит, что в исландникакого общепризнанного нормального произношения» 8. Б. Гвюдфиннссон, больше всех изучавший эти различия, говорит, в противоположность большинству других культурных народов исландцы еще не упорядочили своего произношения 9. Вероятно, с этим связано и то. что в Исландии общепринято считать язык обитателей хуторов более чистым и правильным, чем язык горожан (поскольку в городах очень широко распространено знание иностранных языков).

Тем не менее в связи с тем, что генеральные диалектальные различия в исландском наконец выявлены описаниями, исландские лингвисты ставят вопрос о том, какие из разновидностей произношения следует предпочесть, т. е. какие из диалектальных признаков следует включить в лите-

ратурную норму.

Всего отчетливее этот вопрос встает в отношении так называемого «мягкого» и «твердого» произношения (пункты 1 а и 1 б). Первое характерно для $^{2}/_{a}$ страны и 75% населения, в том числе для жителей столицы, где живет больше 1/3 всего населения Исландии. В соответствии с этим С. Блёндаль в своем словаре 10 — наиболее обстоятельном из существующих исландских словарей, — хотя и дает оба произношения, но ставит «мягкое» на первое место, а в своем учебнике исландского языка дает только «мягкое» произношение¹¹. Между тем С. Эйнарссон в своем учебнике исландского языка — наиболее обстоятельном из существующих — рекомендует «твердое» произношение, мотивируя это его соответствием орфографии и следовательно большей легкостью для иностранцев 12. Еще решительнее в пользу «твердого» произношения выступал Б. Гвюдфиннссон, мотивируя это тем, что оно исконнее, соответствует обычной орфографии и, на его взгляд, красивее ¹³. Гвюдфиниссон организовал специальное обучение «твердому» произношению в школах и разработал методику такого преподавания 14. По его словам, «твердое» произношение было у него самого сознательно приобретенным ¹⁵, и, кажется, кое-кто последовал его примеру ¹⁶. Й. Хельгасон, впрочем, утверждает, что «твердое» произношение, поскольку оно поддерживается орфографией, вообще «часто слышно при чтении или в тщательной речи, даже вне области своего распространения» ¹⁷. В «Правилах исландского произношения», выработанных для школ, театра и т. д., «твердое» произношение тоже признается «более желательным». Несмотря па все это, «мягкое» произношение остается более распространенным и еще не стало «собственно диалектальным».

⁸ J. Ófeigsson, указ. соч., стр. XIV.

⁹ B. Gudfinnsson, Breytingar..., crp. 8-9. Cp. K.-H. Dahlstedt, íslenzk mállýzkulandafræði, «Skírnir», ár 132, 1958, crp. 31.

S. Blöndal, Islandsk-dansk Ordbog.
 S. Blöndal, I. Stemann, Praktisk Lærebog i islandsk nutidssprog, København, 1953. Ср. также V. Gudmundsson, Islandsk grammatik, Islandsk nutidssprog, København, 1922, crp. 2.

¹² S. Einarsson, Icelandic, Baltimore, 1949, crp. VIII.

¹³ В. Guðfinnsson, Breytingar..., стр. 60--61.

¹⁴ Там же, стр. 52 и сл.

¹⁵ B. Gudfinnsson, Mállýzkur, crp. 14.

¹⁶ Там же, стр. 159. 17 Цит. по кн.: S. Sveinbjörnsson, Icelandic phonetics, «Acta jutlandica», V (suppl.), 1933, стр. 93. Ср. В. Кте 3, Die Laute des modernen Isländischen, Berlin, 1937, стр. 171.

По тем же мотивам (бо́льшая исконность и соответствие орфографии) исландские лингвисты рекомендуют произношение [xa: lyr] (с лабиализованным $[\gamma]$), а не [kva:lyr] 18 (пункт 3б), хотя второе произношение широко распространено (и, в частности, в Рейкъявике). Но и в этом случае произношение, «менее желательное» с точки зрения лингвистов, еще не стало «собственно диалектальным».

В отношении других «более исконных» и «более орфографических» произношений исландские лингвисты ограничиваются тем, что рекомендуют продолжать их применять, чтобы обеспечить их сохранение ¹⁹. Это рекомендуется и в упомянутых выше «Правилах». Известны случаи, когда такое «более исконное» произношение применяется лицами, которые по своему происхождению не могли бы его иметь. Так, по словам Б. Гвюдфиннссона, X. K. Jakchec, читая по радио, произносит [rn], a не [rdn] и [rl], a не [rd1] (пункт 7), хотя он родом не с юго-востока 20 .

Единственное диалектальное различие в исландском, которое является «собственно диалектальным»,— это флаумайли (пункт 10). Это произнопісцие считаєтся неправильным, вульгарным, с ним борются школьные учителя, его порицает само его название. Оно имеет и ряд других названий, локализирующих его происхождение или порицающих ero (suðurnesjamál, nesjamál, sunnlenzka, hljóövilla, hlőðsýki, málflái, flágella и т. п.), и это, конечно, свидетельствует о том, что оно противопоставляется литературному произношению. Область распространения этого явления очень широка. Впрочем, может быть, правильнее говорить о сфере его употребления, так как территориально оно представлено почти по всей стране. Но об этом ниже.

Экскурс в диахроеию

История исландских диалектальных различий совершенно не исследована. Ею никто никогда специально не занимался. Поэтому здесь приходится ограничиться предварительными соображениями.

Из синхронных данных можно заключить, что генеральные различия распределении фонем развивались из аллофонических генеральных различий. Но последние, естественно, никогда не находили никакого отражения в письме, и поэтому время их возникновения невозможно установить.

Что касается первых, то о них известно пока что только следующее. «Мягкое» произношение (пункт 1a) едва ли древнее XIX в. ²¹. Письменные примеры сго встречаются около 1800 г.²². Более древние примеры сомнительны. Произношение [kva:lyr] (пункт 3a), судя по аллитерациям, не древнее второй половины XVIII в. 23. Более ранние примеры, которые приводят Б. К. Тоуроульфссон²⁴ и С. Эйнарссон²⁵, сомнительны²⁶. Флаумайли (пункт 10), видимо, не древнее середины XIX в. ²⁷. Произношение [henda] (пункт 2a) А. Бёдварссон считает результатом количественных изменений, которые произошли в XVI в., но отказывается датировать его

¹⁸ S. Einarsson, Icelandic..., crp. VIII; B. Guðfinnsson, Breytingar.... стр. 60—61.

¹⁹ B. Guðfinnsson, Breytingar..., crp. 61-62.

 ²⁰ Tam жe.
 ²¹ S. Einarsson, Um kerfisbundnar hljóðbreytingar í íslenzku, Íslenzk fræði», 10 [1949], crp. 19.

²² B. Guðfinnsson, Mállýzkur, стр. 234, примеч.

 ²³ B. Guðfinnsson, Breytingar..., ctp. 21; Á. Böðvarsson, þáttur um málfræðistörf Eggerts Ólafssonar, «Skírnir», á 125, 1951, ctp. 170-171.
 24 B. K. Þórólfsson, Um íslenzkar orðmyudir á 14. og 15. öld og breytingar

Þeirra úr fornmálinu, Reykjavík, 1925, стр. XXXIV.

25 S. Einarsson, On some points of Icelandic dialectal pronunciation, стр. 270.

²⁶ Cm. J. Helgason, A short remark, «Acta philologica scandinavica», arg. 111, Hf. 3, 1928—1929, crp. 279—280.

27 Cm. S. Einarsson, On some points of Icelandic dialectal pronunciation, CT. B. Charles and Respired response control of the control

стр. 277; В. Guðfinnsson, Breytingar..., стр. 25.

Бопросы языкознания, № 5

возникновение точнее 28. Видимо, недавним является и произношение [habbi] (пункт 4)29. Если учесть, что все остальные диалектальные признаки (пункты 16, 26, 36, 5, 6, 7, 8, 9) более или менее явно представляют собой остатки древнего и (за исключением пункта 6) 30 общеисландского произношения, исчезнувшего на остальной территории Исландии, то приходится заключить, что возникновение диалектальных различий в исландском относится к совсем недавнему времени — двум последним векам.

Синхронные данные показывают, что все эти недавно возникшие диалектальные различия развиваются и распространяются. Особенно стремительно до самого последнего времени развивалось флаумайли ³¹. Развитие и распространение «мягкого» произношения было очень обстоятельно обследовано Б. Гвюдфиннссоном 32. Его наблюдения над произношением у детей разных возрастов и у взрослых, а также у лиц, переселившихся из области «мягкого» произношения в область «твердого» произношения и наоборот, показали, что «мягкое» произношение распространяется очень быстро. Ему удалось установить также, что сопротивляемость «смягчению» смычных возрастает в последовательности $[p-t-k-k']^{33}$ и что у мальчиков эта сопротивляемость больше, чем у девочек ³⁴. Что касается центров, откуда распространялись новации, то ими, по-видимому, были, с одной стороны, юго-запад — первый по населенности район, где находится и столица, — а с другой стороны, север — второй по населенности и экономическому значению район, где расположен ряд крупных рыболовных центров.

Как видно из синхронных данных, реликтовые диалектальные признаки, как правило, отступают. Однако есть два района (оба они наиболее изолированы от остальной страны), где эти признаки хорошо сохраняются: полуостров на северо-западе (так называемый Vestfjarðakjalkinn, т. е. «Челюсть Западных фьордов»), где сохраняются произношения [gardyr] и [langyr] (пункты 6 и 8), и побережье на юго-востоке, стесненное с севера ледниками и не имеющее удобных гаваней, которге характеризуется произношениями [barn], [karl], [la:jı] (пункты 7,9). Неслучайно оба эти района являются единственными, где не представлено флаумайли.

Таковы внутренние тенденции развития. Однако, как я говорил, исландские лингвисты борются против одних диалектальных признаков и поощряют другие, и в некоторых случаях эти их понытки находятся в противоречии с внутренними тенденциями развития (особенно в случае «мягкого» произношения и флаумайли). Пока что неясно, в какой мере исландским лингвистам удадутся их попытки. Но некоторый успех они несомненно уже имеют.

Исландский язык значительно моложе других германских языков. Исландия была колонизована на рубеже IX и X вв. в основном выходдами из одной области Норвегии, и во всяком случае расселение новопоселенцев в Исландии не соответствовало их расселению в метрополии. Поэтому в эпоху заселения Исландии на ее территории должно было иметь место диалектальное смешение, и образование специфически исландских диалектальных различий могло начаться только после эпохи ее заселения, т. е. много позже, чем в других германских языках. Тем не менее остается непонятным, почему за прошедшие с тех пор тысячу лет

 $^{^{28}}$ Á. Böðvarsson, Uppruni óraddaðs framburðar á undan p, t, k, «Á góðu dægri. Afmæliskveðja til S. Nordals», Reykjavík, 1951, crp. 102—107.

²⁹ См. В. К. Þórólfsson, указ. соч., стр. XXVII. 30 Произношение [gardyr] (пункт 6) никогда не было общеисландским, но, но-видимому, возникло еще в древности (см. A. B. Magnússon, Um framburðinn rd, gd, «Íslenzk tunga», 1, 1959, стр. 9—25).

³¹ Cm. S. Einarsson, On some points of Icelandic dialectal pronunciation,
crp. 277; B. Guðfinnsson, Breytingar..., crp. 27.
32 B. Guðfinnsson, Mállýzkur, crp. 155—243.

³³ Там же, стр. 231. ³⁴ Там же, стр. 161, 216, 217.

в языке населения такой обширной и гористой страны, какой является Исландия, диалектальные различия получили лишь развитие.

Обычно это объясняется богатством и устойчивостью литературной традиции в Исландии 35. Исландская литературная традиция действительно исключительно богата и устойчива. Замечательные произведения древнеисландской литературы до сих пор широко читаются в Исландии и сохраняют свою актуальность. Но даже если признать, что исландцы это, как сказал С. Нордаль, «самый литературный народ мира» 36, остается непонятным, как это могло воспрепятствовать возникновению диалектальных различий в Исландии. Ведь это не воспрепятствовало тому, что в исландском языке за тысячу лет произошли крупные изменения: система гласных менялась несколько раз и очень радикально 37; система согласных тоже претерпела очень крупные изменения ³⁸; только грамматический строй и лексика мало изменились. Почему эти изменения не происходили по-разному в разных областях страны, как это обычно имело место в случае крупных звуковых изменений в других германских языках? Почему исландцы не могли читать древние тексты по-разному в разных частях страны? Ведь они же все равно уже давно читают эти етксты совсем не так, как их читали в древности (исландская орфография очень консервативна). Наконец, ночему диалектальные различия начали развиваться в Исландии не в первые два века ее истории (когда еще не было никакой письменной традиции), а в два последние?

Несомненно, помимо литературной традиции действовали другие и более важные факторы: социально-политические условия, характер расселения по стране, характер исландского хозяйства. В Исландии никогда не было феодальных государств-поместий, т. е. территорий с населением, обособленным в хозяйственном и политическом отношении от других подобных территорий. В древности развитие государства в Исландии в силу ряда причин задержалось ³⁹. Позднее Исландия стала колонией, эксплуатируемой чужеземными купцами и чиновниками. Но феодальные отношения не получили в ней развития. В Исландии заселена только ее прибрежная полоса, вдоль которой обычно круглый год возможно судоходство. Единственный вид поселения — хутора, обычно далеко расположенные друг от друга. Деревень в Исландии никогда не было. Города появились совсем недавно (первый город — Рейкьявик — возник только в конце XVIII в.). Но особенно существенно то, что население хуторов всегда было в значительной мере текучим. Исландский историк Б. Торстейнссон, автор ряда капитальных работ по истории Исландии, сообщил мне, что в его распоряжении есть много данных, доказывающих текучесть населения исландских хуторов с древнейших времен. По его словам, «тун», т. е. унавоживаемый луг (который всегда играл основную роль в хозяйстве исландского хутора, — полей в Исландии почти нет), портился из-за недостатка удобрения, и хутор забрасывался, а хозяин его переезжал на другое место. Наконец, широкое участие населения в рыбных промыслах также вызывало сезонные перемещения населения 40. Значительная часть населения хуторов участвовала в этих промыслах. Впрочем все это требует дальнейшего изучения.

³⁵ См., например: В. Guðfinnsson, Mállýzkur, стр. 80.

³⁶ S. Nordal, İslenzk lestrarbók, Reykjavík, 1931, стр. XXVIII.
37 M. I. Steblin-Kamenskij, A contribution to the history of the Old Icelandic vowel system, «Philologica pragensia», I, № 3, 1958.
38 М. И. Стеблин-Каменский, Исландское передвижение согласных,

[«]Скандинавский сборник», II, Таллин, 1958.

39 См. Э. Ольтейресон, Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии, М., 1957.

40 О политических и хозяйственных условиях как причинах отсутствия диалектов говорит Кун (H. K u h n, Die sprachliche Einheit Islands, «Zeitschrift für Mundartforschung», 11, 1935, стр. 30 и сл.), хотя основной причиной и он считает литературную традицию.

В. В. ПАССЕК

К ОМОНИМИИ СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ (ОКОНЧАНИЙ) В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Обычно считается, что при установлении факта омонимии труднее всего решить, имеем ли мы дело с омонимией или многозначностью. Повидимому, именно это и приходится решать, когда перед нами одинаковое звучание цельных слов; ср. oil «масло» и oil «нефть», trust «трест» и trust «доверие», head «голова» и head «напор» и т. д.

В случае же грамматической омонимии такое разграничение не является решающим. Так, известно, что значения 1-го лица и 3-го лица н е с овместимы в одной и той же морфеме: первое значение исключает второе. Однако из этого еще не следует, что, например, (I) played и (he)played омонимичны друг другу и что, соответственно, первое -ed и второе *-ed* выступают в качестве омонимичных окончаний. Ведь возможно и другое решение вопроса: можно констатировать, что лица в прошедшем времени во обще не различаю тся подобно тому, как не различаются времена в русском условном наклонении. Иначе говоря, встает вопрос, имеем ли мы здесь дело с омонимией или с од ноз начностью морфемы (конечно, по линии категории лица). Эта проблема сцецифична именно для грамматики, где, в отличие от лексики, существует четкая система регулярно противопоставляющихся форм. кая система противопоставления оказывает влияние на те случаи, которые иначе не противопоставлялись бы, и расщепляет их на омонимы. Однако установить, когда такое расщенление на омонимы действительно происходит, не так просто. В частности, это очень трудно сделать в отношении приведенных (1) played и (he) played, которые противопоставляются в языке случаям (I) play и (he) plays, где 1-е и 3-е лица различаются окончаниями (нулевым окончанием и окончанием -s).

Наоборот, значение падежа и значение числа с о в м е с т и м ы в одной п той же морфеме; ср. русское окончание -ами в словоформе руками. Но в о з м о ж н о с т ь соединения в одной морфеме падежных и числовых значений еще не означает, что они р е а л ь н о соединяются друг с другом в одной морфеме таких словоформ, которые могут иметь оба указанных значения.

Сказанное можно пояснить на примере английской словоформы boy's. Обычно считается, что окончание -'s в ней имеет только падежное значение (притяжательный падеж). Однако если предположить однозначность окончания -'s, неясно, куда следует отнести значение единственного числа, которое, без всякого сомнения, содержится в словоформе boy's. Ведь оно, конечно, отсутствует в основе, а так как, по сделанному допущению, его нет и в -'s, то чем же это значение все-таки выражается? Аналогичные неясности возпикают и в словоформах boys, boys'. Если же предположить, что в окончании -'s совмещаются и падежное, и числовое значений, положение дел опять-таки не разъясняется. Правда, словоформа boy's как будто бы становится понятнее, но при этом исчезает ясность в истолковании соотношения между словоформой boy's и словоформой oxen's, поскольку в последней однозначность -'s не подлежит никакому сомнению. Между тем понятно, что установление того, какие значения

приходятся на долю вычленяемых морфем, имеет прямое отношение к определению факта омонимии. Если окончание -'s содержит в себе лишь значение падежа, тогда у существительных надо выделить только д в а омонимичных окончания со звучанием $[z/s]^1$ — окончание притяжат. падежа -'s и окончание мн. числа -s. Если же окончание -'s имеет значение и падежа, и числа, тогда следует выделить четыре омонимичных окончания: -'s (в boy's) — притяжат. падеж ед. числа; -s (в boys) — общ. падеж. мн. числа; -s' (в boys') -- притяжат. падеж мн. числа; -'s (в oxen's) — только притяжат падеж.

Вторая из выделенных проблем также специфична для г р а м м а т ик и, поскольку грамматические морфемы очень тесно соединены в слове и вычленяются гораздо труднее, чем лексические. Кроме того, для грамматики характерны нулевые морфемы, которых нет в лексике. Эти морфемы непосредственно не воспринимаются на слух, но выделяются путем тщательного языкового анализа.

Данная статья посвящена только второй проблеме и разбирает ее на. материале окончаний английских существительных со звучанием [z/s]-Как будет показано ниже, один этот случай требует обстоятельного и вссстороннего исследования. Вопрос формулируется так: является ли выражение категорий числа и падежа у английских существительных местным или раздельным. На поставленный вопрос можно дать только два ответа: 1) выражение категории числа и категории падежа является во всех случаях раздельным; 2) выражение числа и падежа является в большом количестве случаев совместным, но все же в некоторых случаях оно, несомненно, раздельно. Признать полное отсутствие раздельного выражения числа и падежа нельзя потому, что в английском языке имеются такие словоформы, как oxen's, children's, в которых раздельность выражения падежа и числа несомненна. Иначе говоря, можно либо отвергнуть допущение о совместном выражении падежа и числа вообще, либо предположить в английском языке две словоизменительные модели: одну, охватывающую подавляющее большинство слов, — с совместным выражением обеих категорий, а другую, ограниченную сравнительно небольшим количеством слов, — с раздельным выражением этих категорий.

Предварительно, однако, надо оговорить, в какой степени допустимо рассматривать в одном плане словоформы типа boy — boy's boys — boys' словоформы ox - ox's - oxen - oxen's. слышать, что случаи типа ox - ox's и т. п., приходится же child, man, woman и др. являются единичными и пережиточными случаями, которые должны вообще быть сброшены со счетов при лингвистическом анализе. Но это далеко не так. Наиболее существенно обратить здесь внимание на то, что единицы типа ox, child, man, woman и др. именуются обычно пережиточными без должной дифференциации и отделения в них действительно пережиточного, архаического от того нового, что не только вполне уживается со стандартными правилами формообразования существительных, но и является по существу проявлением этих правил.

Прежде всего нельзя не заметить, что все рассматриваемые существительные характеризуются тем же самым с о с т а в о м форм, что и стандартные существительные типа boy: они имеют те же ч е т ы р е падежночисловых формы и, таким образом, в этом смысле слова́ типа boy и слова́ типа ox ничем не отличаются друг от друга.

Что же касается т и п а образования форм, то здесь различия, несомненно, имеются, но они не могут быть целиком возведены к древнеанглийскому языку. Возьмем в качестве примера слово ох. В современном ан-

¹ Вслед за А. И. Смирницким автор считает, что звучание [iz] (boxes, glasses и т. п.) не является звучанием цельного суффикса. См. подробнее А. И. С м и р и и ц-к и й, Морфология английского языка, М., 1959, § 14.

глийском языке оно характеризуется следующими особенностями: а) словоизменительной морфемой -en-, б) использованием ее для раздельного выражения числа, в) окончанием -'s и г) использованием этого окончания для раздельного выражения падежа. Из этих четырех особенностей только одна восходит к древнеанглийскому языку, а именно -- наличие морфемы -en- (др.-англ.-an). Все прочие особенности в древнеанглийском языке отсутствовали: окончание -ап выражало число и падеж всегда совместно (ср. oxan — вин. падеж ед. числа, oxan — дат. падеж ед. oxan — им. падеж мн. числа и т. п.); окончание же -es, к которому восходит современное английское -'s, у древнеанглийского существительного оха вообще отсутствовало; что же касается самого падежного значения, то оно, как уже было замечено, выражалось совместно с числовым значением. Таким образом, получается, что ни современное английское окончание -'s, ни раздельное выражение числа и падежа (что особенно важно для этой статьи) к древнеанглийскому языку возведены быть не могут, а должны быть выделены в качестве особенностей, приобретенных существительным ох в дальнейшем, в эпоху формирования особенностей с о в р еменного английского языка.

Точно так же и у существительного *тап* к древнеанглийскому языку восходит лишь сам факт наличия варьирования основы (*тап* — *men*) и нулевого окончания множественного числа. Но использование этих средств является не древнеанглийским: в древнеанглийском выбор вариантов основы (*тапп* или *тепп*) зависел не только от числа, как в современном английском, но от числа и падежа (ср. им. падеж ед. числа *тапп* — им. падеж мн. числа *таппит*); и нулевое окончание выражало число и падеж в той же мере совместно; ср. *тапп* — им. падеж ед. числа, *тепп* — дат. падеж ед. числа, *тепп* — им. падеж мн. числа.

Однако относительно примера с тап необходимо кое-что сказать дополнительно. Действительно, и факт варьирования основы, и нулевое
окончание множественного числа в этом слове генетически восходят к
древнеанглийскому языку, но в системе современного языка они были
переосмыслены по-новому. И не только потому, что они стали по-иному
использоваться. Важно также и то, что в современном английском языке
оба эти явления в о о б щ е очень распространены, а поэтому у существительных они не могут восприниматься как своего рода пережитки прошлого. Необычным здесь можно считать лишь наличие нулевого окончания именно во множественном числе и наличие варьирования основы именно у существительного. Впрочем последнее может быть принято только
отчасти, поскольку варьирование основы у существительных не является таким уж редким, если учесть чередование согласных; ср. calf —
calves, life — lives, house [s] — houses [z], oath [θ] — oaths [ð] и многие
другие.

Кроме того, необходимо добавить, что утверждение о единичности слов типа тап и др. является преувеличенным. Как известно, закономерности образования форм слова тап относятся и ко всем сложным и производным словам, включающим в свой состав основу этого слова в качестве последнего компонента; ср. такие слова, как: countryman, ferryman, policeman, fisherman, seaman, Englishman и др. То же, естественно, касается и аналогичных образований с основой слова woman. Это обстоятельство делает слова типа тап заслуживающими еще большего внимания и тщательного рассмотрения.

Теперь можно перейти к рассмотрению основного вопроса.

При анализе языкового материала обращает на себя внимание то обстоятельство, что словоизменение типа ox — ox's — oxen — oxen's (в дальнейшем сокращенно — типа ox) и словоизменение типа boy — boy's — boys — boys' (сокращенно — типа boy) в самом языке не являются разобщенными, а соединены рядом переходных случаев.

Случай типа ox является наиболее типичным случаем раздельного выражения числа и падежа при помощи словоизменительных морфем: морфема -en выражает только множественное число, а окончание \cdot 's — только притяжательный падеж. На другом полюсе находится случай типа boy, который отличается от предшествующего тем, что не содержит никаких прямых указаний ни за, ни против раздельности выражения падежа и числа. Словоформа boy's внешне выглядит так же, как и словоформа ox's, но наличие омонимичных морфем не в двух, а в трех словоформах затемняет картину.

Однако имеются косвенные указания на раздельное выражение в случаях подобного рода, поскольку они очень тесно примыкают к случаям типа wife — wife's — wives — wives' (сокращенно типа wife). В них точно так же присутствует равнозвучность трех окончаний [z/s], но, в отличие от случаев типа boy, в них содержатся некоторые указания на раздельную трактовку числа. Ведь варьирование основы (wife-—wive-) здесь целиком зависит от категории числа и не имеет никакого отношения к категории падежа. Это показывает, что более или менее раздельное выражение числа возможно и при омонимии трех окончаний, как в boy.

Случаи типа wife смыкаются далее со случаями типа man — man's — men — men's (сокращенно — типа man), от которых они отличаются тем, что случаи типа man имеют не только указания на раздельную трактовку числа в аналогичном варьировании основы, но и указания на раздельное выражение притяжательного падежа в суффиксе - 's. Это очень показательно.

Случаи типа man свидетельствуют о том, что варьирование основы в зависимости от числа может легко уживаться не только в парадигме с тремя равнозвучащими окончаниями — -'s, -s, -s' (ср. тип wife), где раздельность выражения категорий числа и падежа окончаниями не представляется очевидной, но и в парадигме с двумя равнозвучащими окончаниями - 's и -'s (ср. тип man), где раздельность выражения категории падежа окончанием специально подчеркнута и не подлежит сомнению.

Затем следуют случаи типа child — child's — children — children's (сокращенно — типа child). Они показывают, что варьирование основы (child-[ai] — child-[i]) в зависимости от числа может также присутствовать тогда, когда и число и падеж выражаются самостоятельными положительными окончаниями или другими словоизменительными морфемами (число — морфемой -ren-, а падеж — окончанием -'s). Иначе говоря, варьирование основы в зависимости от числа в английском языке объединяет два противоположных типа: тип ох и тип boy.

Все это с большой несомненностью свидетельствует о том, что сам принцип построения падежно-числовых словоформ, по-видимому, во всех случаях является тождественным. Различается лишь материальный состав словоизменительных морфем. Так, множественное число может быть представлено и -en-, и -ren-, и -s, и нулевым окончанием, а основы изменяющихся слов могут обнаруживать чередование или быть лишены его, но все эти средства используются по одному принципу — принципу раздельного выражения числа: варьирование основы всегда выражает число раздельно от падежа; морфемы -en-, -ren- и нулевой суффикс всегда имеют лишь числовое значение; что же касается окончания -s, то и здесь имеются косвенные указания на раздельность выражения числа — в случаях типа wife.

Здесь нелишне будет напомнить, что указанная выше раздельность трактовки числа и падежа, объединяющая случаи типа ox, child, man и wife, в древнеанглийском отсутствовала и что она появилась позже — хронологически приблизительно одновременно с формированием стандартного типа boy — boy's — boys — boys'. Это наталкивает на мысль, что слова типа ox, child, man, wife, бывшие когда-то действительно пережиточными, были подчинены общему принципу построения падежно-число-

вых форм, но при этом, в силу особенностей их материального строения, указанный принцип был проведен в них особенно четко и наглядно.

Этот принцип, по-видимому, является принципом агглютинативного построения падежно-числовых словоформ. Особенно наглядно он проведен в словоформах типа ox — ox's — oxen — oxen's. Здесь используются четыре однозначных морфемы, которые по-разному комбинируются друг с другом: а) нулевое окончание ед. числа, б) морфема -en-мн. числа, в) нулевое окончание общ. падежа и г) окончание -'s притяжат. падежа. Таким образом, формы притяжат. падежа ед. числа, общ. падежа мн. числа и притяжат. падежа слова ох должны быть осмыслены как трехморфемные образования и представлены в следующем виде: притяжат. падеж ед. числа ох-en-'s [пустые скобки означают нулевую морфему — ()]. Что касается форм общ. падежа ед. числа — ох, то она представляется менее ясной: на первый взгляд кажется, что здесь следует выделить две нулевых морфемы. Однако к этому вопросу лучше вернуться позже, поскольку он специфичен не только для слова ох.

Аналогично построены и слова типа child — с той только разницей, что здесь принимает участие чередование звуков. Строение этих словоформ можно изобразить так: притяжат. падеж ед. числа — child-()-'s, общ. падеж мн. числа — child-ren-(), притяжат. падеж мн. числа — child-ren-'s (знаком $^{\rm A}$ над буквой изображается изменение соответствующего звука по отношению к исходной форме слова).

Слова типа man отличаются от предыдущих тем, что не только единственное, но и множественное число в них выражается нулевой морфемой. Соответственно, они имеют строение: man-()-'s — $m\hat{e}n$ -()-'s. Решение же вопроса со словоформами man и men следует отложить до решения вопроса со словоформами ox, child и др., которые являются аналогично построенными.

У слов типа wife представляются достаточно ясными только две формы: притяжат. падеж ед. числа wife-()-'s и общ. падеж мн. числа wiv-s-(). Кроме словоформы wife, в общем аналогичной ox, child, man, men, возникают дополнительные сомнения относительно словоформы wives'. Эти же неясности, естественно, относятся и к словоформе boys'. Если бы такие словоформы имели строение *wiv-s-'s и *boy-s-'s, тогда бы они представлялись вполне понятными и вполне соответствовали бы раздельному принципу выражения числа и падежа. Однако окончание со звучанием [z/s] не повторяется в них дважды, что нарушает агглютинативное строение этих словоформ и ставит под сомнение принцип раздельности выражения.

Чтобы решить этот вопрос, необходим специальный анализ. Однако предварительно необходимо указать на аналогичность построения словоформ типа wives' и boys', с одной стороны, и словоформ типа ox, man, men, wife и т. и. — с другой. Сходство между ними состоит в том, что в обоих случаях мы ожидаем увидеть сложение двух омонимичных окончаний: в словоформе ox — двух нулевых окончаний, а в словоформе boys' — двух положительных окончаний со звучанием [z/s]. Однако в случае boys' обнаруживается лишь один положительный аффикс, а в случае ox для установления количества нулевых окончаний отсутствуют какие-либо достаточные основания. Таким образом, решение вопроса относительно словоформ типа boys' означало бы и установление большей ясности в вопросе относительно словоформ типа ox.

При анализе словоформ wives', boys' и других им подобных обращает на себя внимание то, что нарушение принципа агглютинативного строения связано здесь с наличием одинаковости звучания окончаний. Ведь при наличии окончаний с разным звучанием таких случаев нет, о чем достаточно убедительно говорят разобранные выше слова ox, child, man и др.

Можно было бы подумать, что в английском языке имеются какие-то фонетические причины, в силу которых окончание, имеющее звучание

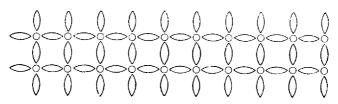
[z/s], не может быть присоединено непосредственно к основам с конечными [s] или [z]. Вообще говоря, это верно. Действительно, таких случаев в современном английском языке нет. Но в английском языке для того, чтобы избежать непосредственного присоединения окончания [z/s] к подобным основам, существует специальный соединительный элемент -e-[i]; ср. mass — mass-e-s, glass — glass-e-s и т. п.; то же самое и при обозначении притяжательного падежа, хоти в этом случае соединительный элемент и не обозначается орфографически; ср. ox's [ɔks-1-z] и др. И в этой связи представляется непонятным, почему окончание притяжательного падежа не может быть присоединено к окончанию множественного числа в boys', wives' и др.

Объяснения следует, по-видимому, искать в чем-то другом. Некоторый свет на это явление проливают притяжательные местоимения. Как известно, эти местоимения представлены в английском языке двумя формами — атрибутивной и независимой. Независимая форма образуется от основы притяжательного местоимения при помощи окончания -ne у местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа (mine, thine) и при номощи суффикса -s у остальных местоимений (hers, theirs, ours, yours). При этом основы некоторых притяжательных местоимений являются производными от основ личных местоимений при помощи словообразовательного суффикса, имеющего то же звучание; ср. основу местоимения ед. числа 3-го лица муж. рода his- и ср. рода its-. И вот именно у этих притяжательных местоимений обнаруживается совершенно то же явление: окончание независимой формы - s у них не прибавляется; ср. независимые формы his, its. Это наводит на мысль, что невозможность присоединения окончания - в независимой формы обусловлена не тем, что последним звуком основы соответствующих местоимений является звук [s/z], а тем, что этот звук является звуковой оболочкой морфемы. Иначе говоря, для современного языка характерно, по-видимому, то, что равнозвучащие морфемы, во всяком случае морфемы, имеющие звучание [z/s], не могут следовать н епосредственно друг за другом.

Встает, естественно, вопрос, нарушает ли указанная особенность принцип раздельности выражения значений, связанных с каждым из этих аффиксов. Без большого раздумья можно ответить на этот вопрос отрицательно: ни о каком совмещении значения специально словообразовательного суффикса и окончания в одной и той же морфеме говорить нельзя. Аффикс специально словообразовательный не может быть в одно и то же время формообразующим по самому своему существу: для того чтобы быть словообразовательным, он должен характеризовать слово в целом, а следовательно, быть присущим каждой форме слова; для того же, чтобы быть формообразующим, он должен характеризовать только

одну форму и отсутствовать в остальных.

И все же словоформы his и its следует признать двухморфемными. Получается как будто бы неразрешимое противоречие: с одной стороны, допущение совместного лексического и грамматического значений отвергается, но, с другой стороны, кроме корня, признается существование лишь одной морфемы. В действительности же, думается, никакого противоречия здесь нет. В своих университетских лекциях А. И. Смирницкий указывал на явление осмысления одного и того же звучания дважды и иллюстрировал его русским словом минералогия. В этом слове, без всякого сомнения, выделяется пять морфем: минерал-, -о-, -лог-, -ий-, -а. Однако легко увидеть, что общее количество звуков в приведенной словоформе меньше, чем количество звуков во всех морфемах взятых вместе. Это объясняется тем, что звучание [ло] в данной словоформе понимается дважды — и как относящееся к суффиксу, и как относящееся к корню и соединительному элементу. Такое понимание одного и того же явления дважды, как указывал А. И. Смирницкий, не является характерным только для языка, что доказывалось им следующим рисунком:

Если смотреть на этот рисунок, создается впечатление, что на нем изображены четырехлепестковые цветы с полным количеством лепестков у каждого цветка. Однако это впечатление ошибочно, и создается оно лишь потому, что один и тот же лепесток воспринимается дважды: как относящийся не к одному, а сразу к двум цветкам.

Аналогичное явление, по-видимому, наблюдается и в разбираемых независимых словоформах his и its. Звучание [z] и [s] в них понимается и как звуковая оболочка словообразовательного суффикса, и как звуковая оболочка окончания. Следует заметить, что это явление и р и н ц и пиал ь н о отличается от явления многозначности одного и того же аффикса, а следовательно, не может быть понято как совместное выражение двух значений.

Можно думать, что и в словоформах wives' и boys' мы имеем то же явление, что и в словоформах his и its. Ведь недаром окончание притяжательного падежа -'s прибавляется к окончанию множественного числа повсюду, где окончание множественного числа не имеет звучания [z] или [s]. Совершенно так же ведет себя и окончание независимой формы -s: оно присоединяется к основе притяжательного местоимения повсюду, где оно не наталкивается на равнозвучащий словообразовательный суффикс -s-. В этой связи нельзя не обратить внимания на постановку апострофа в разбираемых падежно-числовых словоформах. Постановка апострофа, думается, указывает здесь на иное восприятие самими англичанами исхода словоформы boys', отличное, например, от восприятия исхода словоформ (he) plays, в которой -s именно совмещает в себе различные грамматические значения.

Если принять приведенное выше объяснение словоформы boys', тогда строение ее можно изобразить следующим образом: boy-'s. Двойное папи-

сание обозначает здесь факт наличия двух окончаний, а расположение их один под другим указывает на одновременность их произнесения. В свете этого объяснения становятся понятными и словоформы ох, child, man, wife, boy. По-видимому, и здесь следует признать осмысление нуля звучания дважды и соответственно изобразить их строение не как ох-()-(), child-()-(), man-()-(), wife-()-(), boy-()-(), a как ох-(), child-(), man-() и т. д.

Теперь нелишне привести дополнительные подтверждения раздельного выражения и числа и падежа у существительных, но исходя уже не из анализа их парадигм, а из поведения соответствующих окончаний. Прежде всего следует обратить внимание на оформление заимствований, окончания мн. числа которых материально восходят к иноязычному окончанию и имеют какое-либо другое звучание, нежели звучание[z] или [s]. В качестве примера можно привести слово genius. Во множественном числе со значением «добрый или злой дух» это слово имеет окончание -i-. Таким образом, форма общего падежа мн. числа предстает в виде genii. Допустим вновь, что в современном английском языке существуют две словоизменительные модели и что в стандартной модели число и падеж совмещены в одном словоизменительном аффиксе — окончании; если, исходя из этого, построить форму притяжат, падежа мн. числа, то можно ожидать словоформу *geni-s'. Ведь -s', согласно этому допущению, выражает и мн. число, и притяжат. падеж. Поэтому окончание мн. числа -i- здесь становится излишним. Однако в действительности мы получаем не словоформу *geni-s', а geni-i-'s. Вряд ли можно предположить, что формообразование здесь почему-то пошло по малопродуктивной словоизменительной модели. Более вероятным представляется другое, а именно выражение окончанием -s во всех случаях лишь падежа.

Определенный интерес в свете рассматриваемой проблемы представляет и оформление характерных для английского языка нестойких сложных слов. Нестойкие сложные слова, образуемые на данный случай и в большей своей части представляющие собой не единицы языка, а единицы речи, оформляются окончанием притяжат. падежа постпозитивно; ср., например: a quarter of an hour's time, the king of England's daughter и др. Если же эти речевые образования требуется оформить окончанием мн. числа, то они распадаются на отдельные слова, и окончанием мн. числа оформляется первое слово; ср. three quarters of an hour, the kings of England. Раздельность трактовки категории числа и категории падежа, думается, подчеркивается здесь дополнительно различным местом соответствующих словоизменительных аффиксов.

Проведенный анализ позволяет с достаточной уверєнностью заклюсить, что выражение категории числа и категории падежа является в английском языке раздельным. Тем самым строение падежно-числовых словоформ является в целом агглютинативным. Нарушение этсго агглютинативного строения словоформ происходит лишь в тех случаях, когда требуется соединить непосредственно друг с другом два словоизменительных аффикса с одинаковым звучанием. В подобных случаях второй аффикс не добавляется, но звучание первого аффикса понимается дважды. В результате агглютинативное строение словоформы нарушается, но раздельность выражения числа и падежа тем не менее остается в силе.

В. М. ПРОРОКОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОМОНИМИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Одно из основных положений языковедческого анализа заключается в том, что для полного понимания какого-либо явления необходимо рассматривать это явление в его развитии, т. е. видеть не только его свойства и качества в настоящем, но и зарождение этих свойств и качеств в прошлом, а также и тенденции их развития в будущем. Занимаясь вопросом об изменениях в семантике, лингвист должен рассмотреть этот процесс целиком — от причин, вызвавших изменения, до конечного результата развития на данном этапе.

Совершающиеся семантические изменения выражаются не только в расширении или сужении системы значений отдельных слов, они оказывают гораздо более глубокое влияние на систему лексики данного языка, вызывая образование новых слов, отмирание старых, расщепление единых слов на омонимы, слияние разных слов в одно слово и т. д. Задачей данной работы является установление различительных признаков, сопровождающих образование полных омонимов из значений единого многозначного слова.

Наиболее многочисленную группу в немецком языке представляют собою омонимы, различительные признаки которых проявились в области их словообразовательных связей. Семантическое размежевание этих омонимов выразилось внешне в возникновении у них новых словообразовательных признаков, которые заключаются не только в том, что каждый из омонимов имеет свое собственное гнездо сложных и производных слов, которые образованы от его основы и не могут быть соотнесены ни с каким другим словом, но и, в первую очередь, в том, что слова в этих гнездах образованы по разным словообразовательным моделям, при помощи разных словообразовательных средств.

Для существительного в немецком языке характерно, что его основа соединяется с основой другого слова (при словосложении) или с суффиксом (при словопроизводстве) при помощи одного и того же соединительного элемента [-е, -(е)n, -(е)s] или без всякого соединительного элемента. Например, основа существительного Tanne «ель» выступает при словообразовании в оформлении Tannen- с соединительным элементом -n: Tannenwald «еловый лес», Tannenzweig «еловая ветвь», Tannenzapfen «еловая шишка» и т. д. Словообразовательной основой существительного Gans «гусь» является Gänse-: Gänsebraten «жаркое из гуся», Gänsefleisch «гусятина», Gänsehaut «гусиная кожа», Gänsezucht «разведение гусей» и т. д. Основа существительного Papier «бумага» омонимична с самим существительным: Papierindustrie «бумажная промышленность», Papierkorb «корзина для бумаг», Papiergeschäft «писчебумажный магазин» и т. д.

У некоторых существительных основа может выступать при словообразовании в разном оформлении: Augenarzt «глазной врач» и Augapfel «глазное яблоко» (у существительного Auge «глаз») или Tagebuch «дневник», Tagelöhner «подёнщик» и Tagesordnung «повестка дня» (у существительного Tag «день»), что не нарушает единства этих слов, пока эти внешние различия не выражают никаких семантических различий, являются словообразовательными вариантами. Расщепление единого слова на омонимы нередко имеет своим следствием дифференциацию их словообразующих основ: каждый омоним образует сложные и производные слова по строго определенной модели, в результате чего их словообразовательные ряды четко различаются не только в семантическом, но и в структурном отношении.

Этот процесс можно хорошо проследить на примере развития омонимов (die) Presse «тиски, пресс» и (die) Presse «пресса», последний из которых является сравнительно недавним образованием. Источником их возникновения является др.-в.-нем. pressa «тиски, пресс», употребительное в форме Presse и в современном языке: Weinpresse «виноградный пресс», Ölpresse «пресс для растительного масла», Buchdruckerpresse «печатный пресс». На основе значения последнего слова возникает значение «совокупность газет и журналов, пресса» (под влиянием французского языка), которое окончательно оформляется и получает широкое распространение к середине XIX в. В процессе развития этого значения, пока между ним и значением «пресс» были возможны какие-то общие ассоциации, т. е. пока слово Presse было единым словом, его словообразующей основой было Ргев-, и все сложные и производные слова, независимо от их значения, образовывались от этой основы: $Pre\beta freiheit$ «свобода печати», $Pre\beta druck$ «давление пресса», $Pre\beta gesetz$ «закон о печати», $Pre\beta hefe$ «прессованные дрожжи», Preßkohle «прессованный уголь», Preßverein «союз журналистов» и т. д. ¹

В современном языке такое оформление словообразующей основы возможно только в тех случаях, когда с нею связывается значение «прессованный», как $Pre\beta glas$ «прессованное стекло», $Pre\beta kohle$ «прессованный уголь», $Pre\beta papier$ «тисненая бумага» и т. д.; если же производное или сложное слово соотносится со значением «пресса», то его словообразующей основой обязательно является Presse: Presse freiheit «свобода печати», Presse melding «сообщение печати», Presse konferenz «пресс-конференция», Presse corgan «орган печати», Presse vertreter «представитель печати» и т. д. Так окончательное оформление омонимов Presse «пресс, тиски» и Presse «пресса, печать» нашло свое внешнее выражение в последовательно различном оформлении их словообразующих основ, благодаря чему словообразовательные ряды омонимов четко отличаются как в семантическом, так и в структурном отношении.

Аналогичный путь развития проходит омонимы (die) Rolle «ролик, колесико» и (die) Rolle «роль», восходящие к латинскому заимствованию rolulus, rotula «ролик, колесико». В языке латинской канцелярии rotulus означало свиток, свернутый в трубочку лист бумаги (так хранились в канцелярии различные документы и списки). Отсюда подобные значения и в средневерхненемецком: Zeugenrolle «протокол допроса свидетелей», Steuerrolle «список налогов (или налогоплательщиков)», Zunftrolle «грамота о привилегиях цехов» и т. д. На листе бумаги, свертывавшемся в трубочку, записывались роли актеров в театре, затем Rolle обозначает вообще партию актера в пьесе. Так возникает значение «роль».

В современном языке Rolle «ролик, валик» и Rolle «роль» представляют собою омонимы, словообразовательные ряды которых строго дифференцированы и семантически и структурно. С Rolle «ролик» соотносятся слова Rollschuh «конек на роликах», Rollstuhl «кресло на колесах (для больного)», Rollschrank «шкаф на роликах», Rolltreppe «эскалатор» (буквально «катящаяся лестница») и т. д., а от Rolle «роль» образованы слова Rollenbesetzung «распределение ролей», Rollenfach «амплуа», Rollenspiel «игра по ролям», Rollenverteilung «распределение ролей». Словообразующей основой первой из этих семантически обособленных групп является Roll-, а второй — Rollen-, чем достигается и их внешнее различие.

¹ См. соответствующую словарную статью в словаре братьев Гримм («Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm», Leipzig, 1893).

Этот же различительный признак характеризует омонимы (der) Stab «по- \cos , жезл» и (der) Stab «штаб (воен.)». Ср.-в.-нем. stap имело наряду со значением «посох» (Wanderstab «посох странника», Pilgerstab «посох пизначение «жезл» как символ власти (Krummstab «жезл епископа»). Kommandostab первоначально обозначает символ военной власти, а затем — группу лиц, непосредственно окружающих командующего и получающих от него приказания, его «штаб». Возникают такие образования как Generalstab «генеральный штаб», Divisionsstab «штаб дивизии». Сложные и производные слова, группирующиеся в современном языке вокруг омонимов Stab «посох, жезл» и Stab «штаб», последовательно разграничены и семантически и структурно: Stabträger «жезлоносец», Stabeisen «полосовое железо», Stabhochsprung «прыжок в высоту с шестом» (значение, соотносимое с «жезл, посох», выражается основой Stab-) и Stabsarzt «врач в чине капитана» (раньше «штаб-лекарь»), Stabsoffizier «штаб-офицер», Stabsquartier «главная квартира, место расположения штаба», Stabschef «начальник штаба» (словообразующая основа Stabsимеет общее значение «штабной, относящийся к штабу»). Так семантическое и структурное обособление этих двух групп слов помогает восприятию Stab «посох» и Stab «штаб» как разных слов, омонимов.

К этой же группе относятся омонимы (der) Geist «дух, ум» и (der) Geist «дух, призрак». Словообразующая основа Geist «дух, ум» выступает в двух вариантах: 1) geist-: geistig «духовный, умственный», geistreich «остроумный», geistlos «бездарный», geistvoll «одухотворенный» и 2) Geistes-: Geistesarbeit «умственная работа», Geistesbildung «умственное развитие», Geistesgegenwart «присутствие духа», Geistesgröße «величие духа, гениальность». Geist «дух, призрак» образует сложные и производные слова исключительно от основы Geister-: geisterhaft «призрачный», geistern «бродить, как призрак», Geisterseher «духовидец», Geisterstunde «полуночный час (когда появляются привидения)», geisterbleich «мертвенно бледный».

Различительные признаки между омонимами (das) Stück «кусок, часть, штука, экземпляр» и (das) Stück «пьеса» также проявились в области их словообразовательных особенностей, но в несколько ином плане. О различиях в области их словообразующих основ говорить трудно, так как от основы Stück «пьеса» образовано только одно слово Stückeschreiber «автор пьес». Поэтому, хотя различия в словообразовательных моделях и очевидны (Stück «кусок» имеет словообразующей основой Stück-: Stücklohn «сдельная оплата», stückweise «поштучно, кусками, частями», Stückzucker «кусковой сахар» и др.), говорить о последовательном, систематическом проявлении этих различий не представляется возможным.

Для этих омонимов характерна другая особенность. Stück «кусок» выступает в ряде случаев в особом обобщенно-предметном значении, перевести которое на другой язык можно только подбирая наиболее подходящее слово по контексту: «Niemals zeigte er sein Gesicht. Dies verhinderte schon sein Mantel, ein ungewöhnlicher Mantel, vielmehr ein Stück Tuch oder auch nur ein Stück Dunkelheit, das ihn dicht umgab» (H. Mann, Novellen) «Он никогда не показывал своего лица. Этого не позволяло сделать уже его пальто, необыкновенное пальто, скорее кусок сукна или даже какое-то сущение темноты, которое плотно его окутывало»; «Stück um Stück hatte sie Ehrgefühl, Selbstachtung, Wahrheitsliebe, Rechtlichkeit und Stolz dem Moloch ihrer Liebe zum Opfer gebracht» (H. Sudermann, Die indische Lilie) «Шае за шагом (или: одно за другим) она принесла в жертву молоху своей любви чувство чести, чувство собственного достоинства, правднвость, порядочность и гордость».

В этом значении Stück «вещь, предмет» часто используется в роли суффикса с общим предметным значением, причем интересно отметить, что в качестве полнозначной основы со значением «часть, кусок» - stück почти не выступает. Если надо сказать «кусок мяса», «клочок бумаги» и т. д., употребляются словосочетания типа ein Stück Fleisch, ein Stück Papier, ein

Stück Zucker и т. д. Ср. «Auf dem Tisch drüben liegt der Brief, graubläulich, ein unansehnliches Stück Papier» (L. Feuchtwanger, Exil) «На столе лежит письмо, синевато-серый, невзрачный клочок бумаги».

Выступая в качестве второго компонента сложного слова, -stück не имеет собственного значения, а придает слову в целом значение конкретности, предметности: Beweisstück «улика», Kunststück «фокус», Bubenstück «озорство, мальчишество», Schriftstück «рукопись, документ», Gegenstück «контраст», Gaunerstück «плутовство», Frühstück «завтрак».

Основа существительного Stück «пьеса» тоже может выступать в качестве второго компонента сложного слова, но не в роли суффикса, а как полнозначная основа со значением «пьеса»: Bühnenstück «(театральная) пьеса», Ausstattungsstück «феерия», Charakterstück «бытовая драма», Tendenzstück «тенденциозная пьеса» и т. д. Структурно эти две группы слов тождественны, внешних различий нет, но функции компонента -stück внутри этих слов абсолютно несходны. В словах первой группы семантическая значимость целиком принадлежит первому компоненту, а -stück выполняет роль суффикса и лишь конкретизирует его значение (ср. Schrift «письмо, письменность», но Schriftstück «рукопись», т. е. «что-то написанное, конкретный случай применения письменности»). В словах второй группы, напротив, основное значение несет именно компонент -stück «пьеса», а первая основа лишь уточняет вид, характер данной пьесы.

Различительные признаки, выражающиеся в сочетаемости данного слова с определенным кругом слов, могут быть свойственны как омонимам, так и разным значениям одного слова, но у омонимов эта особенность всегда выражена более ярко. Так, если сравнить, с одной стороны, значения существительного $\tilde{A}rtikel$ «статья в газете» и «вид товара (в прейскуранте)». а с другой стороны, это существительное и его омоним Artikel «артикль (грам.)», то можно увидеть следующее: Artikel «статья» и Artikel «вид товара» употребляются в языке, безусловно, в сочетании с разными словами и основами (cp. Zeitungsartikel «статья в газете», Leitartikel «передовая статья», Sensationsartikel «сенсационная статья» и Bedarfsartikel «предмет первой необходимости», Importartikel «предмет ввоза», Sportartikel «спортивные товары», Pelzartikel «меховые изделия», Luxusartikel «предмет роскоши» и т. д.), но круг этих слов ограничен только предметнологически. Омоним же этого существительного Artikel «артикль» почти всегда выступает в языке в сочетаниях der bestimmte Artikel «определенный артикль» и der unbestimmte Artikel «неопределенный артикль». Если даже эти прилагательные опускаются и говорится обартикле вообще, то всегда имеется в виду одна из этих разновидностей, в соответствии с формой существования самого понятия.

Итак, прослеживая процесс возникновения и развития омонимов на базе значений бывшего единого слова, можно убедиться в том, что распад слова на омонимы представляет собою очень длительный и сложный процесс, а поэтому на любом этапе мы встречаем в языке омонимы в разных стадиях развития — частичные и полные, окончательно оформившиеся и находящиеся в процессе становления — и с разной степенью внешнего выражения их семантической разобщенности. Поэтому дифференцировать омонимы и разные значения одного слова можно только исходя из истории их развития и характерных особенностей данного языка.

и. С. тышлер

к вопросу о судьбе омонимов

(На материале современного английского языка)

В настоящей статье мы хотим показать характер омонимов современного английского языка и условия их существования в языке. При этом мы руководствовались некоторыми мыслями А. И. Смирницкого 1.

Как известно, в ходе своего исторического развития звуковая структура и грамматический строй английского языка претерпели значительные изменения, обусловившие односложность очень многих слов, в большинстве своем являющихся одновременно корневыми. Важно при этом иметь в виду, что роль их в языке чрезвычайно велика благодаря их большой употребительности. Эта особенность языка получила яркое отражение в составе омонимики: из 2540 слов-омонимов, по данным Большого Оксфордского словаря, 2286, или 89%, являются односложными словами (двухсложных слов-омонимов насчитывается 230, или 9,1%, а трехсложных — 24, или 0,9%). Таким образом, в отличие от современного русского языка 2, в современном английском языке подавляющая масса омонимов относится к сфере непроизводных слов: ['a: l] ['ai] ['ao] ['aue[{'pen] ['pant[] ['poul] [poust] ит. д. ит. п. Эти же факторы обусловили (вместе с позднейшими фонетическими изменениями) совпадение по звучанию 2370 различных по этимологии слов, или 93% всех омонимов.

Следует иметь в виду, что в процессе общения число возможных омонимических вариаций (комбинаций) может быть значительно большим. Так, за звуковым комплексом ['poul] скрывается всего 6 созвучных слов: pole «столб»— (to) pole «поднирать шестами»; pole «полюс»; pole «поляк»; poll «голосование» — (to) poll «проводить голосование». В действительности здесь возможно использование 13 омонимических вариаций (комбинаций), в которых примут участие 26 лексических и лексико-грамматических омонимов:

- 1) «полюс» «голосовать»
- 2) «полюс» «голосование»
- 3) «полюс» «поляк»
- 4) «полюс» «столб»
- 5) «полюс» «подпирать шестами»
- 6) «столб» «голосование»
- 7) «столб» «голосовать»
- «столб» «поляк»
- «поляк» «голосовать»
- 10) «поляк» «голосование»
- 11) «поляк» «подпирать шестами»
- 12) «подпирать шестами» «голосование»
- «подпирать шестами» «голосовать»

В связи с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что в составе омонимики английского языка преобладают группы созвучных слов (а не нары). Так, мы насчитали по Большому Оксфордскому словарю омонимических групп с 3 созвучными словами 292 (2 варианта, иногда 3),

стр. 165-173. 2 См. «Материалы объединенной сессии ОЛЯ АН СССР и АПН РСФСР», М., 1950, стр. 32.

¹ См. А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, М., 1956,

с 4 созвучными словами — 139 (4 варианта, иногда 5, редко 6), с 5 созвучными словами — 64 (8 вариантов, иногда 9), с 6 созвучными словами — 16 (13 вариантов), с 7 созвучными словами — 3 (19 вариантов), с 8 созвучными словами — 2 (25 вариантов), с 9 созвучными словами — 1 (33 варианта). Созвучных пар слов всего 326.

Как было сказано выше, английский язык богат омонимами. Чем же объяснить, что язык «мирится» с таким положением, которое одни лингвисты считают «патологией», другие — «злом», «несчастьем», а третьи — «нежелательным явлением»? Следует отметить, что истории английского языка известны более или менее достоверные случаи «столкновения» омонимов. Так, в среднеанглийском периоде ввиду значительной омонимии в системе личных местоимений 3-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа исконно английское слово hi (heo, he) было вытеснено бытовавшим в языке соответствующим (скандинавским) диалектным вариантом they «они» (ср. также their «их» и them «им»).

Кроме того, в новый период в связи с совпадением закрытого долгого [е] и открытого долгого [е] в [і:] стали созвучными queen и quean. Когда в слове quean произошел сдвиг смыслового значения, пребывание этих двух слов под одной звуковой оболочкой оказалось неудобным — quean постепенно стало выходить из употребления (поражает исключительная стойкость и живучесть этого омонима: на его «архаизацию» ушло целое столетие и даже больше). Аналогичная картина наблюдается в последнее время в американском варианте современного английского языка, тде омонимы ['kɔk] и ['æs] вытесняются соответственно синонимами rooster и donkey.

Но подобных случаев в истории английского языка очень немного. Нет почти никакой возможности установить, действительно ли омонимия в других случаях приводит к «выпадению» слов из языка, так как трудно уловить хотя бы несколько убедительных примеров. В то же время многие слова, вышедшие из употребления, никогда не были омонимичными и, однако же, перестали обслуживать общество. Из этого следует, что омонимию нельзя рассматривать как «пагубную» силу; омонимы — такой же «продукт» языкотворчества, как и слова неомонимы. Это подтверждается изучением состава омонимики английского языка с точки зрения применения, употребления омонимов в речи.

Во многих случаях омонимы занимают различное место в словаре: один компонент находится в сердпевине словарного состава, а другой на периферии (само собой разумеется, что разнести все омонимы по разным слоям словарного состава языка вряд ли возможно. Мы лишь приводим некоторые примеры; разумеется, их можно было бы привести значительно больше): ['o:l] «весь», «всс», «всс» и «шило»; ['big] «большой, -ая,-ое, -ие» и «ячмень» (четырехразрядный); ['o:n] «зарабатывать» и «орлан-белохвост»; ['taim] «время» и «тимьян»; ['eit] «восемь» и «островок»; ['mast] «должен» и «муст» (вино); ['ai] «я» и «за» (утвердительный голос при голосовании); ['greit] «большой», «великий» и «решетка» (каминная); ['paund] «фунт» и «загон»; ['hz:t] «сердце» и «олень» (самец); ['wen] «когда» и «жировая кишка»; ['witf] «какой», «который» и «ведьма»; ['kæf] «деньги (наличные)» и «запас провианта, оставленный научной экспедицией для обратного пути». Вряд ли здесь есть почва для борьбы между созвучными словами.

Имеется немало омонимических пар, члены которых могут быть отнесены к центральной, существенной части лексики, используемой в повседневной речи бытового и релового общения, например: ['kæpitl] «столица» и «капитал»; ['koŋkrit] «конкретный» и «бетонный»; ['fɑ:st] «быстрый» и «прочный»; ['keis] «случай» и «ящик» (футляр); ['plɑ:nt] «завод» и «растение»; ['jɑ:d] «гвор» и «ярд»; ['mæt] «спичка» и «матч»; ['bægk] «берег» (реки) и «банк»; ['pju:pl] «учащийся» и «зрачок»; ['neil] «коготь» и «гвоздь».

Здесь заслуживают внимания созвучные слова, которые могут употребляться в близких по смыслу, по ситуации контекстах. Это тем более уместно, что, в связи с характерной для английского языка малой автономией отдельного слова, зависимость его от окружающих слов проявляется сильнее, чем в других языках.

Прилагательные ['lait] «светлый» и «легкий», которые были омонимами еще в древнеанглийскую эпоху (1000 лет тому назад), пишутся одинаково light и одинаково изменяются по степеням сравнения: lighter «светлее», «более светлый»— lighter «легче», «более легкий»; the lightest «самый светлый»— the lightest «самый легкий». Более того, оба созвучных прилагательных имеют одинаковые суффиксы: ['laitif] «довольно светлый» и ['laitif] «довольно легкий»; ['laitsəm] «светлый» (не мрачный) и «легкий»

(проворный).

И, наконец, образованные от них и соотносящиеся с ними по конверсии глаголы ['laitn] «освещать», «светлеть» — ['laitn] «облегчать», «смягчать» также являются омонимами. Но различие проходит по линии лексического использования этих омонимов. ['lait] «легкий» выступает в составе фразеологических единиц: ['lait]-minded «легкомысленный», ['lait]-hearted «беспечный», ['lait]-headed «необдуманный», ['lait]-footed «быстроногий», ['lait]-fingered «вороватый», a (very) ['lait] heart «очень легкое сердце», ['lait] literature «легкая литература» и др., что не характерно для ['lait] «светлый»: ['lait] grey eyes «светло-серые глаза», clear ['lait] blue eyes «ясные светлые голубые глаза».

Сомнение, однако, может вызвать следующий пример: He wore a ['lait] summer suit. На первый взгляд кажется, что смысл этой фразы «Он носил легкий летний костюм». Однако ['lait] «легкий» в таких сочетаниях не выступает. Ср.: A little man in a dark suit; He liked his new ['lait] brown suit. При этом обычно члены омонимической пары довольно редко встречаются в одном предложении. Ср.: Мир без оружия — мир без войи; Защита мира — дело всех народов мира; англ. «But David Grief was a true ['san] of the ['san] and he flourished in all its ways» (J. London, A son of the sun). И без привлечения предыдущих или последующих предложений ясно, что в первом случае речь идет о человеке, а во втором — о светиле.

Следует отметить, что в ряде случаев созвучные слова различаются благодаря тому, что одно из них широко сочетается с предложными наречиями, что не характерно для его омонимов. Так, ['blou] «дуть» выступает в сочетании с предложными наречиями about «распространять известие (слух)», ир «взрывать, взлетать на воздух; увеличивать (портрет)», in «пустить доменную печь», off «транжирить деньги», over «миновать» (о грозе, беде и т. п.); upon «лишать свежести (интереса)». При этом некоторые из этих сочетаний могут рассматриваться как глагольно-адверфразеологические единицы ³. Кроме того, ['blou] входит в состав собственно идиом: (to) ['blou] one's own horn (trumpet) «заниматься саморекламой», (to) ['blou] the coals (fire) «разжигать (недовольство, страсть, ревность)». Его омоним ['blou] «цвести». Оба созвучных слова совпадают во всех своих формах, грамматически тождественных: ['blou] ['blou z] ['blouin] ['blu:] ['bloun] — и являются полными лексическими омонимами (ср. употребительнейшие омонимы ['lai] «лежать» и «лгать»).

Нередко бывает, что один комнонент омонимической пары выражает действие, направленное обычно на человека, в то время как его соответствующий омоним передает действие, направленное на предмет: ['taia] «утомить (кого-то), надоедать (кому-то)» и «надеть шину (на колесо)»; ['heil] «приветствовать (кого-то)» и «сыпаться градом» (в прямом смы сле); ['peid₃] «сопровождать (кого-то) в качестве пажа; вызывать (кого-либо), выкликая фамилию» и «нумеровать страницу». Приведенные примеры

³ См. А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 203—227.

показывают, что даже самые неразличимые (полные лексические) омонимы языку не страшны, так как они составляют частицы, отрезки, куски предложения.

Немалое влияние мы должны признать не только за лексическим использованием слов-омонимов. Роль синтаксической структуры предложения с большой силой проявляется в тех случаях, когда созвучные слова относятся к разным частям речи.

Возьмем, например, ['si:] «море» и «видеть». Первое относится к системе имени существительного, а второе — к системе глагола. В силу этого они совпадают лишь в одной части своих форм, притом грамматически совершенно различных. Естественно, что они выступают в качестве различных членов предложения, а именно ['si:] «море» может быть подзлежащим, дополнением, определением, предикативом, обстоятельством места; ['si:] «видеть» в основном выступает в роли сказуемого или в составе сказуемого. Подобная омонимия весьма частое явление в английском языке.

Встречаются созвучные пары слов, члены которых относятся к одной и той же части речи. При этом для одного из этих слов не характерно употребление во множественном числе — ['pi:s] «мир», «покой», в то время как его омоним ['pi:s] «кусок» имеет и форму единственного числа и форму множественного числа. То же можно сказать и о ['ɛə] «воздух» и «внешний вид», ['trʌst] «доверие» и «трест», ['aiən] «железо» и «утюг» и др. Дифферепциацию категорий числа находим и в такой паре, как ['inz] «гостиница» и «партия, стоящая у власти». Первое ['inz] имеет формы обонх чисел, а созвучное ему ['inz] только множественное число. Наконец, могут встретиться случаи, когда оба омонима употребляются в обоих числах, причем совпадение омонимов произошло в формах, не являющихся тождественными в отношении числа. Так, в слове ['kru:z] «команды, экипажи» звук [z] является суффиксом множественного числа, а в созвучном ему ['kru:z] «морское путешествие» [z] вообще не является суффиксом, а входит в состав основы.

Различение созвучных глаголов облегчается в тех случаях, когда один из них непереходный, а другой — переходный. В этом отношении интерсс представляют омонимы неразличимые, т. е. совпадающие во всех своих формах, которые к тому же оказываются грамматически тождественными.

Ср. ['dai] «умирать» и «красить».

Нередко омонимы совпадают в формах настоящего времени: ['riŋ] «звенеть, звучать» и «окружать кольцом», но различаются в формах прошедшего времени: ['ræħ] «звонил-а», ['rʌŋ] — 2-е причастие и ['riŋgd] «окружал кольцом». Довольно часто омонимы совпадают в разных грамматических формах, а именно: в неопределенной форме и форме прошедшего времени ['sɔ:] «пилить» и «видел», ['faund] «основать» и «нашел», ['si:z] «схватить» и «видит». Реже омонимы совпадают в неопределенной форме и формах настоящего времени.

Омонимия большого количества пар (групп) слов в английском языке объясняется тем, что один и тот же звук изображается различными буквосочетаниями: ['a:] or - ore - oar - awe; ['ai] I - eye - ay; ['rait] write - right - wright - rite; ['si:z] seas - sees - sieze, и т. д. Не следует, однако, думать, что все эти расхождения удерживаются из-за омонимии. Причины, надо полагать, более общего характера: ведь в

основе английской орфографии лежит исторический принцип.

Так, принятые в американском варианте английского языка небольшие особенности орфографии, несколько лучше передающие некоторые
звуки на письме, до сих пор не введены в Англии. Но в ряде случаев
встречается графическое различение слов, ставших омонимами в связи с
расщеплением многозначного слова ['bɔ:n] — born «рожденный» и borne
«носимый»; ['tʌn] — tun «большая бочка» и ton «тонна»; ['flauə] — flour «мука»
и flower «цветок»; ['kænvəs] — canvas «холст», «парусина» и canvass

«выпрашивание голосов перед выборами»; ['stori] — story «рассказ» и storey «этаж». В данном случае подчеркивается наличие двух слов под одной звуковой оболочкой (впрочем, в американском варианте английского языка последние слова пишутся одинаково — ['stori]).

Приведем пример, иллюстрирующий роль орфографии в различении омонимов: The ['o:rəl] method можно понимать двояко: 1) метод (развития) речевых навыков, 2) метод (развития) слуховых навыков. Поскольку оба метода применяются при обучении иностранному языку, перед нами явная двусмысленность, которая устраняется традиционным написанием: 1) The oral method — метод (развития) речевых навыков; 2) The aural method — метод (развития) слуховых навыков.

В очень многих случаях созвучные слова различаются по написанию и относятся к разным частям речи: ['bai] buy — bye — by; [ə'laud] aloud — allowed; ['ouvəsi:] oversea — oversee; ['nouz] nose — knows; ['auə] our — hour, и т. д.

Немалое число омонимов имеют разное написание и различаются категорией числа: ['fi:t] feet — feat; ['bits] bitts — bits; ['gaiz] guise — guys; ['læt(iz] laches — latches и др.

Наконец, встречаются омонимы (но довольно редко), в дифференциации которых действуют даже три фактора: различное написание, разные части речи и неодинаковое числовое значение [rouz] rose «роза»—rows «ряды»—rose «встал»; ['bri:tʃız] breches «бриджи»— breeches «казенные части»—breaches «пробивает брешь (орудие)».

Выводы:

- 1. Весьма развитая по сравнению с другими языками и постоянно растущая омонимия в современном английском языке связана с историческими условиями его развития.
- 2. В современном английском языке преобладают полные лексические омонимы, примерно 48—50% (['skeil] «чешуя» и «масштаб») и частичные, сложные лексико-грамматические омонимы, примерно 45% (['rouz] «роза» и «встал»). На частичные, лексические омонимы (['dai] «красящее вещество» и «игральная кость») и простые, лексико-грамматические омонимы ('leil «лежал» и «класть») приходится 5—7% (почти поровну).
- 3. Нарушения общения не происходит потому, что омонимы различаются целым рядом факторов лексического характера, а также грамматического и, наконец, графического (а во многих случаях и их сочетанием).
- 4. Столкновение омонимов, вообще говоря, известно и английскому языку (отдельные примеры действительно прослеживаются в его истории), но преувеличивать значение этих единичных случаев (особенно на фоне беспрепятственного существования столь большого числа созвучных слов, в массе своей весьма употребительных) совершенно неправомерно.

м. м. фалькович

К ВОПРОСУ ОБ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ

Из многочисленных вопросов, связанных с проблемой омонимии, вопрос отделения многозначности от омонимии представляет наибольшую трудность как при создании лексикографических пособий, так и в практике изучения языка. Трудность представляет выделение лексических омонимов, образовавшихся в результате распада полисемии. Такие омонимы некоторые исследователи называют семантическими 1.

Критерий установления таких омонимов по одной лишь отдаленности значений слова, фактически предлагаемый большинством исследователей (Р. А. Будагов, А. А. Реформатский, А. И. Смирницкий и др.), является необходимым признаком, свидетельствующим об омонимии, но тем не менее неизбежно ведет к субъективным истолкованиям. Поэтому необходим, кроме семантического, еще какой-то внешний признак, подтверждающий образование таких семантических омонимов в языке.

В. В. Виноградов считает, что признаком обособления омонима может также быть и конструктивно-обусловленное значение слова ². Например: положение (в стране) и положение: 1) закон, право, 2) сформулированная мысль (о чем-либо) или обернуться (лицом к окну) и обернуться (в когото), т. е. превратиться. Но здесь же В. В. Виноградов оговаривается, что разные виды конструктивной обусловленности могут являться как признаками омонимии, так и служить указанием на границы разных значений одного и того же слова ³.

И действительно, если мы проследим это явление, в частности, в английском языке, то увидим, что конструктивная обусловленность слов служит не столько признаком омонимии, сколько указанием на границы разных значений слов. Например: to look at smb, smth и to look well (bad etc); to manage smth и to manage to do smth; to propose smth (that smth should be done) и to propose to do smth («предлагать» и «намереваться»). Смысловая связь между этими парами значений явно ощущается, ее никак нельзя считать утерянной.

Е. М. Галкина-Федорук считает наличие у слов различных синонимов (наряду, конечно, с семантической отдаленностью значений) признаком того, что слово распалось на омонимы. В качестве примера приводятся слова: ключ «отмычка» и ключ «ручеек». Е. М. Галкина-Федорук указывает на то, что если в качестве синонима выступает одно и то же слово, то в таких случаях мы уже имеем дело с полисемией. И в качестве примера приводится глагол барабанить, к которому, как в контексте барабанит пионер на барабане, так и в контексте барабанит дождь по крыше можно подобрать один синоним стучать 4.

Разные синонимы, хотя они и могут быть свойственны омонимам, повидимому, в равной степени могут быть характерны и для различных зна-

¹ S. Ull mann, Précis de sémantique française, Paris, 1952, crp. 221.

² В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947.

³ См. В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова,

ВЯ, 1953, № 5, стр. 13, 26, 27. ⁴ Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык, Лексика, [М.], 1954, стр. 57.

чений одного и того же слова. Например: к слову gloomy в значениях, явно связанных между собой: 1) «темный, мрачный»; 2) «угрюмый, мрачный, подавленный» и 3) «печальный, безрадостный» — можно подобрать разные синонимы: 1) dark, 2) depressed, melancholy, dispirited, 3) depressing, cheerless.

К двум связанным по смыслу номинативным (1 и 2) и одному переносному (3) значениям глагола to crush: 1) «раздавливать, размельчать, сдавливать»; 2) «мять» и 3) «подавлять, сокрушать, уничтожать» — можно подобрать разные синонимы: 1) to smash, to squeeze, to break, 2) to crumple, 3) to suppress, to defeat, to extinguish (a rebellion etc.).

Можно было бы привести еще целый ряд примеров, когда у значений одного и того же слова, связь между которыми явно прослеживается,

имеются разные синонимы.

М. С. Гурычева и Б. А. Серебренников отмечают появление омонимов в тех случаях, когда расшеплению значений слова сопутствует образование новых словообразовательных центров, не связанных между собой семантически⁵. На образование самостоятельных словообразовательных центров как на основной признак появления омонимии наряду с отдаленностью значений указывают и авторы «Словаря современного русского литературного языка»⁶.

*

Анализ языкового материала дает нам основания сделать вывод о том, что и в английском языке наиболее существенфактором, определяющим образование омонимов, наряду с семантическим фактором является фактор словообразовательный, а остальные признаки могут служить в равной степени как для выделения омонимов, так и для различения значений одного и того же слова. Что касается такой особенности, как отсутствие ряда грамматических форм, то, по-видимому, этот признак не всегда может говорить о наличии омонимии. Например: англ. fruit «фрукты, плоды вообще» (только форма ед. числа) и fruits — «разные сорта фруктов», а также «плоды, результаты»; hair «волосы» (только форма ед. числа) и hairs — «огдельные волоски». Как видно из приведенных примеров, наличие только одной какой-либо формы, в данном случае формы единственного числа, пеобязательно говорит об образовании омонимов, хотя есть и случаи, когда появлению омонимов сопутствует закрепление за ними только какойнибудь одной формы: либо единственного, либо множественного числа. Haпример: good «добро, благо» и goods «товары».

Что же касается случаев появления самостоятельных словообразовательных центров, то их анализ показал, что они образуются, как правило, тогда, когда отсутствует (или очень слабо, еле заметно прослеживается) смысловая связь между значениями. Случаи, когда смысловая связь еще может быть прослежена, но уже заметно утрачивается, относятся, очевидно, к случаям переходным (например, болеть — болезнь, болезненный, больной, боль и пр. и болеть, болельщик или earth — earthen, to earth, earthy и earth — earthly, earthy. Таких примеров в современном английском язы-

ке очень немного).

Как правило, при сильном отходе значений наблюдается и наличие новых словообразовательных центров. Следует отметить, что образование самостоятельных рядов производных обычно наблюдается при переходе тех значений в омонимы, которые имеют широкую сферу употребления в языке. В случаях, когда одно из значений имеет какую-либо чрезвычайно узкую специальную сферу употребления, нового производного ряда у

6 См. «Инструкцию для составления, "Словаря современного русского литератур-

ного языка"», Изд-во АН СССР, М., 1953.

⁵ См. М. С. Гурычева и Б. А. Серебренников, Задачи изучения основного словарного фонда языка, ВЯ, 1953, № 6, стр. 18.

этого значения может и не образоваться. Например: дисииплина (предмет. отрасль науки), башмак (приспособление для торможения колес), Casus (падеж — в нем. языке), mood (наклонение — в англ. языке) и др. Да это и вполне закономерно. Новое значение слова, сильно отошедшее по смыслу от другого и имеющее широкое обращение в языке, должно начать сосуществовать со старым значением. А так как слова, широко унотребляемые в языке и необходимые для общения, обычно обрастают производными, то это новое слово-омоним также обрастает производными, но для того чтобы не путать эти производные со старыми, народ—носитель данного языка дает этим производным форму, несколько отличную от старых производных. Такое образование самостоятельных производных рядов поддерживает сосуществование таких омонимов в языке, иначе один из омонимов может быть вытеснен его синонимом, так как употребление слов разнозвучащих и разнопишущихся гораздо удобнее в языке, чем употребление омонимов, тем более, если оба из них употребляются в тех же сферах общения. Такую тенденцию к уничтожению омонимов в языке, к постоянному вытеснению одного из членов омонимической группы и его замене синонимичным ему словом отмечают очень многие исследователи?.

Таким образом, образование у значений, сильно отошедших по смыслу от других значений, своих рядов производных является процессом, поддерживающим становление в языке омонимов из многозначных слов. Тем справедливее вывод о том, что распад полисемии и переход полисемии в омонимию подтверждается образованием самостоятельных словообразовательных центров, самостоятельных рядов производных.

Ниже мы приводим ряд примеров из английского языка, анализ которых подтверждает этот вывод.

capital «капитал»

capitalism «капитализм»

to character «запечатнеть»

air «воздух» air «выражение лица» to air «проветривать, вентилировать» airing 1. «проветривание, вентилирование» 2. «прогулка»

airy «воздушный, легкий, нустой» airily «воздушно, легко» airless «безветренный»

capital «столица, главный город» capital «главный, основной» to capitalize «писать с заглавной буквы» capitalist «капиталист»

capitalist «капиталистический» capitalistic «капиталистический» capitalization «капитализация» to capitalize «превращать в капитал»

character «буква, иероглиф, алфавит, письмо»

character 1. «характер» 2. «репутация»

characteristic «характерный»

characteristic «свойство, характерная особенность»

characterization «характеристика» to characterize «характеризовать» characterless 1. «слабый, бесхарактерный»

2. «не имеющий репутации»

civil 1. «гражданский, штатский» 2. юридич. «гражданский» civilian «штатский, гражданский» civilian 1. (мн. ч.) «гражданское населе- civilization «цивилизация»

> 2. «лидо на гражданской службе, штатский»

civil «вежливый, воспитанный» civility «любезность, вежливость»

to civilize «пивилизовать, насаждать культуру»

civic «гражданский» civics «вопросы, связанные с правами и обязанностями граждан» cir(v)y 1. «штатский человек»

2. воен. «штатская одежда»

2. «воспитанный, культурный» civilly «вежливо, учтиво»

civilized 1. «цивилизованный»

⁷ Например: Ж. Жильерон, Е. Р. Уильямс, С. Ульман и др. Α. Мейе, О. Есперсен, Л. А. Булаховский,

duty

«конкретный» concrete concretely «конкретно» concreteness «конкретность»

1. «долг, обязанность»

concrete «бетонный» concrete «бетон»

to concrete 1. «бетонировать»

2. «сгущать (ся) тверде ть, сращивать»

1. «сращение» concretion

2. «сгущение, оседание»

3. «твердая сросшаяся масса» 4. мед. «камни, конкременты»

concretionary геол. «конкреционные отложения»

dutydutiable

«пошлина, гербовый сбор» «подлежащий оплате таможен-

ной пошлиной»

«исполненный сознанием долга» duty-free (adj) «не подлежащий обложеduteous dutiful «исполненный сознанием долга» нию таможенной пошлиной»

fast «крепкий, прочный» fast «крепко, прочно» fo fasten «скреплять, прикреплять» fastening «связывание, скрепление, застежка» fastener «запор, задвижка, застежка, прочность, крепость»

2. «дежурство»

fast «быстрый, скорый» fast «быстро» fastness «скорость»

to wait «ждать» (to wait; to wait for smb. smth., till some time) wait «ожидание» waiting «ожидание»

to wait «прислуживать (за столом)» (to wait on or upon smb, to wait at table) waiter «официант» waitress «официантка»

Приведенные выше примеры — лишь небольшая часть тех примеров перехода полисемии в омонимию, которые нам удалось проследить на материале английского языка и которые позволяют предположить, что основными признаками образования омонимов из многозначного слова можно считать семантический признак и словообразова-Такие же признаки, как отсутствие какой-либо граммательный. тической формы (например, единственного или множественного числа) или конструктивная обусловленность, могут быть лишь признаками сопутствующими, дополнительными к двум основным.

в. а. никонов

неизвестные языки поочья

«История племен, живших по среднему и нижнему течению Оки и в междуречье Цна — Волга, воссоздается почти исключительно по археологическому материалу», — утверждает археолог А. П. Смирнов ¹. Но другой специалист по археологии Поочья признает: «... Археологи, открыв ту или иную культуру, далеко не всегда могут связать ее с каким-пибудь народом, известным по древним письменным источникам или современным. Очень редко мы можем определить название того племени, которое нам стало известным по археологическим признакам... Археологи должны очень осторожно делать заключения об этнической принадлежности той или иной "культуры", так как важнейшим признаком племени, народа является язык, на котором он говорил» ².

Нелегко синтезировать археологические и лингвистические данные с целью воссоздать этно-историческую картину Поочья. На современном уровне археологических и палеолингвистических знаний это, может быть, пока неосуществимо. Время большого синтеза, видимо, еще впереди, сначала же каждой отрасли знания предстоит черновой кропотливый труд по сбору своего материала и его первичной обработке своими собственными методами.

Кто плыл по Средней Оке, не мог не заметить между Рязанью и Касимовом выделяющихся названий Киструс, Свинчус, Ибердус. Вокруг обнаруживаются многочисленные родственные им названия с тем же окончанием, столь не свойственным топонимике окружающих территорий. Таковы Кердус, Ермус, Чарус, Чармус, Пянгус, Кидус, Урсус, Мильчус, Улус, Ункумус, Нетус, Индрус, Урдус, Бунтус. Все эти названия сосредоточены на сравнительно небольшой площади по обе стороны Оки; в основном это — мещерский край, охватывающий низменности от устья р. Прони (ниже Рязани) до низовий р. Мокши, т. е., по современному административному делению, восточная половина Рязанской области со смежными районами Владимирской и Горьковской областей. По-видимому, в эту группу входит и гидроним Гусь (откуда названия призаводских поселений Гусь Хрустальный, Гусь Железный), вопреки наивным домыслам не обязанный происхождением русск. гусь: в документах XVII в. еще сохранялся твердый согласный в окончании этого гидронима (Гусская волость).

Вне очерченного ареала названия на -ус встречаются в бассейне Суры (Ишикус, Валгус) с несколькими случаями -ос (Лукмос и др.), в Прибалтике (оз. Пейпус), на Валдае (оз. Пирус), на Мологе (р. Тегус), в Карелии (р. Урмус), в бассейне Сухоны (деревни Пендус, Логдус, реки Ергус, Кендус), на Урале (реки Уктус, Суксус), в хантыйской части

¹ А. П. Смир нов, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, М., 1952, стр. 111.

² А. Л. Мо н г айт, Археология в СССР, М., 1955, стр. 15.

³ Названия Чарус н Чармус заставляют упомянуть крупную группу топонимов с корнем чар- на северо-западе: Чаронда (=Вожеозеро), Чарозеро и дер. Чарома (близ Вожеозера), р. Чаронка (близ Старой Руссы), Чарозеро (южней р. Свири), Чарозеро (на Кольском п-ове) и др. Эти топонимы Я. Калима сопоставляет с саам. čārra «ягелевый холм, поросшая мхом тундра» (см. Ј. Каlima, Einige russische Ortsnamentypen, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXVIII, Hf. 1—3, 1944, стр. 139).

Тюменской области (с. *Кинтус*), встречаются они и дальше на восток. Но разбросанные по такой огромной территории, они нигде, кроме Средней Оки, не образуют компактной группы. Здесь ареал названий на -ус настолько компактен и столь выделяется на всем окружающем фоне, что заставляет предполагать некое языковое единство в прошлом.

Можно ли определить язык, оставивший эти названия? Обычные попытки корнеискательства заводили топонимику в безнадежные тупики. Фонетические переходы так разнообразны, а законы их для некоторых языков так плохо изучены, что в словарях многих языков можно подыскать сходно звучащие «параллели» даже для такого редкого названия, как $Ибер \partial yc$ [ср. горно-марийск. йывырт «скрытно, тайно», коми ыб «поле», $бер \partial$ (послелог) «место вблизи, подле», удм. $бер \partial$ «крутой лесистый склон», латыш. iebirt «насыпаться» и т. п.], достоверность же гипотез обратно пропорциональна их количеству.

Совершенствовать этимологические методы в топонимике, конечно, важно, но сегодня доказательная сила топонимических этимологий так слаба, что побуждает искать и иные пути анализа, открывающие новые перспективы. Не только и не столько лексика характеризует языки. Передовая топонимическая мысль все настойчивей перемещает центр тяжести с лексических изысканий на другие стороны языка — словообразование, грамматику, фонетику. У нас над исследованием массово-повторяющихся топонимических окончаний работают немногие (к этому вопросу с разных позиций подходят А. П. Дульзон и Б. А. Серебренников). Между тем именно в нашей стране еще полтора столетия назад впервые прозвучал призыв изучать топонимические окончания — в подписанной инициалами статье А. Х. Востокова ⁴. С интервалами в несколько десятилетий к этому вопросу возвращались Д. Еврошеус, А. И. Соболевский, но вся масса топонимических исследований шла мимо единственно верного русла, и у нас до сих пор не выработано даже основных методов такого исследования.

Что означает элемент -ус? Напрасно ищут в каждом повторяющемся топонимическом окончании (-га, -ма, -ша и пр.) непременно слово «река (вода)» или какое-то иное, хотя это и возможно (ср. коми -ва, которое, впрочем, не следует смешивать со славянским -ва кратких прилагательных; оба ареала разделены тысячами километров). Но много раз повторяющиеся топонимические элементы чаще - не самостоятельные слова, а грамматические форманты. Финно-угорское словообразование отличается от славянского, но служебно-грамматические элементы, сосредоточенные в конце слова, обильны и там. Так, -ус могло быть показателем «прилагательности» (фонетически оно близко к окончаниям прилагательных в балтийских языках) или множественности (ср. пермский формант мн. числа), или, скажем, показателем места (аналогичным слав. -ище, мордов. -ур). Даже и при таком «разночтении» грамматический элемент, повторяющийся в топонимах на ограниченной территории десятки раз, все же надежней, чем корень, встречающийся в единичных случаях. Но для определения языковой принадлежности топонимов выделенного ареала нужно идти дальше.

Что можно извлечь из предложенного материала? Много ли скажут о неизвестном языке всего 18 слов? Не так уж мало, если обратиться к методам, которыми вооружает исследователя современное языкознание и которые до сих пор не применялись в топонимическом исследовании.

Фонологическая структура названий на -ус настолько своеобразна, что может служить яркой характеристикой языка, которому они принадлежали. Ударение в этих названиях всегда падаст на первый слог. Уже один этот признак немаловажен: применение его позволяет сразу исключить из сопоставления целые семьи языков. Разителен состав гласных ударно-

⁴ А. В., Задача любителям этимологии, «Санктпетербургский вестник», ч. I, № 2, 1812.

го слога: одну треть всего их числа составляет u, другую треть — y, т. е. $^2/_3$ всех ударных гласных представляют собой гласные верхнего подъема. Это явление совершенно исключительное, не свойственное ни русскому (где u, y вместе взятые составляют едва 19%), ни современным мордовским, ни тюркским языкам. Такому необычному составу ударного вокализма нет параллелей ни в одном из существующих языков Поволжья. Но нет ли их в прошлом?

Остроумным способом Е. Итконен установил, что в прапермском языке гласные верхнего подъема были гораздо употребительней и составляли больше трети всех гласных первого слога 5. Он сделал и следующий шаг, отобрав все корни, общие у пермских языков с финно-угорскими языками волжской группы. Оказалось, что в первом слоге 57% составляют гласные верхнего подъема ⁶. На то же указывает В. И. Лыткин: «Факт наличия в первом слоге пермских языков более узких (высокого подъема) гласных, по сравнению со словами венгерского, финского и мордовского языков, не нодлежит сомнению...» 7. Глубокие отличия пермского вокализма от общефинского не раз подчеркивал В. Штейниц 8. При всей своей исключительности резкое преобладание гласных верхнего подъема все же находит параллели, не отмеченные названными исследователями. В саамской речи, например, из 1000 подсчитанных гласных первого слога 465 оказались гласными верхнего подъема. Эти факты приводятся не для того, чтобы доказать принадлежность названий на -ус к прапермскому или к саамскому, а чтобы показать, что гласные верхнего подъема некогда были гораздо употребительней в языках, бытовавших на необъятных пространствах всей северной половины России, и язык, которому принадлежали названия на -ус, -- одно из отражений этого явления.

Еще специфичней консонантизм названий на -yc. Значителен процент зубных согласных. Интересно, что столь часто употребляющиеся в указанных топонимах m, ∂ ни разу не начинают слова. Очень редки губные, кроме м. Особенно часто в названиях на -ус встречаются сонорные (в русской речи, по Пешковскому, они составляют 28% всех употребляющихся согласных). При этом р по частоте употребления занимает ведущее место среди всех согласных, встречаясь, например, втрое чаще, чем л; это необычно для финских языков, где из плавных сонорных преобладает л. В топонимах на -yc мягкий p отсутствует (как в удмуртском языке). Особенно характерны позиции, в которых встречается р твердое: только в трети всех случаев р предшествует гласным. В русском же, напротив, р предшествует согласным всего лишь в 8% случаев, в литовском таких случаев около 30%, в удмуртском — 31%, в коми — 32%, в венгерском — 35%, в чувашском — 28%, в орхонском руническом — 45%. Широкое употребление р в препозиции к согласным — важнейший характеризующий признак названий на *-yc*.

Фонемы чрезвычайно разборчивы в выборе соседей. В названиях на -yc в постпозиции к p следуют из всех согласных только m, ∂ , m и c; например: $H\delta ep\partial yc$, $Kep\partial yc$, $Vp\partial yc$; Epmyc, Vapmyc; Vpcyc. Сопоставительная таблица дает представление о препозиции p в некоторых языках (в процентном отношении к общему количеству случаев употребления p; тире означает полное отсутствие, ноль — очень редкое употребление — менее полпроцента, поскольку показатели округлены до единицы):

⁶ См., например: W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm, 1944, стр. 124.

⁵ E. It konen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe in Tscheremissischen und in den permischen Sprachen, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXXI, Hf.3, 1954, crp. 328.

⁶ Там же.
⁷ В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка, ч. 1, Сыктывкар, 1957, стр. 82.

Сочетания согласных	Названия на -ус	Совр. русск.	Литов.	Эрэн	Удм.	Коми	Алтайск.	Орхен. рунич.
р + ∂ (m)	33	1	9	17	16	16,5	23	18
р + м	22	0	2	10	2	4	1	12
р + з (c)	11	1	3	5	5	3	1	1
р + др. согл.	—	6	16	12	8	8,5	10	14
Всего р перед согл.	66	8	30	44	31	32	35	45

Межъязыковые различия консонантных сочетаний настолько резки, что, как бы ни был мал материал о названиях на -ус, он отражает главные свойства языка, которому эти названия принадлежали. Нельзя не заметить также, что к предпочитает позицию перед гласными переднего ряда; ср., например: $Kep\partial yc$, Kucmpyc, $Ku\partial yc$. Для μ характерна позиция между гласным и согласным: Пьянгус, Ункумус, Индрус, Свинчус, Бунтус.

Для финно-угорских языков невозможно сочетание двух согласных в начале слова. В отношении топонима Свинчус возможно было бы предположить, например, балтийское происхождение (ср. литов. šventas «святой», а также многочисленные литовские прилагательные на -yc). Естественней, однако, объяснять сочетание св выпадением гласного (случай заурядный): неподалеку в Мордовии течет р. Сивинь; можно предположить также образование e < y, т. е. Ceunyc < *Cyunyc (ср. удм. keunb«три» из общеперм. κyu). Сочетания cmp, $\mu\partial p$ (Kucmpyc, $U\mu\partial pyc$) тоже как будто больше свойственны балтийским, чем финским языкам (ср. $\mathit{Ин}\partial \mathit{pa}$ в Латвии), но и на это найдется достаточно контрвозражений. Во-первых, широко известен вставной характер m, $\hat{\sigma}$ в славянских, балтийских и некогда фракийских сочетаниях согласных cmp, $n\partial p$; следовательно, m, ∂ могли быть вставлены в иноязычные заимствования пришельцами-индоевропейцами. В этой связи не мешает напомнить удивительные балтийско-пермские параллели при отсутствии связующих звеньев между ними 9. C другой стороны, возникновение $my + \partial pa < my + \partial ypu$ указывает на возможность появления подобных сочетаний и без посредства балтийских языков. Наконец, допустимо и третье предположение. Финские исследователи относят название кольского озера ${\it Имандра}$ к языку дофинских насельников. Что такого рода сочетания свойственны не одним только индоевропейским языкам, доказывает восточносибирский топоним Имангдра, который по-эвенкийски означает «снежная» 10.

С северо-востока к этому ареалу примыкает не менее характерная группа названий на -х, охватывающих бассейн Клязьмы и частью нижней Оки, на западе доходящих до г. Загорска: Лух, Сех, Варех, Ламех, Люлех, Палех, Пенух, Печух, Пурех, Сезух, Тюних, Тюрех, Дорх, Елх, Тасх, Таих, Ynpex, Ympex, $Boh\partial yx$ (близ Вязников), $Boh\partial yx$ (в Загорске), $JJah\partial ex$, Mертнох, $\Pi op \partial yx$, Tempyx. Все эти названия имеют ударение на первом слоге. Любопытно, что в Муромском уезде писцовая книга XVI в. зарегистрировала личное имя Молех. Возможно, что к этой группе принадлежит и Тельха (<*Телих?) — название реки в правобережье Оки между г. Павловом и г. Горбатовом; «в Муромском уезде в Клинском стану» грамота

⁹ См. Б. А. Серебренников, О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам, «Труды АН Литов. ССР». Серия А, 1 (2), Вильнюс, 1957.

10 Г. М. Василевич, Топонимика Восточной Сибири, «Изв. Всесоюзн. географич. об-ва», т. 90, вып. 4, 1958, стр. 325, 327.

1619 г. называет *озерко Кустроха* 11 , а писцовая книга XVI в. отмечает там же оз. Mнюха 12 .

Вне этого ареала названия с исходом на -x встречаются северо-восточней: в Заволжье, на Вятке и дальше на Урале и в Зауралье, в частности на нижней Оби, и дальше на восток (р. Bax). Большинство названий на -x зафиксировано на исторической территории угорских языков. В Венгрии отмечен топоним $\Pi evyx$, тезка владимирского; древнейший документ венгерского языка — грамота Тиханьского аббатства XI в. — упоминает и другие названия на $-x^{13}$. Но таких скоплений, как клязьминское, эти названия нигде больше не образуют.

Названия этой группы представляют собой чаще всего двуслоговые образования. Основная модель слога таких топонимов: согласный — гласный — согласный. Показатель количественного отношения согласных к гласным необычайно высок — 1,8. Абсолютно преобладает консонантный зачин. Ударение всегда на первом слоге.

Хотя тут нет того поразительного преобладания гласных верхнего подъема, как в названиях на -yc, тем не менее очень употребителен y, занимающий больше трети всех ударных слогов.

Исключительный интерес представляет явление своеобразной зависимости безударного гласного от гласного первого ударного слога: если в начальном слоге имеется а или у, то в неударном слоге за редкими исключениями — е, и: Варех, Утрех, Тюлех, Палех, Ландех и др.; если же под ударением оказывается е или о, то в следующем слоге почти обязательно бывает у: Сезух, Тетрух, Печух, Мертюх, Пенюх. Закономерность эта настолько сильна, что сохранена русской речью, которой она несвойственна. Это явление по своему характеру отличается и от мордовской «перегласовки» 14, и от сингармонизма тюркских языков.

Характерны и особенности консонантизма в названиях этой группы. Огромна доля плавных: почти каждый четвертый согласный — или л или р (если даже учитывать при этом обязательную в каждом слове заключительную фонему x), т. е. употребление этих сонорных в рассматриваемой группе названий втрое чаще, чем в русской речи. Нередки плавные перед гласными переднего ряда; русский язык сохранил эти плавные мягкими, хотя нельзя с уверенностью утверждать, что такими они были и в языке, которому принадлежали названия на -х. В русской передаче этих названий $m\omega$ (например, $T\omega nex$) мог получиться или из первоначального m'y, или, напротив, из сочетания твердого т с гласным, звучащим как немечкий \ddot{u} и хорошо известным также финно-угорским и тюркским языкам. В абсолютном начале слова чаще всего встречаются губные n, ϵ , или зубные m, ∂ , или плавный n, все другие исключительно редки. При этом интересно, что m, ∂ часто употребляются и в иных позициях, тогда как губные в других позициях не наблюдаются. Плавный р ни разу не зафиксирован в начале слова.

Позиция согласного в слове	m, d	Губные	л	р	x	Прочие согласные	
В абсолютном на- чале слова В других позициях Всего:	7 7 14	10 2 12	4 4 8	10 10	27 27	4 10 14	

^{11 «}Ежегодник Владимирск. губернск. статистич. комитета», т. II, 1878, стр. 195. 12 «Писцовые книги XVI века», под ред. Н. В. Калачова, Отделение I — Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской, ч. 1, СПб., 1872, стр. 883. 13 В á г с z i G., A Tihanyi apátság alapítólevele mint nyelvi emlék, Budapest, 1951.

¹⁴ См. Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск, 1953, стр. 182—189.

Во всех консонантных сочетаниях (кроме единичного случая — Tacx) участвует сонорный; преобладающий тип сочетаний — сонорный $+ \partial$. Такая определенность во многом искупает скудность материала.

Конечный x (и h) в именах известен карельскому и вепсскому (напр.: веней «лодка», кортюх «хвощ», хэриэх «горох», мадех «налим» и мн. др.), особенно же употребителен он в мансийском (например: лох «залив», морах «морошка», хулах «ворон», порх «тело»). Окончание на -х привычно и в языке, генетически как будто не связанном с указанными выше, но территориально близком к очерченному ареалу названий на -х, а именно — в чувашском (см. сурах «овца», турах «кислое молоко», чах «курица», где ударение также стоит на начальном слоге). Марийскому и удмуртскому языкам х чужд. Полное отсутствие p в абсолютном начале слова — ярчайший признак принадлежности к тюркским языкам. Состав согласных, особенно преобладание m, n, очень напоминает аналогичное явление в мансийском.

Если все же попытаться отыскать для языка этих названий место среди языков, известных лингвистике, можно было бы пока гипотетически определить его как «наложение» архаичнотюркского слоя на финно-угорский (точней, вероятно, на «угро-финский»). Не найдется ли параллелей в чувашской исторической фонетике? Известно, что географические названия по своему словообразованию близки к личным именам; учтем, что среди «протоболгарских» предводителей VII в. были Аспарух, приведший родичей волжских болгар на Балканы, и один из его близких потомков Винех. Если, однако, принять такое объяснение происхождения названий на-х, то придется предположить продвижение древнетюркских элементов (болгарских или еще более ранних?) значительно западней устья Оки, на Клязьму, в отношении чего наука пока не располагает иными доказательствами 15.

Объективность обязывает упомянуть возможности иных решений вопроса о происхождении указанных названий.

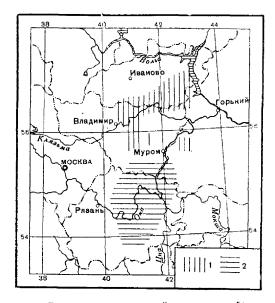
Рассматриваемые ареалы могли быть частями других, более обширных. Ареал названий на -ус примыкает к огромному пространству распространения топонимов на -ас, покрывающих весь северо-восток Советского Союза, захватывающих север до Карелии включительно и врезающихся глубоким клином в правобережье Волги на исторической территории мордвы; названия на -ус могли быть диалектными вариантами. Ареал названий на -х занимает окраину широкого ареала топонимов на -хта (ср. диалектное

 $^{^{15}}$ При обсуждении этой работы Б. А. Серебренников предложил карельские этимологии для названий на -x. Но почти весь ряд этих названий можно не хуже (и не лучие) «объяснить» из разных языков. Несколько примеров:

	Венс.	Манс.	Чуваш.
Палех	пало «сожженная подсека, под- сечное поле»	палых «от- крытый»	палаж (устар.) «знак, признак примета»
Пюлех	люлю «крепкое смолистое дерево»	люль «плохой, вредный»	
Taux		тайи «протока, рукав»	

-гда), южная граница которого образует обращенный к югу треугольник: Финский залив — Москва — Северный Урал. Можно думать, что элемент -та появился в этих названиях поздней, распространяясь с запада (как в Спбири было добавлено в свое время окончание -ка, ср. Индигирка, Чунка и др.), а клязьминская окраина осталась почти не затронутой этим процессом. Остается невыясненным и отношение групи названий на -ус, -х к другим типам топонимов на тех же территориях (например, возникает вопрос, родственны ли окончания -ус и -ур — ср. Нинур, Дандур и пр.).

К сожалению, это не единственное обстоятельство, могущее изменить сами условия поставленной задачи. Приведенные названия за тысячеле-

Размещение названий на -yc и -x 34 1 — ареан названий на -yc; 2 — ареан названий на -x

тие их существования в русской речи могли подвергнуться постепенным и трудноуловимым изменениям; при этом, конечно, необязательно в тех направлениях, в каких менялись за то же время языки, некогда родственные языку этих названий (здесь нужно иметь в виду также и то, что уже в пору возникновения названий на -ус или -х образовавший их язык отличался от родственного языка, ставшего предком того или иного из ныне существующих). Пока важней не увлекаться определением языковой принадлежности рассмотренных названий, а выявить их характерные особенности, чтобы дать материал специалистам по языкам различных семей. Выявление двух ранее неизвестных языковых ареалов поможет приподнять краешек завесы над глубокой языковой древностью самых центральных областей нашей страны.

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКИХ ТЕКСТОВ ЛАТИНСКИМИ БУКВАМИ

1

Среди разных форм речевого общения общение посредством письма и печати занимает исключительное место и имеет весьма многообразные жанры. Достаточно хотя бы назвать телеграммы, написания адреса на конверте, письма различного содержания, удостоверения личности, фактуры, прейскуранты, протоколы, каталоги, инструкции, брошюры, книги, журналы, газеты, плакаты, афиши и прочие виды печатной продукции. При использовании разными народами одной и той же алфавитной основы, например латинской, даже и при различии орфографических систем и реального состава алфавита вопрос обычно решается в пользу сохранения оригинального написания собственных имен. При этом обычно сохраняются в неизменном виде написания личных и отчасти географических имен, если это не широко и давно известное название типа Londre для французов и Parigi для итальянцев вместо подлинных английского London и французского Paris; следует отметить, что в таких случаях осуществляется уже субституция чужого слова своим, т. е. перевод. Вопрос о том, как же должен читать, допустим, англичанин Milano, Paris, Budapest, Kraków, Kecskemet и т. п., представляется навыку читающего и правилами чтения обычно не регулируется.

Если же алфавитные основы разные (например, русская и латинская), то возникает необходимость передать данное наименование другим алфавитом (русское латинским и наоборот). Здесь возможны два пути.

1. Чужое название, написанное иным алфавитом, передают буквами своего реального алфавита и привычными для своей орфографической системы буквосочетаниями. На таком основании построена географическая транскрипция RGS (Royal geographical society), принятая в английской и американской картографии; из этого же принципа исходит библиографическая практика американской библиотеки Конгресса, когда любой нелатинописный текст передается 26-ю буквами латинского алфавита без какой-либо специальной диакритики, но с использованием обычных для английской орфографии диграфов и полиграфов (ch=u, sh=u, zh=u= m, kh = x, shch = u). При такой системе правила передачи латинскими буквами нелатинописных текстов могут быть регламентированы, и правила чтения остаются те же, что и для своеязычного текста. Положительным в этой системе является то, что географическая и библиографическая практика следуют единым правидам и чтение не требует особых ограничений. Однако беда здесь в том, что алфавитный состав и орфографические навыки латинопишущих народов — разные. Поэтому одна и та же фамилия, допустим, русская фамилия $\mathcal{J}anuuu$, в английском тексте будет выглядеть как Lapshin, во французском — Lapchine, в немецком — Lapschin, в итальянском — Lapscin, в польском — Lapszyn, в чешском — Lapsin,

в венгерском — Lapsin и т. п. Такова практика индивидуально-национальных и региональных транскрипций. Для международной идентификации всех подобных случаев, представляющих собой национально-орфографические варианты того же имени, нужен какой-либо одно-значный эталон.

2. Данная система букв нелатинского письма получает однозначный перевод в буквах латинского алфавита, регулирующийся специальными правилами, общими для всех латинопишущих народов без ориентации на национальные и региональные орфографические системы. Система такой передачи может быть: 1) международной, 2) однозначной, 3) обратимой, т. е. должна позволять делать и обратный перевод в оригинальное написание, 4) регулируемой элементарными правилами, для усвоения которых не требуется ни знания языков, ни знания правил национальных орфографий, ни знакомства с лингвистической терминологией (кроме понятий «гласная и согласная буква» и «начало и конец слова»). Такая система не связана с ассортиментом букв данного латинопишущего языка и может быть построена на принципах экономной и последовательной графики.

1-й путь — это путь практической транскрипции, 2-й путь — это путь транслитерации. Различие здесь в том, что практическая транскрипция (в отличие как от транслитерации, так и от фонетической или фонологической — вообще лингвистической транскрипции) должна строго ограничиваться наличным ассортиментом букв данного национального алфавита, не пользоваться никакой непринятой в практическом письме диакритикой и никакими особыми знаками. Единственное допускаемое здесь отступление от обычного орфографического письма — это необычные положения и сочетания нормальных букв (например, такие написания в русской практической транскрипции, как Ыргыз, Жайык, Кызыл и т. п.). Основное назначение практической транскрипции — это передача с помощью фонетико-орфографических средств одного языка написаний собственных имен другого языка с другими фонетико-орфографическими средствами. Практическая транскрипция применяется в национальной картографии, в газетах, в обычной книжной продукции для широкого читателя, в некоторых учебниках. При применении практической транскрипции одни и те же имена и названия у разных народов даже при наличии общей алфавитной основы будут графически разными (например: русское Репин, Ершов, Киселев, Украина, Елец, Егорьевск и украинское Репін, Єршов, Кисельов, Україна, Єлець, Єгор'євськ; русское Югославия, Скопле, Яков и сербское Југославија, Скопље, Јаков; русское Стокгольм, Суэцкий канал, Тырново и болгарское Стокхолм, Суезки канал, Търново и т. п.).

Транслитерация отлична от транскрипции многими признаками и, главное, своей целенаправленностью. Конечно, не следует понимать под транслитерацией механическую подстановку под каждой буквой чужого алфавита буквы своего алфавита (этого типа транслитерацию на русский Л. В. Щерба изображал в виде Схакэспэарэ (Shakespeare), Меиллэт (Meillet), Схав (Shaw)¹}. Однако главное отличие транслитерации от практической транскрипции заключается прежде всего в независимости первой от ассортимента букв определенного национального алфавита. Теоретически можно допустить возможность такой совершенно последовательной и лингвистически и графически безупречной транслитерации, где все буквы будут выдуманными и ни одной из них не будет в существующих алфавитах. Но вряд ли такое решение и предположение стоит поддерживать. Не говоря уже о технических затруднениях (наборные кассы, клавиатура пишущих машинок и т. д.), следует принять во внимание употребительность, узуальность системы применяемых графем у реальных адресатов

¹ См. Л. В. Щерба, Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий, «Труды Комиссии по русскому языку [АН СССР]», т. I, Л., 1931, стр. 191.

⁷ Вопросы языкознания, № 5

транслитерации. Поэтому не могут вызвать сочувствия для транслитерации русских текстов латиницей такие латинопишущиеся знаки, как \ddot{e} (русское в контексте латиницы), \dot{e} (в значении ϑ), \ddot{i} (украинская и французская буква, здесь в значении $\ddot{u}u$), \dot{g} (в значении украинского e) и т. п.

Гораздо целесообразнее — при всех прочих равных условиях — избирать буквы из наличных реальных алфавитов, особенно (применительно к транслитерации русских текстов латиницей) используя опыт лучших латиниц славянских языков (чешского, словацкого, хорватского). Этот путь не только дает простейшее и наиболее удобное решение вопросов транслитерации, но и следует многовековым испытанным традициям.

Каково же назначение транслитерации и кто ее адресаты? Назначение транслитерации Л. В. Щерба определял так: «...1) при идентификации личности (на суде, в банке, в торговле, на почте и т. п.); 2) при идентификации судов дальнего плавания; 3) на географических картах и в разного рода международных списках населенных местностей, а по связи с этим в международных почтово-телеграфных сношениях; 4) в международных баблиографиях, где при отсутствии единства транслитерации часто совершенно невозможно найти того или иного автора»². При всех вероятностях изменчивости ситуаций, отмеченных Л. В. Щербой, приведенный им список убеждает. К нему можно добавить еще: составление международных прейскурантов и каталогов, проспектов докладов на международных конференциях и съездах и идентификацию личности в области паспортизации.

Транслитерация может быть и промежуточным звеном между написанием подлинника и дальнейшей практической транскрипцией, принимаемой по выбору представителями отдельных языков (Чайковский — Čajkowskij и далее по языкам: англ. Chaykovsky, франц. Tchaikovsky, нем. Tschajkowsky, польск. Czajkowski и т. п.). В любом случае стандартизация транслитерации как эталона обязательна.

2

Вопрос о транслитерации русских текстов латиницей имеет свою историю. Если ограничиться только XX в., то можно констатировать в разработке правил транслитерации два направления, которые отвечают двум указанным выше путям. Л. В. Щерба писал: «Вопрос этот уже давно был ноставлен жизнью перед русской культурой, но решался по-разному: Академией наук в 1906 г.— в духе славянского единства, Географическим обществом в 1911 г.— в англофильском духе и с давних пор почтово-телеграфным ведомством — в духе французского языка как традиционного международного языка. К этим трем транслитерациям прибавилось в новейшее время еще две — Внешторга и Всесоюзного комитета стандартизации (ОСТ 8483, 16 X 1935 г.), обе в основном в плане транслитерации Географического общества, т. е. в англофильском духе» 3.

Первое направление представлено системами Географического общества и ОСТ ВКС. Другое направление — это направление Академии наук, решения которой по вопросам транслитерации русских текстов латиницей имеют свою историю и относятся к 1906 г., 1925 г., 1939 г. (Отделение литературы и языка АН СССР) и 1951—1957 гг. (Институт языкознания

AH_CCCP).

² Л. В. Щерба, Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий, ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 119, примеч.
³ Там же, стр. 119.

людается, и ведущие тенденции каждой системы проявляются именно здесь. Так, «англофильские» системы Внешторга и ОСТ'а 8483 дают для шинящих диграфы (u=ch, w=sh, w=zh), w изображают через триграф sch, x— как hh; система Географического общества, соединяющая англофильскую и германофильскую тенденции, обозначает w английским диграфом sh, для u и w указывает «гибридные» полиграфы tsh и stsh, а x передает как ch (по немецкой системе). «Оригинальной» особенностью системы Внешторга является передача u курсивным u (спращивается: а как же передать u в курсивном тексте, чтобы отличить его от u и показать, например, что Ценин и Зенин — разные фамилии?).

Что касается гласных, а также в и ъ, то они в этих системах передаются следующим образом:

	Географич. об-во	Внешторг	OCT 8483
e	e	e	е (после согласных) је (после гласных и в на- чале слова)
l ē		_	10
u	i	i	li l
ю	ju	ju	lju l
) я	ja	ja	ja l
Э	ê	e	e
ь	j' (перед e ,	i	і (может опускаться в кон-
1	и, ю, я)	,	пе слова и между 2 со-
	і (в прочих		гласными)
1	случаях)		
ъ	• • •	опускается	j' ->-

Из таблицы видно, что Географическое общество и Внешторг не различают двух функций букв е, ю, я, и и вообще не считают существующей букву ё; зато Географическое общество различает буквы е и э в виде е и є. ОСТ 8483 признает букву ё, но не различает двух функций букв ё, и, ю, я, что же касается буквы е, то почему-то для нее различение двух функций указано. Из правил передачи ь и ъ следует, что по ОСТ'у 8483 кул и куль должны передаваться одинаково kulj, в крайнем случае куль— как кul, а кул—как kulj (вопреки здравому смыслу). По системе Географического общества Ульянов передается Ulj'janov, а Отълсова — Ot'jasova; по системе же Внешторга Ульянов передается Ulj'janov, а Отълсова — Otjasova. Все указанное не позволяет считать эти системы удовлетворительными.

Система Наркомата связи была ориентирована на французскую орфографию, поэтому в ней w передается как ch, w — как j, u — как tch, w — как stch, y — как ou, ou — соответственно как iou, u не как u (эта буква занята для u), а как u, где в одной латинской букве совмещаются две русские — u и u (откуда u0 — u

ский (от высота).

Система Б. А. Ларина (тоже 20-е годы) ориентирована в основном на академическую латиницу: w, w, v передаются «гачковой» диакритикой — над буквами для свистящих: \tilde{s} , \tilde{z} , \tilde{c} , но x—через x. Диковинным в этой си-

стеме является использование немецкого β («эс-цет») для ψ (кстати, прописных «эс-цетов» в наборных кассах, как правило, не бывает). Двойная функция «мягких гласных букв» различается (как и в системе Н.Ф. Яковлева) путем применения диакритики, только не акутовой, а циркумфлексной над гласной буквой и сочетанием йота с гласной буквой, т. е.: π — как \hat{a} и ja, \ddot{e} — как \hat{c} и jo, ω — как \hat{u} и ju, u — всегда i, e — всегда e, а θ — как θ ; θ ; так же, как и у Н.Ф. Яковлева, передается по-разному: как θ ; (знак мягкости согласных) и как θ — «ерь отделительный»; θ и в той и в другой системе опускается.

Естественно, что ориентация на графику НА в системе Н. Ф. Яковлева могла быть актуальной только в условиях существования латинизированных алфавитов народов СССР, ориентация системы Б. А. Ларина на академическую латиницу оказалась «долговечнее». Положительным качеством обеих систем является различение двух функций «мягких гласных букв», отрицательным (не считая индивидуальных случаев, отмеченных выше) — двойная передача буквы ь, которой при более рациональной системе можно избежать, передавая апострофом ь как знак мягкости и опуская ь и ъ как знаки «отделительные»; опускание ъ «отделительного» и сохранение в

передаче ь котделительного» портит и ту и другую систему.

Особняком стоит система Теплова (1951 г.) как опыт исправления дефектов ОСТ 8483; в этом проекте самое интересное — это передача ы через і, что фонологически вполне оправдано, если есть средство графического различения мягких и твердых сочетаний согласных с фонемой [и]; в системе Теплова мягкость согласных обозначается апострофом независимо от того, показана ли она в русской графике ерем (ь) или же сочетаниями с последующими «мягкими гласными буквами» (s, e, \ddot{e}, w, u) ; этот прием хорош в транскрипции, но абсолютно недопустим в транслитерации, где сопоставление и устанавливаемые правила должны быть сформулированы только литерально, графически, а не фонетически. Освобожденная указанным приемом буква у используется в системе Теплова для йота, а буква ј — для ж. Шипящие шич даны по системе RGS: ш — как sh, ч — как ch; а щ — как sh'; для х указан диграф kh. Проект Теплова частью ориентирован на англо-американскую графику, частью — на французскую, что создает непоследовательности (u - sh, w - j). Но, главное, ясно, что «обезвредить» регионально ориентированный ОСТ 8483 отдельными, хотя бы фонологически оправданными поправками нельзя.

Поэтому Комитет стандартов предложил Институту языкознания АН СССР в корне пересмотреть ОСТ 8483. Институт языкознания положил в основу нового ГОСТ'а так называемую «академическую латиницу».

3

Все редакции «академической системы» (1906, 1925, 1939 и 1951—1957 гг.) ориентированы на славянскую латиницу типа чешской, словацкой, хорватской (но не польской) с использованием для шипящих «гачковой» диакритики; это создает парные ряды свистящих и шипящих: u-c, $u-\check{c}$; c-s, $u-\check{s}$; s-z, $\varkappa-\check{z}$; u изображается как $\check{s}\check{c}$, для x применяется диграф ch^4 (как в чешском, польском и немецком). При разработке «академической латиницы» для русского языка был использован и опыт латинской транскрипции, применявшийся в практике преподавания славистики в высших учебных заведениях и в соответствующих учебных пособиях. Особенностью, проходящей через все редакционные этапы «академической латиницы», было намерение различить двойную функцию букв $e, \ \ddot{e}, \ u, \ ю, \ s$ в русском алфавите.

Не изменяя основных принципов и исходных данных, «академическая латиница» за 50 лет эволюционировала или, точнее, видоизменялась. Основные особенности 4 имеющихся редакций сводятся к следующему:

⁴ Кроме редакции 1939 г., где x — h.

- 2. Неизменными остаются и решения о шипящих: $u \check{s}$, $\varkappa \check{z}$, $u \check{c}$, $u \check{s}\check{c}$ и о u c 5 букв.
- 3. x в редакциях 1906, 1925 и 1957 гг.— ch (по традиции славянской латиницы и с возможностью специального использования h для «ларингального фрикативного» украинского и белорусского ε ; ср. чешский алфавит) 1 буква.

4. Как уже выше сказано, во всех редакциях «академической системы» имелась тенденция различить две функции «мягких гласных букв», но графически это решалось по-разному, вопрос же о «твердых гласных буквах» a, o, s, u, y решался во всех редакциях однозначно — 10 букв (итого 33 буквы).

Редакции 1906 и 1925 гг. единообразно решали вопрос о передаче «мягких гласных букв»: буквы s, \ddot{e} , ω передаются в начале слова, после гласных и ь и ъ как ја, јо, ји, а после согласных как та, то, ти; буква и передается как i, кроме случаев после b и b, когда u передается как ii; буква e передается как e после согласных и в начале слова (т. е. не только Лесков — Leskov, но и Егоров — Едогоv), после ь и ъ — как је; как передавать е после гласных, не оговорено; ь как знак мягкости передается через *і* (Гоголь — Gogoli), а как «отделительный» (равно как и ъ в той же функции) опускается. В решениях ОЛЯ АН СССР от 27 октября 1939 г. эти вопросы решены несколько иначе: ь и ъ не опускаются, а передаются апострофом (') — τ всегда, а τ перед e, \ddot{e} , u, κ , π ; τ как знак мягкости передается йотом. В связи с этим a, ω всегда передаются ia, iu (т. е. фамилии Тяпкин, Тюрин должны передаваться как Tjapkin, Tjurin, а фамилии Пьяков, Отъясова как D'јакоv, Ot'јаsоva); \ddot{e} всегда передается как jo, кроме случаев следования после ш, ж, ч, щ, когда ё передается как о; е передается после согласных как e, а в начале слов, после гласных и после ь и v как је (значит, фамилия Cepos будет передана как Serov, а фамилия Oбre- ∂a лов — как Ob 'jedalov).

В этой редакции «академической латиницы» (основным автором которой был Л. В. Щерба⁵) отсутствует непривычная буква i, взамен чего употребляется j (прежняя транслитерация фамилии Fozonb в виде Gogoli заменяется транслитерацией Gogoli), добавлено указание о передаче e как i после гласных, введено уточнение о передаче i как i после i после i после е i после
4

Прежде чем охарактеризовать последнюю редакцию «академической латиницы» (1951—1957 гг.), необходимо изложить вопрос о системе ISO (International organization for standartization). О первой редакции этой системы Л. В. Щерба писал: «Уже после того как вышеизложенные правила транслитерации были приняты в Москве, был получен проект транслитерации кириллицы, составленный в международной ассоциации по стандартизации (ISA). Этот проект, как оказалось, во всем существенном совнадает с вышеизложенными правилами: $\mathcal{H} = \tilde{z}$, $\tilde{u} = j$, x = h, y = c,

⁵ См. Л. В. Щерба, Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий.

u — \check{c} , u — \check{s} , u — $\check{s}\check{c}$, u — y, в или j или апостроф, s — e или e, w — ju, s — ja. Только e всегда транслитерируется через e, а русское отде-

лительное \mathfrak{F} , по-видимому, не предусмотрено»⁶.

В 50-е годы, когда основной вид улучшенной редакции «академической патиницы» был уже разработан, Комитет стандартизации при Совете Министров СССР привлек Институт языкознания АН СССР к рассмотрению последних редакций системы транслитерации кирипловских текстов, предлагаемых ISO. Институт языкознания АН СССР, рассмотрев предложения ISO, направил ответ, в котором указывалось, что тенденция к созданию единой международной системы и отказ от регионально-национальных систем заслуживают всяческой поддержки, что ориентировку системы транслитерации на славянскую латиницу (чешского, словацкого, хорватского типа и «академическую латиницу», существовавшую в России и в СССР в XX в.) также следует приветствовать, но что по целому ряду отдельных пунктов имеются возражения и что упрощения «академической латиницы» в проекте ISO являются шагом назад⁷.

Остальные возражения касались транслитерации украинских, белорусских и сербских текстов; все это было сформулировано в 10 пунктах. Из них 2 пункта были приняты ISO (о белорусском ы и украинском ї);

остальные 8 отвергнуты.

К 1956 г. система улучшенной «академической латиницы» была окончательно отредактирована и представлена в Комитет стандартов и измерительных приборов при Совете Министров СССР как проект соответствующего ГОСТ'а («Правила международной транслитерации русских имен собственных латинскими буквами»), а также напечатана РИСО АН СССР и разослана различным академическим учреждениям и отдельным ученым 9.

Данная система, не меняя принципов, положенных более полувека назад в разработку «академической латиницы», рекомендует ряд уточнений и улучшений редакции 1925 г., из которой она и исходит. Рекомендуемые в данной системе латинские буквы имеются в нормальных алфавитах латинопишуших народов; никаких особых пунсонов система не предусматривает, поэтому она не требует «облегченных» вариантов и замен для печатающих аппаратов. Принятая система правил обратима, т. е. дает возможность однозначной обратной транслитерации с латинского написания на русский. Сами правила данной системы для понимания их и применения их на практике не требуют ни знания языков и их орфографий (русского и того, на который производится транслитерация), ни

⁶ См. Л. В. Щерба, Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий, стр. 126.

⁷ Йереписка Института языкознания АН СССР и ISO издана Генеральным секретариатом ISO в числе документов и рекомендаций ISO, отпечатанных ротапринтным способом.

в Встречается только в литовском алфавите.

⁹ Было получено 24 ответа, в которых большинство ученых и организаций поддерживали или полностью или почти полностью данную систему; в их числе ответы акад. С. П. Обнорского, акад. Н. И. Копрада, члена-корр. Я. М. Эндзелина, акад. А. В. Винтера, акад. И. Э. Грабаря, акад. М. А. Леонтовича, акад. Л. С. Штерн, акад. А. И. Опарина и др.

специальных лингвистических знаний, так как они исходят из литеральных, графических определений, и кроме терминов «гласные, согласные» (разумеются: буквы) и «начало и конец слова»— ни один лингвистический термин в формулировках правил не применяется.

В окончательном виде эта система такова:

Русские буквы	Соответствующие латинские букьы	Русские буквы	Соответствующие латинские буквы
а б в г д с	а b v g d e после согласных је в начале, слова, после глас- ных, ъ и ь 'о после согласных (кроме ч, ш, щ, ж) о после ч, ш, щ, ж јо в начале слова, после гласных, ъ и ь	0 n p c m y f x u	o P r s t u f ch c č š č š
ж	ž	ъ	опускается
3	z	ы	\boldsymbol{y}
u	і в начале слова, после гласных и согласных ії после ь	ъ	' в конце слова, перед соглас- ными; опускается перед глас- ными
й	i	9	e
ĸ	$\frac{1}{k}$	ю	'и после согласных
1			ји в начале слова, после глас-
л	<u> </u>	я	ных, ъ и ь 'а после согласных
M	m	, ~	ја в начале слова, после] глас-
H	n		ных, ъ и в

Е. В. ПАДУЧЕВА

об описании падежной системы русского СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

(Некоторые проблемы омонимии при машинном переводе)

Анализ грамматической категории падежа существительного включает установление состава падежных форм и выяснение значений, которые выражаются противопоставлением этих форм. Установление состава падежных форм обычно не вызывает особых затруднений; что же касается анализа их значений, то он оказывается более сложным. Значение одной и той же падежной формы в разных контекстах может быть очень разнообразным, а значения форм разных падежей могут иногда отличаться друг от друга чрезвычайно мало (ср., с одной стороны, различие значений Т падежа в сочетаниях ранен стрелой и летит стрелой, а с другой сходство значений Т и В падежей в словосочетаниях управлять машиной и вести машину). Перечисление отдельных контекстных значений падежной формы еще не решает проблему анализа падежа как грамматической категории, так как необходимо, кроме того, выделить в разных вариантах значения то общее, что делает падежную форму единой.

При всех контекстных изменениях значения данной падежной формы отношение между значениями различных форм остается инвариантным. Анализ семантических соотношений между различными падежными формами был проведен Р. Якобсоном², который установил, что соотношения по значению в некоторых парах падежей являются тождественными. Так, 1) значение В отличается от значения И по тому же признаку, по которому значение Д отличается от значения Т: и В и Д обладают значением направленности, которого нет у И и Т; 2) Д отличается от В по тому же признаку, по которому Т отличается от И: Д и Т обозначают периферийную роль предмета в высказывании в отличие от В и И, которые лишены этого значения, и т. д. Сумму таких элементарных значений - направленности, периферийности и т. д. - можно считать семантическим инвариантом для падежной формы, т. е. общим значением падежа (аналогично тому, как сумма акустических дифференциальных признаков является акустическим инвариантом для фонемы).

Однако к анализу падежных форм существительного можно подходить также с иной точки зрения. Слово в разных падежных формах входит в состав разных типов словосочетаний. Каждому типу словосочетаний соответствует определенный характер синтаксических связей между словами. Падежную форму существительного можно рассматривать как формальный, т. е. лишенный самостоятельного значения признак, который наряду с остальными признаками данного слова (такими, как принадлежность к определенной части речи, род, число) и аналогичными признака-

² Cm.: R. Jakobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, TCLP, vol. 6, 1936; О. Якобсон, Морфологические наблюдения над славянским склонением,

's-Gravenhage, 1958.

В дальнейшем используются следующие обозначения для падежей: И — именительный, В — винительный, Р — родительный, Д — дательный, П — предложный, Т — творительный.

ми других слов выражает характер синтаксических связей данного существительного с другими словами во фразе. Такой подход к анализу падежных форм оказывается весьма целесообразным для ряда практических целей, в частности для машинного перевода. С точки зрения машинного перевода самостоятельным значением обладают те языковые единицы, которые сами по себе имеют эквивалент в другом языке. Общее значение, которое мы можем установить для падежной формы (например, тем способом, о котором мы говорили выше), является столь абстрактным, что подбор для него переводного эквивалента был бы чрезвычайно затруднительным. Если же считать падежную форму формальным признаком и подбирать эквивалент не для падежа, а в целом для типа синтаксической связи (т. е. для типа словосочетания), то задача значительно упрощается. Так, Р в сочетаниях типа способ решения участвует в выражении одного вида синтаксической связи, в сочетаниях тина требует решения --другого, в сочетаниях типа много решений — третьего, в сочетаниях типапроще решения — четвертого и т. д. Для каждого из этих типов словосочетаний русского языка можно подобрать эквивалентный ему тип словосочетания в другом языке. Конечно, возможность алгогитма перевода, основанного на анализе падежных форм как единиц с самостоятельным значением, отнюдь не исключена 3. Все сказанное имеет целью лишь показать, какими соображениями обусловлен принимаемый нами подход к падежу, принятый в данной работе 4.

Рассмотрим более подробно, как производится в алгоритме перевода установление синтаксических связей между словами предложения. До начала синтаксического анализа о каждом слове имеется только та информация, которую можно извлечь из словоформы без обращения к контексту (информация о части речи, роде, числе, падеже, о возможностях вступать в синтаксические связи, например о переходности, если речь идет о глаголе, и т. д.). Можно считать, что информация о синтаксических связях между словами в данном предложении является исчерпывающей, если для каждого слова в предложении (кроме сказуемого) найденоуправляющее, т. е. то слово, от которого оно зависит; в ранее названных примерах словосочетаний управляющим для слова решение будут, соответственно, слова способ, требует, много и проще; для подлежащего управляющим считается сказуемое; в сочетаниях с сочинительной связью управляющим считается первое слово по порядку (т. е. левое). Установление синтаксических связей производится на основе перечисленных признаков слов и сведений об их относительном расположении.

Можно считать, что падежный признак выполняет две различные функции. Первая функция падежного признака проявляется в пределах словосочетания и состоит в том, что он выражает характер синтаксических отноше ий существительного с другим словом в словосочетании. Так, возможны словосочетания они заработали, заработали деньги, заработали денег, заработали сестрам и заработали трудами. Отношения между словами в этих словосочетаниях содержательно различны, а пары слов, входящие в словосочетание, грамматически тождественны во всем, кроме надежа существительного; следовательно, именно падеж существительного в этих словосочетаниях выступает как различитель характера синтаксических отношений.

Каждая пара падежей образует падежное противопоставление. Па-

4 Мы исходим из того плана построения алгоритма перевода, который был предложен И. А. Мельчуком (см. его работу «Модель языка-посредника для машинного»

перевода», «Тезисы Конференции по машинному переводу», М., 1958).

³ Так строились, например, первые алгоритмы перевода с русского языка, составленные в США (см. А. А. Л я п у н о в, О. С. К у л а г и н а, Использование вычислительных машин для перевода с одного языка на другой, «Природа», 1955, № 8). Вообще говоря, всегда существуют случаи, когда отдельный перевод значения падежа оказывается неизбежным, особенно часто в призывах и обращениях; ср. общеизвестное «Автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!».

дежное противопоставление может выполнять различительную функцию только в том случае, если все признаки словосочетания, вместе взятые, не дают однозначной информации о том, каким будет падежный признак данного существительного. Представим приведенные выше словосочетания в виде цепочки грамматических признаков слов. Пусть известно, что переходный глагол в личной форме связан с существительным; этой информации недостаточно для того, чтобы определить падеж существительного; поэтому противопоставления падежей, возможных при таком глаголе, могут выполнять различительную функцию. С другой стороны, в словосочетании сестре и брату существительное брат может иметь только тот падеж, который имеет первое из слов словосочетания (так как существительные в разных падежах не могут соединяться союзом и), и падеж существительного не может поэтому выполнять различительной функции.

Вторая функция падежных признаков проявляется уже не в словосочетании, а в предложении. Падежный признак существительного вместе с признаками других слов показывает, какие слова предложения синтаксически связаны. Эту функцию падежные признаки существительного выполняют и в тех случаях, когда различительная функция отсутствует, как, например, в словосочетаниях старший брат, много братьев, сестра и брат и т. д. В пределах словосочетания падеж существительного брат полностью обусловлен. Однако отсутствие различительных функций не означает, что падеж в данном случае не играет никакой полезной роли. Согласование определенных признаков слов в этих словосочетаниях позволяет установить, что эта пара слов является в данном предложении синтаксически связанной. (Термину «согласование» в данном случае придается расширенное значение: можно говорить не только о согласовании в роде, числе и падеже, например, между существительным и прилагательным, но также о согласовании признака «В падеж» у существительного и признака «переходность» у глагола, признака «сравнительная степень» у прилагательного и «Р падеж» у существительного и т. д., так как во всех этих случаях наличие таких соотнесенных пар или групп признаков свидетельствует о возможности синтаксической связи между соответствующими словами. Согласование признаков можно считать основным способом выражения синтаксических связей между словами в языках со свободным порядком слов.)

Падежное противоноставление действительно выполняет указанные синтаксические функции только в тех случаях, когда оно формально выражено, т. е. когда формы разных падежей не совпадают. Между тем падежная омонимия распространена в русском языке чрезвычайно широко. Не существует такого типа склонения, в котором все шесть падежей имели бы различные формы 5. Представление о степени распространенности омонимии в падежной системе русского существительного может дать таблица, в которой приводится ряд словоформ, не имеющих однозначного падежного признака. Таблица требует некоторых предварительных пояснений.

Обычно об омонимии падежей говорят только в случае совпадения падежных форм в пределах одного и того же числа. Между тем при анализе слова в алгоритме перевода падежный признак нужно приписать словоформе, число которой еще неизвестно. Поэтому целесообразно говорить о неоднозначности падежных признаков в любом из следующих трех случаев: 1) если совпадают падежные формы в пределах обоих чисел (ср. стол И и В, столы И и В); 2) если совпадают падежные формы в пределах только одного числа (ср. стене Д или П, хотя во мн. числе Д стенам и П стенах); 3) если форма данного падежа в ед. числе совпадает

⁵ Подробное описание падежной омонимия в разных типах склонения см. У Р. О. Якобсона («Морфологические наблюдения над славянским склонением», стр. 8—45).

с формой другого падежа во мн. числе (ср. *таблицы* Р ед. числа и И или В мн. числа). Совпадающими или различными будут считаться те формы, которые, соответственно, совпадают или различаются в письменном языке (так как только для письменного языка пока составляются алгоритмы перевода). Поэтому различными будут, например, формы Р и Д слова капля, которые, как правило, совпадают в произношении, но зато совпа-

	и	В	Р	п	Д	T		и	В	P	п	д	т
стол столы окно	-1-	+					дежурных нас вас их		+	+	+		
поля таблицы окна раз	+	+	+				имени			+	+	+	
таблице				+	+		прямой ² прямых	<u> </u>		+ +	+ +	+	+
читателя дежурного ¹		+	+-				ней	<u> </u>		1	+	+	+
меня тебя его							мыши	+		+	+	+	
ee							поле	+	+		+		
опасности линии пути	4-	+	+	+	+		гении	+			+		

¹ Субстантивированные прилагательные, союзные слова и местоимения относятся к существительным, так как существительное удобно в данном случае определять как класс слов, имеющих оптеделенную общность синтаксических функций (а не морфологических особенностей).

ы ² Имеется в виду существительное *прямая*; омонимия этой словоформы существительного с прилагательным *прямой* в муж. роде И или В падеже предполагается

устраненной.

дающими будут, например, формы И мн. числа и Р ед. числа слова поле, которые в произношении различаются ударением (ср. nxn'á и

nόπ'τь).

Некоторыа пары падежей совпадают по форме гораздо чаще, чем различаются. Такова, например, пара И — В. Были произведены подсчеты на математических текстах (из области алгебры, теории множеств и математического анализа), которые показали, что среди существительных, выполняющих функцию И или В падежа, 76% составляют такие, у которых формы И и В падежей совпадают 6. В математических текстах почти не встречается существительных одушевленных, у которых В совпадает не с И, а с Р. Поэтому различение форм И и В проводится только для существительных женского рода на -а, -я и некоторых местоимений, а доля таких слов в тексте относительно невелика. По-видимому, для языка в целом процент омонимии И и В падежей несколько ниже.

Данные о частоте омонимичных существительных в указанных математических текстах проверены на достаточно большом материале и являются вполне достоверными. Достоверность оценивалась по обычной формуле для определения величины абсолютного отклонения. Возможное отклонение процента омонимичных существительных от приведенной цифры составляет 1,5% (иначе говоря, относительная частота существительных, формально не отличающих И падеж от В, составляет по отношению к общему числу существительных в И или В падеже от 74,5 до 77,5%). Оценка величины отклонения производилась в предположении, что текст является статистически однородным в интересующем нас смысле.

Казалось бы, совпадение форм разных падежей должно приволить к неоднозначности, к затемнению синтаксических связей в предложении. Такие случаи действительно возможны; ср., например, предложение «Справедливые жалобы трудящихся также вызывают необоснованные требования излишних справок при поступлении в учебные заведения, ясли и детские сады» (Из газет). Однако примеры такого рода встречаются достаточно редко. Если неоднозначность падежного признака слова не вызывает, как правило, нарушения синтаксических связей в предложении, то возникает следующее предположение: возможно, в тех случаях, когда падежный признак однозначен, эта однозначность является в определенной мере излишней. Действительно, можно показать, что противопоставление по крайней мере двух пар признаков является несущественным для выяснения синтаксических связей в предложении. Это пары Д - П и И — В⁷. Омонимия форм всегда усложняет алгоритм перевода. Поэтому если удастся показать, что два падежных противопоставления с омонкмией форм можно вообще не использовать, то это даст возможность упростить алгоритм.

К решению поставленного вопроса следует подходить со статистической точки зрения: даже если учитывать все формально выраженные падежные различия, то при анализе текста всегда будет оставаться некоторый процент ошибок (ср. пример выше); поэтому задача состоит в том, чтобы выяснить, насколько увеличится процент ошибок при игнорировании некоторых формальных различий, и затем решить, стоит ли пренебречь полученным увеличением числа ошибок в целях упрощения алгоритма 8.

Для того чтобы доказать, что противопоставление падежных признаков несущественно с точки зрения первой функции (различение смысла), достаточно показать, что во всех словосочетаниях выбор одного из признаков в данной паре является автоматическим, т. е. обусловлен остальными признаками словосочетания. Чтобы строго доказать несущественность противопоставления с точки зрения второй функции (обеспечение связности), нужно, вообще говоря, построить алгоритм синтаксического анализа предложения, не учитывающий данного различия. Мы ограничимся тем, что укажем на некоторые обстоятельства, благодаря которым такой алгоритм возможен.

Чтобы сделать рассуждение последовательным, необходимо было бы проанализировать все типы словосочетаний в, куда входят существительные в названных падежах. В целях упрощения изложения опустим анализ всех тех типов словосочетаний, для которых справедливость сформулированного положения более или менее очевидна (в частности, все словосочетания, в которых существительное в нужном падеже играет роль управляющего слова), а также те словосочетания, разбор которых был бы слишком громоздким (в частности, словосочетания с сочинительной связью). Поскольку при существительном и прилагательном разнообразие зависимых падежных форм заведомо меньше, чем при глаголе, достаточно будет рассмотреть такие сочетания, где управляющим является глагол.

⁸ В одном из проектов алгоритма перевода с русского языка число падежных различий предполагалось свести к двум — Т и не Т [см. К. Э. Х а р и е р, Предварительные исследования русского языка, сб. «Машинный перевод», М., 1958 (перевод с англ. яз.)], но процент ошибок оказывался при этом очень значительным.

⁷ Мы будем доказывать справедливость этого заключения не для русского языка в целом, а только для математических текстов. Полученные выводы можно распространить, по крайней мере частично, и на более широкий круг текстов, однако этот вопростребует самостоятельного изучения.

⁹ Как показал ряд исследований, перечень типов словосочетаний может быть составлен на основе более или менее формальной процедуры анализа текста; мы используем перечень, составленный в Лаборатории электромоделирования ВИНИТИ АН СССР; см. об этом 3. М. В о л о ц к а я, Е. В. П а д у ч е в а, И. Н. Ш е л и м ов а, А. Л. Ш у м и л и н а, Синтагмы русского языка, «Тезисы Конференции по машинному переводу», стр. 87.

Рассмотрим глагольные словосочетания с существительным в Д или П. Существительное в П всегда имеет при себе предлог. Предлог нецелесообразно считать при машинном переводе отдельным словом с самостоятельным значением; предлог, связанный с данным существительным, удобнее рассматривать как формальный признак этого существительного, служащий для выражения связи существительного с другими словами (аналогично тому, как рассматривается падеж). Таким образом, предложная группа функционально приравнивается к падежной форме, не имеющей предлога.

Существительное в Д употребляется либо без предлога, либо с предлогами по, к, навстречу, благодаря, вопреки, подобно, по отношению к. Существительное в П — с предлогами в, на, о, при, по. На основе приведенных перечней мы можем заключить, что П невозможен после тех предлогов, после которых употребляется Д. Единственное исключение составляет предлог по. Однако конструкция «по + существительное в П надеже» является черезвычайно малоунотребительной: в нее могут входить только отглагольные существительные; употребление этой конструкции ограничено определенным стилем (канцелярскоделовым жаргоном; ср. по предъявлении, по прочтении). В обычном языке практически используется лишь несколько устойчивых выражений (по окончании, по возвращении и др.), которые можно не учитывать в общем перечне типов словосочетаний.

Каждый новый предлог выражает иную по характеру синтаксическую связь (сложный вопрос о синонимии и омонимии предлогов мы оставляем в стороне). Поэтому указание на предлог обязательно входит в число существенных признаков словосочетания. Но из сказанного выше следует, что если предлог в словосочетании известен (или известно, что предлога нет), то выбор между Д и П падежами является автоматическим. Следовательно, противопоставление Д и П не может выполнять различительной функции.

Покажем теперь, что различие Д и П падежей может не использоваться для установления синтаксических связей между словами. Очевидно, что различие этих падежей может быть существенным только для выяснения того, с каким существительным связан предлог (но не для установления синтаксических связей предложной группы). В подавляющем большинстве случаев предлог связан с ближайшим существительным, стоящим справа от него, и если бы это правило не имело исключений, ненужность проверки на согласование падежа с предлогом была бы очевидной. Однако возможны конструкции типа от содержащихся в нем элементов, где между предлогом и существительным стоит причастие или прилагательное, имеющее при себе зависимое существительное с предлогом. Можно показать, что и в этом случае проверка на согласование падежного признака с предлогом является излишней. Рассмотрим пример, где существительные имеют омонимию Д и П падежей: к содержащейся в аксиоме Эвклида истине. Для правильного установления синтаксических связей в таких конструкциях достаточно следующего дополнительного указания: если при поиске существительного направо от данного предлога встретился другой предлог, то искомым будет не первое, а второе существительное (если оно стоит не в Р падеже). Это правило является даже более точным, чем то, которое основывалось бы на согласовании падежа и предлога. Так, в сочетании на содержащейся в ней истине согласование не препятствует соотнесению предлога на со словом ней, тогда как правило, основанное на расположении слов, исключает эту возможность.

Никаких изменений в расположении слов в этой конструкции быть не может, поэтому то же самое правило, т. е. правило, не обращающееся к различию Д и П падежей, даст возможность безопибочно устанавливать связь предлога с существительным и в тех случаях, когда существительное имеет однозначный признак Д или П падежа. Несущественность противопоставления Д и П падежей тем самым доказана.

Рассмотрим теперь глагольные словосочетания, в которые входят существительные в И и В падежах. Для большинства словосочетаний показать автоматичность выбора одного из членов противопоставления довольно просто. С непереходными глаголами из этих двух падежей может сочетаться только И; при переходном глаголе в неличной форме, а также при наличии предлога возможен только В. Только переходный глагол в личной форме может быть связан как с И, так и с В падежом. Однако можно показать, что и в этом случае выбор между И и В падежами обусловлен некоторыми признаками соответствующих словосочетаний и противопоставление этих падежей не играет различительной роли.

Как уже говорилось, И и В падежи совпадают по форме для 76% существительных в тексте. Посмотрим, что является средством различения в тех случаях, когда формальные морфологические показатели отсутствуют. Если подлежащее и дополнение имеют разные числа, то таким формальным показателем может быть число (сказуемое согласуется с подлежащим, а не с дополнением; ср. предложение Основное содержание этой книги составляют предложения, в которых...). Однако это лишь частный случай. Поскольку число подлежащего и сказуемого может совпадать, то в общем случае единственным средством различения этих синтаксических функций существительного является порядок слов. Чаще всего существительное, стоящее справа от сказуемого, является дополнением, а слева — подлежащим (ср. предложение Это противоречие доказывает наше утверждение). Если оба существительных стоят слева от глагола, то в подавляющем большинстве случаев существительное, которое стоит ближе к глаголу, является подлежащим, а стоящее дальше от глагола - дополнением; ср.: Это вычисление наш метод производит достаточно просто.

Тот факт, что порядок слов оказывается иногда единственным средством различения субъекта и объекта в русском языке, общеизвестен. Существенно, однако, то, что по крайней мере для того специального текста, который был подвергнут анализу, закономерности относительного расположения остаются в силе и в тех случаях, когда И падеж по форме отличается от В. Для 97% конструкций «подлежащее + сказуемое + прямое дополнение», включающих существительные без омонимии И—В, относительное расположение компонентов соответствует схемам, указанным выше. Исключения приходятся преимущественно на долю личных местоимений (ср. Поэтому мы его обозначим через е') и союзных слов (ср. ...которую заменяет дуга ОТ), хотя возможны отклонения и в других случаях (ср. Это показывает следующая теорема единственности).

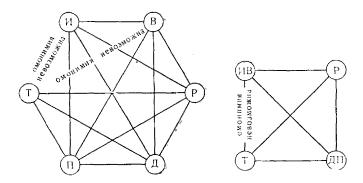
Существительные в И и В падежах встречаются в конструкции «подлежащее + сказуемое + дополнение» гораздо реже, чем вне ее. Поэтому в целом процент существительных, которые при неразличении падежей окажутся разобранными неправильно, очень невелик. Таким образом, если пренебречь этим незначительным остатком, то можно считать, что значение признака «падеж» обусловлено значением признака «расположение», т. е. считать, что противопоставление И и В не выполняет различительной функции. Использование противопоставления И—В для установления синтаксических связей в предложении тоже, по-видимому, не является необходимым; но это утверждение нуждается в проверке.

Итак, можно считать установленным, что два падежных различия в системе существительного являются несущественными для выражения синтаксических связей между словами. Эти пары падежей можно в таком случае считать одним падежом. Тогда вместо системы из шести падежей с тринадцатью омонимичными парами мы получим систему из четырех падежей с пятью омонимичными парами (см. стр. 111).

Среди четырех падежей уже нет противопоставлений, которые можно было бы не учитывать без значительного увеличения процента ошибок.

Нам осталось только рассмотреть вопрос о том, в какой мере полученное сокращение числа падежных признаков может представлять интерес

для машинного перевода. Возможность устранения некоторых различий между признаками имеет значение прежде всего потому, что эти признаки могут быть омонимичными. Возможны два пути анализа омонимичных падежных форм. Можно строить алгоритм синтаксического анализа исходя из того, что для каждого существительного падежная форма определена однозначно; тогда придется предварительно устранять омонимию, причем необходимый для этого анализ контекста настолько сложен, что

иногда фактически уже дает всю ту информацию, для которой нужен был падежный признак. Другой вариант состоит в следующем: на определенном этапе анализа допускается возможность неоднозначного указания на падеж, а затем для разных групп слов избирается различный путь анализа. Так, для слов с однозначным признаком «В падеж» анализ идет по одному пути, для слов с омонимией И/В — по другому, более сложному. Недостатком первого подхода является то, что предварительное устранение омонимии нарушает логическую последовательность анализа и часто приводит к ненужному повторению одних и тех же операций; недостатком второго подхода является необходимость дополнительного разделения слов на классы и отсутствие единых правил для одной падежной формы.

Если же признать, что противопоставление некоторых пар падежей не является существенным, то возможен третий подход, который, казалось бы, преодолевает указанные недостатки первого и второго: предварительного различения омонимии не производится, и анализ для всех существительных идет по единым правилам, а именно - по правилам, предназначенным для омонимичных существительных. Этот подход, однако, также не лишен недостатков. «Избыточная информация» иногда дает возможность прийти к конечному результату более простым путем (например, информация об однозначном В падеже значительно упрощает синтаксический анализ слова), но эта возможность здесь не используется. Поэтому преимущества третьего подхода перед первыми двумя не во всех отношениях очевидны. Заметим вообще, что проблема выбора между общими, но относительно более сложными правилами, с одной стороны, и дроблением слов на классы в целях получения групп правил различной степени сложности — с другой, возникает в машинном переводе очень часто. Едва ли можно получить решение этой проблемы в общем виде, но накоиление материала для обобщений безусловно имело бы большое значение. При выборе того или иного варианта необходимо, в частности, учитывать. какой процент слов при обобщении правил должен будет проходить более сложный путь анализа. Так, в случае падежных форм существительного из слов, выполняющих функцию И или В падежа, слова в однозначном В падеже составляют, по нашим подсчетам, всего 8% (76% приходится на долю существительных с омонимией падежа и 16% на долю существительных в однозначном И падеже), так что экономия, которую дало бы использование однозначности В, по-видимому, не очень существенна.

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. И. СМИРНИЦКИЙ

ЗВУЧАНИЕ СЛОВА И ЕГО СЕМАНТИКА *

Язык слов есть звуковой язык. Слова обладают определенными звучаниями, которыми они, вообще говоря, различаются: случаи омоними представляют собой частные случаи, существующие только как исключения, как отдельные вкрапления. Ведь язык не мог бы служить средством обмена мыслями (разными имыслями), если бы омонимия, одинаковость звучания разных слов была общим правилом.

Но слова различаются не только звучаниями: они различаются и семантикой. Это особенно ясно видно как раз в случаях омонимии: мы различаем слова брак «супружество» и брак «недоброкачественная продукция», хотя они и звучат совершенно одинаково. Но важно не забывать, что то же различие — по семантике — имеется и тогда, когда слова различаются и по звукам. Так, туча и куча являются разными словами не только потому, что одно из них имеет в начале [т], а другое [к], но и потому, что они имеют различаются звук [т], так что при этом дефект речи, при котором вместо звука [к] произносится звук [т], так что при этом дефекте оба слова будут звучать одинаково, но все же они останутся разными словами — даже в речи того лица, которое заменяет [к] через [т]. Поэтому, в частности, нельзя говорить, что фонемы (например, те же [к] и [т]) различают с мы с л (т. е. семантику) слов: они различают не смысл (семантику), а з в у ч а н и я слов, и поскольку слова различаются (и притом обычно различаются) не только семантикой, по и звучаниями, постольку фонемы участвуют в различении слов.

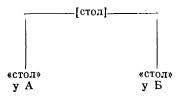
Совершенно неверно, механистично и поверхностно утверждение вроде того, что будто бы замена [о] в слове стол через [у] дает слово стул: такая замена сама по себе является лишь искажением слова стол, собственно его звуковой оболочки, но не превращением этого слова в другое. Чтобы действительно получилось другое слово, нужно не только заменить [о] через [у], т. е. произнести [стул] вместо [стол], но и помыслить

другое значение.

Правда, если кто-либо по ошибке произнесет [стул] вместо [стол], то произнесенное им вызовет у слушателя значение «стул», и таким образом в общем получится воспроизведение слова стул. Но это совсем не значит, что замена [о] через [у] изменила слово стол в слово стул: это будет значить лишь то, что ошибочное, неверное произнесение одного слова, слова стол, привело к тому, что это слово было принято за другое, которое оказалось воспроизведенным по недоразумению. Ведь, например, если кто-либо, услышав в речи французское слово посе «свадьба», вспомнит русское слово носе, это никак не будет значить, что француз, произнося свое слово посе, вместе с тем произносит и русское нос (хотя бы и с нерусским акцентом).

Воспроизведение одного слова может, таким образом, вызывать воспроизведение другого, что, однако, никак не объединяет оба данные слова в одно, так как для тождества слова при его употреблении разными лицами требуется не только то, чтобы было одинаковое или даже прямо одно звучание, но и то, чтобы мыслилась о д н а и т а ж е с емантика. Так, если при звучании [стол] и липо А и лицо Б мыслят

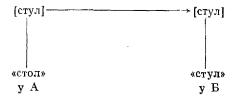
«стол», то мы имеем дело с воспроизведением одного и того же слова стол:

^{*} Настоящая статья покойного проф. А. И. Смирницкого составлена автором незадолго до смерти на основе его разновременных мыслей и наблюдений. Статья примыкает к серии его ранее опубликованных работ, посвященных отдельным сторонам проблемы слова, и помогает лучше понять основы концепции А. И. Смирницкого. Статья передана в редакцию О. С. Ахмановой.— $Pe\partial$.

В таком случае мы можем говорить о полном существовании слова в его воспроизведении в речи, так как через него устанавливается контакт между А и Б и оно служит для общения между ними. При этом вопрос о том, кто именно произнес данное слово и какую роль при его реальном звучании играл «звуковой образ» в сознании А и Б, имеет лишь подчиненное значение.

Иное мы имеем в том воображаемом случае, о котором говорилось выше, т. е. в случае произнесения [стул] вместо [стол], но при мысли все же именно о столе:

Здесь уже воспроизводится не одно, а два слова, и поэтому очень существенно, что неверное (для значения «стол») звучание [стул] произнесено одним лицом и что это звучание у другого лица вызывает «звуковой образ»[стул] и соответствующее ему значение. Подлинного, нормального речевого контакта между А и Б здесь не происходит: оба слова существуют здесь не полно, так как слово стол, неправильно произнесенное лицом А, не воспринимается как именно это слово лицом Б и, следовательно, не служит для передачи соответствующей мысли, равно как и слово стул, которое воспроизводится лишь в сознании Б и которое не имелось в виду лицом А. Вместо общения, передачи мысли происходит недоразумение.

Очень важно подчеркнуть, что семантика слова есть такой же конституирующий слово момент, как и звучание слова: взятое без семантики, звучание слова не является еще словом и вообще какой-либо языковой единицей, но представляет собой лишь одну сторону слова, его з в у к о в у ю о б о л о ч к у; подобным же образом, понятно, и семантика слова сама по себе не составляет еще слова или какой-либо иношению сторона единицы, но есть лишь внутренняя сторона единицы-слова, которая по отношению к звуковой оболочке может быть названа с е м а н т и ч е с к и м н а п о л н ен и е м слова.

Может показаться, что это настолько самоочевидно и общепринято, что об этом не следовало бы и говорить. Дело, однако, обстоит далеко не так. С одной стороны, в языкознании имеется такое направление, которое рассматривает слово как единицу звуковую, т. е. понимает под «словом» («word» и пр.) собственно лишь звуковую оболочку слова и выносит семантику («значение», «meaning» и пр.) за пределы языка, признавая семантикой слова лишь соответствующий элемент жизненной ситуации («situation» и пр.), который обозначается словом и к которому слово относится, но который сам по себе не входит в состав и строение слова. Это направление было наиболее сознательно избрано Л. Блумфилом и остается представленным его «физикалистской» школой. С другой стороны, слишком распространенными являются различные приблизительные и небрежные формулировки, создающие впечатление, что под словом понимается лишь та или другая отдельная его сторона, вследствие чего вопрос о взаимоотношении между словом, его звучанием и семантикой не только не выясняется, но запутывается.

Так, например, нередки утверждения вроде того, что в английском языке одно и то же слово выступает в функции различных частей речи; ср. round — предлог, наречие, прилагательное, существительное, глагол. Подобные утверждения не только игнорируют тождество слова в различных его грамматических формах, т. е. не учитывают парадины (системы грамматических форма) данного слова, например того факта, что глагол round не есть только словоформа round, но система словоформ [to] round — round (в they round) — rounded (в they rounded) — rounded (в was rounded) — roundeding (причастие) и пр., тогда как наречие (и предлог) round является величиной морфологически неизменной.

Объединение наречия и предлога round, прилагательного round (rounder, roundest), существительного round (rounds) и глагола round (rounds, rounded, rounding и пр.) в одно слово предполагает помимо игнорирования тождества слова в различных грамматических формах ¹ признание качества слова именноми только за самой звуковой обо-

Здесь, правда, абстрактно-теоретически возможна и другая предпосылка: можьо принимать во внимание различные формы одного и того же слова, но вместе с тем объявить, что различие частей речи есть также различие лишь между формами одного слова. Иначе говоря, например, round (rounds) существительное и round (rounds, rounded, rounding...) глагол с такой точки зрения оказались бы лишь субстантивными формами слова, которое само по себе было бы наречно(предложно)-адъективно-субстантивно-глагольным. Но в таком случае пришлось бы вообще отказаться от понимания «части речи» как известного грамматического класса слов и следовало бы не применять этого термина.

дочкой round [raund]: ведь если не отбрасывать семантическое наполнение этой оболочки, то нельзя не видеть, что round «вокруг, кругом» и round «кружок, хоровод, тур (раунд в боксе)», [to] round «огибать, закруглять» совсем не одно и то же слово. Взятые вместе с их семантикой, английское существительное round в общем надеже единственного числа и английский глагол round в повелительной форме, например, различаются не менее (а в собственно лексическом плане даже больше), чем русское существительное лай в этой его форме и русский глагол лаять в повелительной форме лай.

Напротив, в том, например, случае, когда говорится, что по-немецки слово стол ввучит как Tisch, создается впечатление, что существом слова является именно его семантика: получается, что существует якобы о д н о слово со значением «стол», которое лишь меняет свое звучание в зависимости от языка, так что определенное звучание не есть конституирующий признак данного именно слова. Ясно, что здесь следовало бы говорить не «слово cmon звучит как Tisch», а «слово со з на чением,,стол" имеет звучание Tisch»: тем самым было бы показано, что русское и немецкое слова не отожествляются, но лишь сопоставляются на основе их семантики.

Может, однако, возникнуть вопрос: а нельзя ли и не следует ли семантику слова рассматривать все-таки как нечто необходимо связанное со словом, но не входящее в состав самого слова, не являющееся какой-либо его стороной или одним из конституирующих его моментов? Иначе говоря: не проходит ли грань между языком и мышлением именно таким образом, что языку принадлежит лишь сама звуковая материя, а вся семантика относится к области мышления? Вместе с тем может возникнуть и сомнение относительно того, не является ли вообще сама проблема схоластической и по существу мнимой: разве есть какая-либо существенная разница между включением семантики в самый состав слова и признанием неразрывной связи между словом-звучанием и его семантикой?

Для того чтобы ответ на этот вопрос был убедительным, необходимо рассмотреть семантику слова во всей ее сложности. Сложность семантики слова опредоляется раз-

1. Принадлежность слова к определенному разряду слов, в частности — его существование в виде определенной части речи, в семантике слова проявляется в том, что она оказывается разделенной на две части: особую, принадлежащую данному индивидуальному слову, и общую, принадлежащую всему данному разряду слов и выступающую в каждом отдельном слове как некоторая «категориальная оболочка», в которую заключена особая, индивидуальная часть семантики слова. Так, тот факт, что слово, например, город представляет собой существительное, проявляется в разделенности совокупной семантики этого слова на особое, специфическое для него значение «город» и общее значение «предметности»: это слово собственно значит «город (как предмет)» или «(предмет) город»; «как предмет» дано здесь в скобках, чтобы как-то показать, что общее, категориальное значение слова не равноправно с особой, специфической частью его семантики, что оно является как бы некоторой ремаркой к этой основной части семантики, или, как было сказано выше, лишь оболочкой этой части.

Поскольку одно и то же слово может одновременно принадлежать к нескольким разрядам, постольку и в общей части его семантики может выделяться несколько значений: особая, специфическая, индивидуальная для данного слова часть его семантики может иметь сложную категориальную оболочку. Так, русское слово город представляет собой не только вообще существительное, но существительное неодущевленное мужского рода, что выражается известными грамматическими его особенностями (ср. приехал в большой город, а не в большого города и не в большую город и пр.). Поэтому семантика этого слова должна быть более точно, хотя и очень грубо и примитивно, представлена в таком виде: «город (как неодушевленный предмет, о котором говорится, как если бы он принадлежал к мужскому полу)». Понятно, что здесь дело не в том, чтобы найти наилучшую формулировку и выделить все компоненты общего, категориального

значения данного конкретного слова. Уже из сказанного ясно, что семантика слова включает в себя известные моменты, которые не могут быть отнесены к области мышления как такового, отвлеченного от его языкового облачения. В самом деле, как посредством русского $zopo\partial$, так и с помощью французского ville мыслится в собственном смысле одно и тоже, поскольку имеется в виду «предмет» urbs. Но к мысли о «городе» в случае употребления русского слова присоединяется «грамматическое (точнее: лексико-грамматическое) значение» м ужского рода, а кроме того, каждый раз «грамматическое значение» того или другого падежа и определенного числа— единственного или множественного, в зависимости от того, какая форма данного слова употреблена. Напротив, по существу при той же мысли о «городе» в случае применения французского слова имеется «лексико-грамматическое значение» женского родаи отсутствует «грамматическое значение» падежа, тогда как подобное же «значение» числа, котя оно и есть, оказывается обычно не выраженным в самом данном слове ². Ясно, что, например, к суждению «это город» как таковому не имеет никакого отношения то, что в семантику русского слова город, французского ville, английского town входят соответственно «значения» мужского, женского и среднего рода. Эти значения принадлежат несомненио языку, т. е. отдельным конкретным языкам.

Грамматически изменяемое слово выступает в той или другой определенной

² Артикли и проч. рассматриваются здесь как отдельные слова.

грамматической форме, и поэтому в семантике слова нередко выделяется особо значение данной грамматической его формы. Правда, слово м о ж е т мыслиться и в отвлечении от отдельных грамматических его форм, или, вернее, как единство всех этих форм; но и при этом все же одна из его форм оказывается его представителем и, естественно, значение этой формы так или иначе выдвигается на первый план.

3. В соответствии с морфологическим строением самой основы слова, в его общей семантике могут выделяться более или менее отчетливо значения отдельных словообразующих морфем, входящих в его состав, т. е. таких морфем, как корни и лексические (словообразовательные) аффиксы. В этих значениях отдельных морфем слова могут находить отражение те или иные признаки и стороны предмета или явления, обозначаемого данным словом в целом, но не обязательно это будут существенные его признаки и важные его стороны. Ипогда дело может обстоять и так, что значение отдельной морфемы в составе слова оказывается лишь очень отдаленно и косвенно связанным с общей лексической его семантикой, не способствующим ее раскрытию или даже более или менее препятствующим этому. Ср. такие различные случан, как: треугольник, где корневыми морфемами тре- и уголь- отмечаются существенные признаки предмета, хотя и нельзя признать, что таким образом предмет оказывается полностью определенным в самом его названии (в обозначающем его слове); $napoxo\partial$, где целое в еще меньшей степени оказывается определенным его частями (ср. паровоз: с точки зрения того, что дает семантика отдельных морфем этого слова и слова $napoxo\partial$, собственно, нельзя определить даже того, какое из этих слов обозначает «пароход», а какое — «паровоз»); водник (почему это синопим речник-а, а не моряк-а, не водопроводчик-а, не водовоз-а и не словосочетания продавец газированной воды ит. н.?); отрада (корень -рад- оправдан, но почему от-?); громоотоод, где корневая морфема гром-прямо противоречит тому, что обозначаемый предмет на самом деле является «молниеотводом» (как это объясняется в учебнике физики уже для 7-го класса).

4. Очень распространенным и, можно сказать, даже обычным явлением в языке оказывается многозначность слова (полисемия): при всей сложности, связанной с упомянутыми выше моментами, совокуппая семантика слова в случае его многозначности представляется, кроме того, как бы расщеплепной в ее основной, собственно лексической части на отдельные, более или менее аналогичные, как бы параллельно расположенные доли или слои, причем эта расщепленность может, так сказать, более или менее далеко заходить и в собственно грамматическую часть слова. Так, например, в слове словарь мы обнаруживаем расщепленность основной, лексической части его семантики па два специфических для него, индивидуальных значения: a) «словарный состав, лексика» и б) «книга, содержащая определенный контингент слов». Какое бы из этих значений мы ни взяли, оно оказывается заключенным в оболочку общего значения «предметности» и в оболочку значения «мужского рода» (так как это слово является существительным мужского рода), что тесно связано с грамматическими значениями «падежа» и «числа», которыми сопровождается и оформляется лексическое содержание этого слова; и с каждым из лексических значений этого слова как целого соединяются значения отдельных его словообразовательных морфем: корня слов- и суффикса -apь. Эти моменты, будучи общими для обоих лексических значений этого слова, содействуют его единству, несмотря на его лексико-семантическую расщепленность. Вместе с тем, однако, последняя все же не ограничивается сферой его собственно лексического, частного значения, представляющего собой ядро его семантики, но частично распространяется и на его «категориальную» семантическую оболочку, поскольку с одним из лексических значений этого слова (а) связывается категориальное значение некоторой «массы», а с другим (б) — аналогичное, но существенно отличное значение «вещи, отдельной единицы», что неразрывно связано с употреблением только единственного числа или обоих чисел, т. е. уже с собственно грамматическим моментом, который, таким образом, оказывается не безучастным здесь по отношению к лексической много-

Кроме того, нужно заметить, что грамматические формы слова также очень часто являются многозначными (ср. хотя бы значения падежей в русском языке). Вместе с этим значения грамматических форм в очень большом числе случаев являются к о м-п л е к с н ы м и, т. е. представляют собой определенные соединения разных катего-риальных грамматических значений; так, например, грамматические формы существительных в русском языке регулярно содержат комплексные значения «падежа-числа», ведь падежные значения не выступают без числовых и наоборот. Здесь, однако, на всех этих «внутренних» вопросах грамматического момента слова, явно уже целиком относящихся к области грамматики, нет надобности задерживаться.

Уже из сказанного можно видеть, что в совокупной семантике слова основным и центральным является специфическое для данного слова, индивидуальное его значение, являющееся как бы семантическим его ядром. В случае многозначности слова таких значений имеется в нем два или более, но, как уже было отмечено, каждое из них занимает в его семантике место, в общем аналогичное месту другого: каждое из них выступает как семантическое ядро слова по отношению к прочим элементам его семантики (этим, конечно, не исключается, что по отношению друг к другу такие основные, центральные значения слова могут быть неравноправными: здесь могут различаться главные и второстепенные, исходные и производные значения). Расщепленность семантического ядра слова не имеет принципиального значения для взаимоотношения между этим его

ядром и остальной частью его семантики: необходимо лишь учесть, что, как было сказано, расщепленность ядра может в большей или меньшей мере выходить и за его пределы. Взаимоотношение между разпыми центральными значениями многозначного слова лежит как бы в другой плоскости сравнительно со взаимоотношениями между любым таким значением и остальными значениями (значениями отдельных морфем, различными категориальными значениями), выделяемыми в совокупной семантике данного слова. На примере слова словарь это можно изобразить приблизительно так:

Если бы у рассматриваемого слова было только одно центральное значение, например (а), то это не изменило бы семантического строения по «горизонтали»: иным было бы лишь «вертикальное» его строение.

Такое положение дела позволяет отделить вопрос о многозначности, тесно связанный с проблемой тождества слова в различных случаях его употребления и с проблемой омонимии, от вопроса о взаимоотношении между семантическим ядром слова и другими элементами его семантики. Это взаимоотношение может рассматриваться в его общем виде так, как если бы слово было однозначно: наличие у данного конкретного слова еще каких-либо основных лексических значений, помимо того, которое имеется в виду при рассмотрении названного взаимоотношения, не изменит существа дела. Иначе говоря, семантическое ядро слова в общем можно трактовать, с точки зрения взаимоотношения между ним и другими семантическими элементами слова, как нерасщепленное, причем, естественно, следует отвлекаться и от соответствующей частичной расщспленности его семантической оболочки.

Значения отдельных грамматических форм слова, т. е. собственно грамматические значения, изменяющиеся по отдельным формам слова, естественно, отвлекаются от всех собственно лексических и лексико-грамматических компонентов совокупной семантики слова как принадлежащие целиком к области грамматики. Для слова как лексически значащей единицы, т. е. как для единицы словарного состава, рассматриваемого в семантическом плане, те или иные собственно грамматические моменты в семантике представляют интерес лишь постольку, поскольку они как бы оставляют определенный отпечаток на слове в целом, придавая ему известную категориальную оболочку, некоторую общую характеристику, которая, с одной стороны, связана с его грамматическим употреблением, с общими правилами его соединения с другими словами в предложения, с другой же стороны, — с его индивидуальным лексическим ядром, с собственным, специфическим для него смысловым содержанием. Та или иная категориальная семантическая оболочка слова может, так сказать, более или менее тесно прилегать к его индивидуальному ядру и может, напротив, легко отделяться от последнего: в одних случаях в ней может лиць дополнительно подчеркиваться то, что содержится как один из моментов и в самом ядре (ср. момент «предметности» в семантике слова город); в других же случаях категориальная семантическая оболочка может добавлять к семантическому ядру слова некоторый момент (ср. момент «предметности» в семантике слова говорение).

по страницам зарубежных журналов

об омонимии в немецком языке *

В результате звукового развития слова, первоначально звучавшие по-разному, могут совпасть, т. е. превратиться в омонимы. В более широком смысле об омонимии принято говорить и в тех случаях, когда в результате развития значений слова оно приобретает настолько далеко отстоящие друг от друга значения, что наивное языковое сознание воспринимает их уже как два различных слова. В дальнейшем я буду приме-

нять термин «омонимия» также и к этим случаям.

Обратившись к авторитетным «Принципам истории языка» Германа Пауля, этого корифея языкознания, мы не найдем там высказываний по вопросу о значении омонимии для развития языка. Однако это отнюдь не означает, что знаменитый младограмматик вообще отрицал ее: в своей собственной работе над конкретным языковым материалом, которая всегда отличалась необыкновенно глубоким проникновением в сущность языка, он сам при случае привлекал омонимию для объяснения языковых фактов. Но для младограмматиков с их особым кругом интересов проблема омонимов в целом играла подчиненную роль, и это привело к тому, что один из немаловажных факторов жизни языка надолго выпал из поля зрения исследователей. Лишь новому направлению в языкознании — лингвистической географии — суждено было произвести переворот в оценке того значения, которое имеет омонимия для развития языка. Это произошло неслучайно: ведь если территория, на которой два или несколько слов фонетически совпали друг с другом, соответствует территории, на которой одно или несколько слов, превратившихся в омонимы, исчезли из языка, то подобные факты как раз и являются самым лучшим подтверждением того, что между омонимией и исчезновением слов существует прямая связь. И так как во Франции, где наличие лингвистического атласа («Atlas linguistique de la France») давало особенно богатый материал для разрешения проблем географии слов, именно эта отрасль лингвистической географии получила наибольшее развитие, то не удивительно, что исследование омонимов расцвело в первую очередь во французской филологии.

Хотя немецкий лингвистический атлас является в общем гораздо более тонким средством научного исследования и построен на более обширном и более достоверном материале, он ставит перед собой иные цели по сравнению с французским, и те немногие сведения, которые можно почерппуть в нем для географии слов, представляют собой лишь побочный продукт. А так как и словари немецких диалектов тоже еще не могут служить основой для создания всесторонней картины немецкой географии слов, то нетрудно понять, что на немецкой языковой территории еще нет тех условий для изу-

чения омонимов, какие имеются на французской.

Тем не менее омонимия как фактор развития языка довольно рано привлекла к себе внимание отдельных исследователей в Германии, и уже Аделунг оставил нам некоторые интересные наблюдения над ее воздействием на лексику. Отдельные попытки привлечь омонимию для объяснения языковых явлений можно отметить также и в более позднее время. Однако они представляют собой, как правило, лишь единичные случаи и к тому же часто оставляют желать много лучшего в методическом отношении. Лишь в самое последнее время омонимия в немецком языке вошла в круг интересов исследователей уже на более шпрокой основе ¹. Мы вправе ожидать, что дальнейшее развитие немецкой словарной географии послужит сильным стимулом для исследования омонимов в Германии, а атлас немецкой лексики Вальтера Митцка откроет перед ним новые возможности. Труды марбургской школы уже внесли известное оживление в эту отрасль исследования.

Справочники омонимов немецкого языка начинают появляться с начала XVI в., и в настоящее время мы располагаем значительным количеством таких указателей,

* Cm. E. Ohmann, Über die Wirkung der Homonymie im Deutschen, «Wirkendes Wort», Jg. 9, Hf. 1, 1959.

1 Указания на важнейшую литературу, вышедшую до 1934 г., см.: Е. Ö h m a n n, Uber Homonymie und Homonyme im Deutschen, «Annales Academiae scientiarum fennicae», Ser. B, t. XXXII, Helsinki, 1934. Из появившихся с тех пор исследований в первую очередь следует назвать работу Вальтера Митцка (см. W. Mitzka, Homonymie und Gemeinschaftsnamen in deutscher Wortgeographie, «Annales Academiae scientiarum fennicae», Ser. B, t. 84, 1954).

начиная со старейших, довольно скромных по объему списков verba aequisonantia или «одинаково звучащих слов, имсющих разный смысл» («gleichstimmende Wörter, aber ungleichen Verstandes»), и кончая более поздними словарями омонимов, например К. Л. Папа (С. L. Pape, Verzeichnis einiger Wörter, welche dem Tone nach gleichlautend, aber dem Verstande nach sehr unterschieden sind, Berlin, 1752) или Г. Н. Бермана (С. N. Bärmann, Homonymicon der Deutschen, oder vollständiges Verzeichnis aller gleichlautenden, dem Sinne nach aber verschiedenen Wörter der deutschen Sprache, Hamburg, 1810). Новейшие словари значительно отличаются от более старых, особенно в отношении своей полноты, но все эти нередко весьма беспомощные и бессистемные работы похожи друг на друга в одном: они лишь констатируют наличие омонимии, не вдаваясь в вопросы истории и исихологии языка. Тем не менее они представляют известную ценность для исследователя, занимающегося вопросами омонимии; ведь в них, так же как и у многих грэуматистов, можно найти советы относительно разграничения омонимов при помощи орфографических приемов, а этот факт говорит за то, что омонимия воспринималась как некая досадная ненормальность, как известная помеха.

Здесь мы вилотную подходим к одной из главных проблем, связанных с исследованием омонимов. Если какое-либо явление воспринимается языком (т. е. говорящими) как помеха, то обычно в таких случаях начинаются попытки устранить эту помеху. Чувствительность к таким помехам сильно колеблется, причем не только от языка к языку, но и между местными и социальными разновидностями одного и того же языка и даже между отдельными индивидами. К тому же и в пределах этих небольших кругов говорящих противодействие помехам может привести (даже в аналогичных на первый взгляд случаях) к различным результатам, так как язык отнюдь не отличается последовательностью. Поэтому, наблюдая за действием омонимии, мы видим весьма и весьма пеструю картину.

Если мы попытаемся сравнить между собой немецкий, французский и английский языки с точки зрения их отношения к омонимии, то окажется, что французский реагирует на нее, по-видимому, паиболее чувствительно. Английский же относится к ней весьма терпимо и спокойно допускает существование большого числа омонимичных друг другу слов даже в тех случаях, когда это может привести к недоразумениям. Немецкий занимает промежуточное положение между этими двумя языками: с одной стороны, ему не свойствен ярко выраженный «страх» перед омонимами, зато, с другой стороны, он более гибко, чем английский, может избегать нежелательной омонимии.

Причину этого мы отнюдь не должны видеть исключительно в том, что только во французском имело место массовое возникновение омонимических пар. Правда, фонетическое развитие французского языка, приводившее к резкому сокращению звукового состава слов, способствовало особенно частому возникновению омонимии. Однако и в немецком и английском совпадение слов как результат конвергирующего развития их звуков — тоже не редкое явление. В ходе исторического развития немецкого языка к относительно частому возникновению омонимии приводили между прочим следующие изменения звуков: в древневерхненемецком — исчезновение начальных h и u перед согласными; в переходный период между древневерхненемецким и средневерхненемецким — ослабление всех неударных гласных в e; в средневерхненемецком — дифтонгизация $\hat{i} > ei$, $\hat{u} > au$, $\hat{u} > eu$ и монофтонгизация $ie > \hat{i}$, $uo > \hat{u}$, $\ddot{u}e > \hat{u}$; удлинение старых кратких гласных в ударном открытом слоге; далее, оглушение конечных звонких согласных, исчезновение интервокальных -h- и -d-; усечение конечного -e.

Мне представляется, что причины неодинаковой реакции трех названных языков относятся в значительной мере к области психологии. Большую чувствительность французского можно было бы объяснить свойственным этому языку и порой доходящим до формализма стремлением к внешней правильности и недвусмысленной ясности выражения. Что же касается английского, то его нассивность хочется вывести из общенизвестных черт консерватизма, заложенных в характере англичанина, который неохотно расстается с тем, что ему досталось в наследство от предков, и не любит изменять унаследованные привычки, если даже они стали нецелесообразными.

В мою задачу входит рассмотреть действие омонимии в немецком языке и показать, как этот язык реагирует на омонимию. Поскольку еще и до сих пор многие оспаривают воздействие омонимии или же во всяком случае сильно преуменьшают ее значение, я постараюсь сначала показать на нескольких убедительных примерах, насколько необосновано это мнение. Затем я снова вернусь к общим принципиальным вопросам.

Немецкое Liebhaber в значении «атаtor» бросается в глаза своим необычным способом образования. В других западноевропейских языках, причем не только в германских, а и в романских, где в данном случае наблюдается далеко идущая аналогия, это
слово, принадлежащее, так сказать, к международному лексическому фонду всех
культурных языков, обладает иным, более простым строением. Между тем структура
данного слова в этих языках сама по себе отнюдь не является чем-то чуждым для немецкого языка. Во всех этих языках, кроме немецкого, слово со значением «атаtor»
образуется от соответствующего глагола и выступает либо как потеп аgentis, либо как
причастие настоящего времени: в скандинавских языках — älskare, образованное от
глагола älska «любить» при помощи суффикса для потіпа agentis -are; аналогично
в голландском тіппааг от тіппен «любить»; в английском lover от love; во французском
«атаtог» представлен причастием настоящего времени amante от глагола aimer; в итальянском и испанском — также причастием настоящего времени amante от глаголов итал.

amare, исп. amar; кроме того, имеются существительные франц. amateur, итал. amator е исп. amadór в особом значении «любитель».

Хотя в немецком языке и засвидетельствован соответствующий другим германск им языкам nomen agentis Lieber, он оказался нежизнеспособным. Так, например, в слов аре Гриммов (Вd. VI, кол. 941) даются лишь три иллюстрации на это слово, две из которых являются к тому же цитатами из словарей Штилера и Дасиподия, так что их ценность весьма сомпительна.

Наряду с Liebhaber в немецком языке употребляется в значении «amator» также описательное образование Geliebter — пассивное причастие от соответствующего глагола. В голландском, но-видимому, под влиянием немецкого, в этом значении наряду

с minnaar встречается beminde — тоже причастие прощедшего времени.

Таким образом, немецкие обозначения понятия «amator» — Liebhaber и Geliebter — предстают перед нами, если рассматривать их на фоне приведенных здесь фактов, как образования, обязанные своим происхождением тенденции создать замену для явно неприемлемого Lieber. Причина, в силу которой слово Lieber оказалось неприемлемым для языка, в свою очередь тоже совершенно очевидна: этой причиной является столкновение существительного Lieber с оканчивающейся на -ет формой им.-зват. падежа прилагательного lieb «милый»; вероятно, здесь сыграла роль и сравнительная степень этого прилагательного (lieber), а может быть, даже чрезвычайно употребительное наречие lieber «лучше», котя следует признать, что при столкновении слов, относящихся к разным частям речи, опасность возникновения недоразумения в общем невелика. Только немецкому потеп agentis от глагола, соответствующего amare, грозила опасность подобного столкновения, и поэтому только в немецком языке этот потеп agentis не прижился. Вследствие этого на смену срвнем. minnaere, которое отступило на задний план вместе с устаревшим глаголом minnen, пришло не Lieber, а Liebhaber.

Толкуя глагол lägen «лгать», один из славных продолжателей гриммовского «Словаря немецкого языка»— Мориц Гейне отметил, что форма lägen (вместо ожидаемой

з дрвнем. liogan, срвнем. liegen) особенно рано появляется у нижненемецких авторов, так как на севере Германии этот глагол очень рано фонетически совпал с ligen «лежать» (из срвнем. ligen, дрвнем. lig(g)en, licken). Появление формы инфинитива lägen вместо ligen само по себе не является каким-то единичным фактом: аналогичные инфинитивы от глаголов второго класса встречаются в общем не так уж редко; но если все остальные (за исключением trägen «обманывать», возникшего по образцу lägen) представляют собой по большей части лишь преходящее явление, то lägen прочно сохранилось в языке. Хотя М. Гейне и не обосновывает свою мысль более подробно, высказанное им предположение относительно причины этого явления бьет прямо в цель; в этом можно убедиться, проследив поучительную судьбу этого глагола в немецком языке, как на материале литературного языка, так и на материале диалектов.

Правда, более частое употребление формы $l\"{u}gen$ в литературном языке наблюдается сначала не в Северной Германии, а на средненемецкой языковой территории; примерно с первой половины XVII в. эта форма, возникшая по аналогии с существительным $l\ddot{u}ge$, выступает здесь довольно часто. Еще несколько ранее мы встречаем на алеманнской почве форму leugen, возникшую в результате упификации вокализма единственного числа в настоящем времени глагола. Совпадение старого дифтонга ie с долгим i, которое на средненемецкой почве произошло рано, по-видимому, привело к тому, что именно здесь так рано появилась форма $l\ddot{u}gen$; ведь в литературном языке это совпадение должно было наступать повсюду, где его только пе сдерживало местное произношение. В литературном языке совпадение этих двух глаголов воспринималось как помеха: это ясно вытекает хотя бы из того факта, что у авторов грамматик раннего нововерхненемецкого языка можно найти замечания относительно их разграшичения, причем в зна-

чении «лгать» рекомендуется употреблять форму lügen.

В диалектах полное совпадение звучания наступило только в некоторых частях языковой территории. В верхненемецких диалектах, в которых ie в liegen «лгать» не превратилось в монофтонг, этот глагол в основном продолжал развиваться по фонетическим законам; впрочем и здесь наряду с $li\ddot{e}gen$ в отдельных случаях появляется форма leugen; кроме того, литературная форма lägen кое-где продвинулась в диалект. Но в общем старый глагол liëgen прочно утвердился в алеманиском, швабском и баварском. В эльзасском, где эти два глагола временами очень сильно сближаются друг с другом, полное их совпадение наблюдается лишь в виде исключения. Впрочем здесь пам прежде всего следует отметить следующий неожиданный факт: в Лоре (Цаберн) оба глагола совпали в форме li_{l} , причем в Эльзасском словаре мы пе найдем указаний на какие-либо явления, которые можно было бы истолковать как средства защиты от этой омонимии. Это еще вовсе не означает, что данный диалект полностью и надолго примирился с таким положением вещей. Однако — и это чрезвычайно важно, — если бы даже он примярился с этой омонимией, то это все равно не было бы аргументом против теории помех как таковой, ибо, мне хочется подчеркнуть это еще раз, язык не всегда последователен.

Помимо Лора, эти два глагола выступают как омонимы также и в некоторых других местах, в частности, в говорах местностей Гандшусгейм и Кронеберг. Тем более веским свидетельством в пользу нашей точки зрения является положение вещей в тех диалектах, где развитие звуков должно было привести к омонимии, но не привело к ней в диалектах, где омонимии удалось избежать благодаря незакономерному развитию звуков

или же благодаря другим явлениям, отклоняющимся от обычного хода развития, причем единственной видимой причиной являлось стремление избежать омонимии. Это неопровержимо свидетельствует о том, что в других диалектах такая омонимия воспринималась как помеха, а значит в данном случае литературный язык и диалект отнюдь не стояди на принципиально различных позициях. Так, например, в говоре Швальма развитие звуков должно было привести к совпадению liegen и ligen в форме leia; однако ligen «лежать» развилось здесь (не по фонетическим законам) в laiə, и, таким образом, удалось избежать омонимии. Был здесь и еще один глагол, срвнем. lihen «одалживать», которому тоже грозила опасность совпасть с двумя ранее названными глаголами в форме $lei\partial$, вследствие чего этот глагол выступает в швальмском говоре в форме li, заимствованной из верхнегессенского диалекта. С другой стороны, в верхнесаксонском и в диалекте Рудных гор, где оба глагола совпали в форме lichen, это совпадение привело к тому, что, как правило, вполне жизнеспособный глагол lûgen в некоторых местах этой территории постепенно отмирает, а в западной части Рудных гор вместо него употребляется описательный оборот lüng machen «говорить неправду», что помогает избежать омонимии; заимствование литературной формы этого слова не привело бы здесь к желаемому результату, так как действующая в этом диалекте делабиализация снова превратила бы ligen в lichen. В отличие от средненемецкого нижненемецким диалектам это совпадение не грозило, так как в нижненемецком издавна утвердилась форма liggen (из др.-сакс. liggian), а следовательно, не было никаких оснований опасаться, что она совпадет с ligen < liogan.

Теперь привлечем для сравнения другие германские языки; в связи с этим необходимо отметить, что в голландском, совершенно так же, как и в нижненемецком, нормальное развитие звуков не привело к омонимии и что оба глагола и сейчас мирно уживаются здесь рядом друг с другом; в голландском литературном языке «лгать» представлено формой liegen, «лежать»— формой liggen. То же самое можно сказать и о скандинавских языках (например, швед. ljuga «лгать» и ligga «лежать»). Зато в английском развитие звуков дало в своем результате омонимию, и оба глагола совпали в форме lie. Попытку реагировать на это можно было бы, пожалуй, усмотреть в том факте, что наряду с to $\it lie$ «лгать» англичане охотно употребляют описательные обороты $\it to$ $\it tell$ $\it a$ $\it lie$ $\it u$ $\it to$ $\it tell$

lies «говорить неправду». Утверждение о том, что причиной исчезновения в немецком языке общегерманского *gifti в его первоначальном значении «дар» следует считать тот факт, что еще в древневерхненемецком это слово приобрело новое значение «яд», которое и является теперь его основным значением, представляется весьма правдоподобным даже без дальнейших доказательств. Если же мы зададимся целью поглубже вникнуть в историю этих двух омонимов, являющихся ответвлениями одного и того же слова, и проследим их судьбу на более обширной языковой территории, то убедимся в том, что здесь мы действительно имеем дело с таким случаем, когда омонимия ведет к гибели слова. Никто не станет отрицать, что основное условие здесь налицо: два несовместимых значения слова gift — «дар» и «вредное или губительное зелье», которые безусловно могли быть помехой друг для друга.

Если посмотреть, удалось ли слову gift «дар» удержаться в каких-либо других германских языках, то мы увидим, что в английском gift в значении «дар» до наших дней полностью сохранилось как живое слово. Но зато здесь оно означает только «дар», «талант» и т. д., т. е. имеет, если можно так выразиться, «положительное» значение. Значение «яд» представлено в английском заимствованным словом poison. В голландском gift «дар» тоже является живым словом, но наряду с ним мы $\,$ находим $\,$ также и $\,$ gift $\,$ в значении «яд», и на первый взгляд это говорит отнюдь не в пользу сделанного нами вначале предположения о том, что их омонимичность являлась помехой для языка. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело обстоит как раз наоборот: голландский язык свидетельствует в пользу нашего предположения, так как gift «дар» выступает здесь как существительное женского рода, а gift «яд» имеет средний род; впрочем в современном языке, в котором стирание грамматического рода зашло довольно далеко, это уже не играст большой роли; но, кроме того, в значении «яд» здесь по-явились фонетически отличная форма gif (без конечного -t) и новообразование vergif, причем сейчас обе эти формы уже являются общеупотребительными. В средненидерландском в значении «дар» употреблялись формы gicht(e) и gift(e), в значении же «яд» заимствованное слово veniin. С XVI в. наряду с veniin появляется заимствованное из немецкого Gift «яд», которое постепенно закрепляется в языке и в настоящее время выражает своими формами gift, gif, vergif как раз понятие «яд».

В скандинавских языках, которые унаследовали древнее германское gift «дар», это слово тоже было представлено в более ранние периоды их развития; оно отмерло после того, как они заимствовали из немецкого gift в значении «яд».

Судьбы слов Gift «дар» и Gift «яд» в немецком языке дают возможность осветить воздействие нежелательной омонимии с разных точек зрения. Если в древневерхненемецком и средневерхненемецком gift сохраняет в обоих значениях свой изначально женский род, то в раннем нововерхненемецком gift «яд» выступает уже как существительное среднего рода, по-видимому, по аналогии с латинским, где venenum имеет средний род, или же с исконно немецким отмиравшим в то время словом дрвнем. luppi, срвнем. lüppe «яд». А в средневерхненемецком появляется новообразование vergift в значении яд», которое выступает в формах женского, мужского и среднего рода. Ясно, что этот

неологизм связан с глаголом vergiften «отравлять», по возникновение подобного неологизма отнюдь не представляет собой явления, которое бесспорно вытекало бы из общей линии развития немецкого словообразования. Так, например, в немецком языке есть глаголы vergolden «золотить» и versilbern «серебрить», образованные от Gold «золото» и Silber «серебро», однако мы не обнаруживаем никаких тенденций к образованию существительных вроде Vergold и Versilber. Если существительное Vergift произведено при помощи префикса ver- и имеет средний род, то все это скорее говорит за то, что параллельное существование слов Gift «дар» и Gift «яд» представляло для языка, т. е. для говорящих, известное неудобство. Чтобы избежать этой омонимии, язык прибег сначала к разграничению грамматического рода. Но на этом языковое чутье не успоколосы сочетание с ver-, давшее существительное Vergift, явилось новым средством защиты от омонимии, хотя и оно оказалось недолговечным. Все же попытка была столь успешной и новообразование Vergift прожило настолько долго, что голландский и скандинавские языки успели воспринять его; впрочем и в скандинавских языках ему не удалось

продержаться более длительное время. И вот, чтобы избавиться от этого неудобства, немецкий язык прибегает, наконец, к самому радикальному средству: он отказывается от Gift «дар», и в нововерхненемецком это слово отмирает. Так, например, еще Лютер пишет: allmosen und gift sammeln «собирать милостыню и подаяния», а в «Фаусте» Гёте мы еще встречаем фразу: Des Kaisers Wort ist groß und sichert jede Gift «Слово государя могущественно и скрепляет любой дар», где употребление Gift в значении «дар» является уже произвольным отклонением Гёте от современного ему словоупотребления. Слово Gift «дар» было уже обречено на гибель и уступило свое место слову Gabe. Впрочем оно не совсем исчезло: в юридической формуле Gift und Gabe это слово в значении «дар» еще и по сей день употребительно как в литературном языке, так и в диалектах. Это лишний раз подтверждает тот неоднократно наблюдавшийся факт, что отмирающие слова вообще обладают способностью сохраняться в составе словосочетаний, где они выступают как своего рода окаменелости, удерживаясь в языке еще долгое время после того, как исчезло простое, не входящее в сочетание слово. Такое же консервирующее воздействие на отмирающие слова оказывает и словосложение, и если Gift в значении «дар» сохранилось в составе таких сложных слов, как Brautgift, Mitgift, Handgift, то это произошло не случайно. To же самое можно наблюдать и в шведском, где hemgift «приданое», avgift «подать» и другие сложные слова еще и сейчас относятся к живой лексике, хотя соответствующее простое слово gift в значении «дар» давно уже исчезло.

Для полноты укажем на еще одно ответвление от герм. gift, наблюдаемое в немецких диалектах, где gift употребляется также в значении «ненависть», которое не чуждо и литературному языку и развилось из значения «яд» как его второй, побочный оттенок. Во многих диалектах, наряду с gift «яд» (ср. род), имеется еще и gift «ненависть, гнев, ярость» (муж. род). Эта форма мужского рода, приобретенная словом по аналогим с $Ha\beta$, Zorn, Groll, отличает его от Gift «яд». Диалект местности Ройтлинген, расположенной в пограничной полосе между швабскими говорами с сохранившимся кратким i и говорами, где это i удлинилось, прибег к другому средству различения: в значении «яд» здесь употребляется форма gift с кратким i, в то время как за значением «зависть»

закрепилась форма gift с долгим i.

Исчезновение из языка единичных слов, вполне жизнеспособных в других местностях, наблюдающееся на тех территориях, где они подпадают под действие омонимии, уже само по себе подтверждает нашу теорию, но еще более яркое свидетельство в ее пользу — это те явления, когда в аналогичных условиях отмирают целые группы слов. Эти явления даже самый предубежденный скептик не сможет объяснить случайностью.

Как известно, щироко распространенный в древневерхненемецком способ образования абстрактных существительных от прилагательных при помощи суффикса $extit{-}\ell$ в средневерхненемецком быстро уступает свои позиции другому способу — при помощи ${
m cy} \phi \phi$ икса -heit, и от некогда многочисленных образований первого рода до наших дней дошел лишь небольшой остаток. Причину этого массового отмирания следует искать в ослаблении конечного -î в -е, наступившем в средневерхненемецком периоде. В результате этого суффикс -î перестал служить характерным отличительным признаком таких абстрактных существительных, вследствие чего большинство из них фонетически совнало с целым рядом форм соответствующего прилагательного. Именно среди этих абстрактных существительных, подпавших под действие омонимии, число отмирающих слов особенно велико. Так, дрвнем. reinî «чистота» и snellî «храбрость; быстрота» превращаются в срвнем. в reine и snelle, что приводит к их совпадению с соответствующими средневерхненемецкими прилагательными reine и snelle, вследствие чего им приходится уступить место существительным reinheit и snellheit. Образования типа Kürze «краткость», Länge «долгота» и т. п. сохранились лучше, так как в этом случае совпадение звучания не наступило. Яркий свет на причинную связь между совпадением звучания и исчезновением слов проливает положение вещей в некоторых алеманиских диалектах, где конечное долгое -і сохранилось в виде і (от Швейцарии до линии несколько севернее Фрейбурга в Брейсгау), а краткое конечное і было ослаблено, так что здесь омонимия не могла появиться: как раз в этих диалектах старые абстрактные существительные на -і все еще существуют, и по их образцу могут даже образовываться новые произ-

Ту же картину мы наблюдаем и у старых древневерхненемецких начинательных

глаголов на -ên вроде bleichên «бледнеть», weichên «размягчаться», которые неизбежно должны были совпасть с производными от той же основы глаголами на -jan; в частности, вышеназванные глаголы совпали с bleichen «белить», weichen «размягчать». Это привело к тому, что старые начинательные глаголы на -ên стали исчезать, и язык обратился к другим средствам для выражения начинательности.

Однако на известной части горноалеманнской языковой территории старые начинательные глаголы на $-\hat{e}n$, а также и самый способ их образования сохранились, причем как раз там, где дрвнем. $-\hat{e}n$ дало e, в то время как древневерхиснемецкие показатели инфинитива $-\hat{j}an$ и $-\hat{o}n$ превратились в u, т. е. как раз там, где не произошло совпадения.

Приведенные выше примеры подобраны так, что они иллюстрируют важнейшие средства защиты, к которым прибегает немецкий язык, чтобы устранить вызывающую недоразумения омонимию. Так, например, исчезновение слова gift «дар», замененного синонимичным Gabe, наглядно показывает самое радикальное средство защиты, когда оба совпавших слова или одно из них удаляются из лексического состава языка, причем изгнанное слово замещается каким-либо уже имеющимся в языке синонимом. В связи с этим следует подчеркнуть, что в пределах одной и той же относительно замкнутой языковой общности и в одной и той же языковой прослойке полная синонимия представляет собой редкое явление. Поэтому слово, выступающее в роли заменителя отмершей лексической единицы, зачастую претерпевает известные изменения значения, если, конечно, оно уже раньше не являлось по своему значению точным соответствием вытесненному слову. Кроме того, слово-заменитель может быть заимствовано из другого диалекта или же из иностранного языка.

Немецкий язык располагает целым рядом способов, при помощи которых он может устранить сходство звучания, не отказываясь при этом от подпавшего под действие омонимии слова. Диалекты, например, могут заимствовать одно из совпавщих слов в несколько отличной звуковой форме, в которой это слово представлено в каком-либо соседнем диалекте или же в литературном языке, и тем самым устранить омонимию. Литературный язык может в свою очередь черпать нужные ему замены из диалектов. Вполне естественно, что диалектам проще всего было заимствовать у литературного языка. Так, на нижненемецкой языковой территории, где действовал закон исчезновения -d- в интервокальном положении, мы тем не менее встречаем форму scheiden «расставаться», хотя по-настоящему здесь следовало бы ожидать форму schein. Объясняется это тем, что здесь был еще один глагол, звучавший как schein, — глагол geschehen «случаться, происходить». Наблюдаемое в диалекте местности Ройтлинген разграничение gift «нд» и gift «ненависть» тоже было достигнуто за счет заимствования.

Омонимия иногда может быть устранена также при помощи замены описательными оборотами, как это видно на примере литературного Liebhaber «любовник» и в.-сакс. läng machen «лгать». Другим примером этого средства защиты может служить появление в литературном языке описательных оборотов с модальными глаголами, в особенности с глаголом mögen, выступающих как замена форм конъюнктива, совпавших с формами изъявительного наклонения (например, sie mögen das sagen «они, пожалуй, сказали бы это» вместо sie sagen das).

Способность языка избегать омонимии за счет незакономерного развития звуков мы показали на примере с глаголами lügen — liegen: ведь форма laiə (вместо ожидаемого leiə), заменяющая в диалекте местности Швальм глагол ligen, обязана своим происхождением тому факту, что в этом диалекте уже имелась форма leiə: ее принял глагол lügen.

В случае с омонимической парой gift «дар»—gift «яд» неудобство устранялось при помощи перестройки структуры слова, в результате чего появилось слово vergift «яд». Язык располагает и еще одним аналогичным средством: это комбинирование соответствующего слова с такими словообразовательными элементами, которые обладают способностью уточнять его значение, а следовательно, могут весьма успешно устранять двусмысленность (например, Mitgift «приданое», т. е. то, что «придается» молодой жене). Эта способность вносить уточнение особенно четко проявляется в так называемых тавтологических образованиях, в которых находящееся под угрозой двусмысленности слово вступает в сочетание со своим синонимом, образуя с ним сложное слово; например, Maulesel «мул, лошак», заменившее срвнем. $m\hat{u}l$ (из лат. mulus), которое совпало с Maul «рот» < срвнем. mûl, mûle. Большое сходство с такими образованиями просамым защищающие от полного исчезновения являют уточвяющие, a тем вроде Gift und Gabe. Наконец, язык может ограничить употсловосочетания ребление одного из омонимов, так что слово начинает употребляться только в особых синтаксических функциях, в сочетаниях с определенными, неизменно сопутствующими ему определениями, за счет чего нежелательные последствия омонимии могут быть несколько смягчены. Подобные слова находятся, если можно так выразиться, «при смерти», и никогда нельзя заранее сказать, надолго ли удастся сохранить им жизнь. и возможно ли это вообще. В качестве средства защиты может быть применено также и разграничение грамматического рода: это мы видели, в частности, на примере встречающихся в диалектах вариантов слова gift: в мужском роде со значением «ненависть», в среднем роде — со значением «яд», наряду с исконно женским родом со значением «дар»; впрочем, несмотря на то, что это последнее значение выступало в форме женского рода, ему все же не удалось удержаться в языке.

Мне кажется, что до сих пор изучение омонимов шло несколько односторонне: исследователи уделяли чрезмерно большое внимание поискам доказательств хронологической и территориальной согласованности между омонимией и исчезновением слов. Подобные случаи, несомненно, представляют интерес как веские доказательства того, что омонимия создает в языке неудобства, однако эти случан вовсе не так уже часто встречаются. Полная хронологическая согласованность между этими явлениями наблюдается относительно редко, и мы не вправе ожидать ее хотя бы уже потому, что быстрота реакции языка на омонимию может колебаться в очень больших пределах. Кроме того, рассмотренные нами примеры достаточно ясно свидетельствуют о том, что отношение языка к омонимии отнюдь не является последовательным: реакция на нее вовсе не обязательно проявляется на всей территории, где имело место совпадение звучания слов. С другой стороны, слово-заменитель легко может проникнуть за пределы этой территории; вероятность такого проникновения особенно велика в тех случаях, когда словозаменитель относится к лексическому составу «победоносно наступающего» на диалект литературного языка. Поэтому важно выявить те случаи, когда совпадение звучания, происщедшее на диалектных территориях, в общем мало связанных друг с другом, влекло за собой исчезновение слов и их замену какими-дибо другими словами, не опирающимися на формы литературного языка.

Но еще важнее констатировать тот факт, что когда совпадение звучания произошло, язык нередко реагирует на него (не обязательно на всей территории), пуская в ход целый ряд различных средств защиты, а именно: отказ от одного из омонимов, отклонения в звучании одного из них, сочетание слова с другими элементами, описательные обороты и т. д. В подобных случаях причинная связь между вызванными омонимией помехами и тенденцией реагировать на них выступает особенно четко. Все эти разнообразные изменения, претерпеваемые словом после того, как оно фонетически совпало с другим словом, изменения, в результате которых оно приобретает самый неожиданный облик или же вовсе исчезает из языка, наводят на мысль, что они обусловлены какой-то общей причиной, в силу которой данное слово становится как бы нежелательным, а его цаличие в языке — нецелесообразным. А то, что этой причиной является именно омонимия, вытекает из того факта, подтверждаемого хронологическими и территориальными данными, что все эти изменения ведут к устранению омонимии и что преобразованное слово, которому омонимия отныне уже больше не угрожает, спокойно прододжает существовать в языке. Таким образом, не приходится сомневаться в том, что омонимия часто вызывала неудобства в немецком языке. Те же последствия, хотя в более слабой степени, может иметь и паронимия --- весьма близкое звуковое сходство слов. Однако здесь я не буду вдаваться в этот вопрос подробнее.

Теперь нам остается высказать некоторые соображения насчет того, в каких именно случаях вызываемые омонимией неудобства становятся особенно ощутимыми, вынуждая тем самым язык (т. е. говорящих) прибегать к средствам защиты. Здесь невозможно установить простые и прямолинейные правила не только потому, что взаимодействующие факторы чрезвычайно многообразны, но еще и потому, что язык, как мы уже песколько раз подчеркивали, даже в аналогичных друг другу случаях реагирует далеко не всегда одинаково. Поэтому мы отметим лишь некоторые основные моменты.

Прежде всего помехой для языка является все то, что нарушает его ясность и недвусмысленность,— это попятно и не требует особых доказательств. Поэтому и омонимия, которая ведет к путанице и недоразумениям, также воспринимается как помеха. Особенно легко такие помехи могут возникать, когда омонимами являются слова одной категории, которые употребляются аналогично в одной и той же синтаксической функции и в одном и том же языковом и мыслительном окружении.

Другая предпосылка для возникновения такой помехи заключается в том, что соответствующие слова должны реально употребляться в одной и той же социальной прослойке; так, например, совпадение звучания того или иного термина, употребительного лишь в узком кругу представителей определенной профессии, со звучанием слова, имеющего хождение в другой социальной прослойке, вряд ли может вызвать какие-либо неудобства, в то время как совпадение звучания в пределах одного и того же професспонального языка неизбежно вызовет помехи. Ясно, что омонимия, которая распространяется на всю парадигму соответствующих слов, причиняет больше неудобств, чем совпадение, затрагивающее лишь известную часть состава их форм; быть может, именло это обстоятельство и помогло смягчить столкновение глаголов lägen и liegen, которые относятся к разным классам сильных глаголов. Далее следует отметить, что совпадение звучаний флексий одного и того же слова, конечно, тоже может привести к вызывающей неудобства омонимин, так как при этом слово утрачивает те признаки, которые отличают одну его функцию от другой. В немецком языке мы можем наблюдать подобный случай, в частности, на примере форм претерита слабых глаголов: в южной Германии, где отбрасываются конечные гласные, часть этих форм совпала с презенсом (папример, презенс er sagt, претерит er sagte, который в результате апокопы тоже превратился в er sagt'). Вследствие этого простому претериту пришлось уступить место описательной конструкции (как известно, вместо литературной формы er sagte на юге Германии употребляют форму er hat gesagt).

Важным, но трудноуловимым фактором, от которого в большой мере зависит степень неудобства, является взаимоотношение значений совпавших по звучанию слов. Совершенно очевидно, что при абсолютно несовместимых значениях недоразумение возникает не так легко, как в том случае, когда значения в чем-то соприкасаются друг с другом. И тем не менее неудобства могут возникать даже при столкновении слов с настолько различным значением, что возможность спутать их друг с другом, казалось бы, совершенно исключается. Происходит это потому, что, благодаря такому сближению, между разными значениями устанавливается связь, воспринимаемая языком как

недопустимая.

Если опасность смешения, грозящая языку в рассудочно-логической его сфере, часто указывалась исследователями как причина возникновения неудобств, то эмоциональной сфере языка обычно уделялось при этом слишком мало внимания. Между тем ее роль в возникновении связанных с омонимией неудобств нельзя преуменьшать. Язык, несомненно, пытается защитить себя также и от тех случаев омонимии, когда опасности смещать одно слово с другим нет, но зато слово отягощается непристойными, смешными или просто почему-либо неприятными ассоциациями. Другими словами, этот вид омонимии тоже может восприниматься как помеха. Так, например, немецкий глагол schiffen «плыть (на корабле)» отмирает на наших глазах; этот процесс начался с тех пор, как возникший в XVIII в. в студенческом языке глагол schiffen «мочиться»; произведенный от Schiff в значении «посуда», проник в сферу общеупотребительной лексики и скомпрометировал старый, вполне благопристойный глагол schiffen. Обычно усложнение структуры слова за счет других словообразовательных элементов не может надежным образом защитить его от подобных досадных ассоциаций, но в данном случае производному от schiffen глаголу sich einschiffen удалось устранить сближение с schiffen «мочиться», так как благодаря сочетанию с приставкой связь с Schiff «корабль» четко выступила на передний план, и тем самым неприятные побочные ассоциации были приглушены. Но такие широко распространенные еще в прошлом веке сочетания с after, как, например, Aftermuse в значении «эпигонская муза», Afterarzt в значении «плохой врач», в настоящее время уже скомпрометированы сближением префикса after- с существительным After «зад», и большая их часть исчезла; слова типа Aftermieter (вместо литературного Untermieter «субарендатор жилого помещения») употребительны сейчас лишь в некоторых частях немецкой языковой территории.

Довольно сложным и запутанным вопросом является вопрос о том, существует ли принципиальное различие между литературным языком и диалектами в отношении их чувствительности к омонимии. В общем мы вправе предположить, что «менее чопорный» диалект не усматривает в непристойных ассоциациях столь большой помехи, как литературный язык. Другие виды омонимии тоже вызывают в диалекте меньше беспокойства, чем в литературном языке, который открывает гораздо больший простор для сознательного размышления и наблюдения. К тому же в распоряжении литературного языка имеются некоторые средства защиты (например, орфография и заимствования из иностранных языков), которые могут облегчить его реакцию на омонимию. Диалект же либо вовсе не располагает такими средствами, либо может пользоваться ими лишь в ограни-

ченной мере.

Полное совпадение звучания, а также конвергирующее звуковое развитие двух слов могло иногда вызывать реакцию, в корне отличную от всех ранее названных здесь средств защиты. Все рассмотренные выше виды реакции представляют собой попытки устранить омонимию — либо так, что язык вновь восстанавливает утраченное звуковое или иное различие, либо так, что он отказывается от подпавшего под действие омонимии слова. Однако в языке может иметь место и прямо противоположная реакция: язык может окончательно уничтожить границы между совцавщими или совпадающими словами и соединить эти слова в одно слово. Возможность такого слияния в значительной мере зависит от того, в каком соотношении друг к другу находятся значения данных слов и насколько они способны восприниматься языковым сознанием как два разных значения одного и того же слова. Порой язык проявляет поистине удивительную способность связывать друг с другом далекие значения, но в целом можно сказать, что слова с противоположным значением языковое сознание неохотно соединяет в одно слово; его реакция на совпадение таких слов чаще сводится к тому, что эти слова либо дифференцируются какими-нибудь внешними отличиями, либо одно из них или же оба исчезают из лексики. То же самое происходит при совпадении со словом, имеющим в своем значении нечто непристойное или смешное или же вызывающим какие-либо другие неприятные ассоциации.

Слияние, основанное на взаимном притяжении двух совпавших в своем звучании слов, может происходить и с паронимами. Так, например, срвнем. verwîsen «послать кого-либо не туда, куда надо; изгнать из страны», первоначально принадлежавшее к слабым глаголам, и срвнем. verwîzen «наказывать», первоначально относившееся к сильным глаголам, в нововерхненемецком совпали в одном слове, дав сильный глагол verweisen, который воспринимается языковым чувством как одно слово с двумя значениями: «изгнать из страны» и «наказывать, бранить, отчитывать». Такое притяжение представляет собой разновидность народной этимологии, с той только разницей, что оно может затрагивать не только этимологически изолированные слова, не имеющие родственных связей в словарном составе языка, но и слова, входящие в состав целой группы родственных слов.

Эмиль Эман Перевел с немецкого Ю. Н. Афонькин

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

СТРУКТУРАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС Л. ТЕНЬЕРА И СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Занимаясь, с одной стороны, применением синтагматической теории к изучению конкретных языков (по этому вопросу я постоянно читаю курс лекций на филологическом факультете университета в Задаре), а с другой - истолкованием различных структуралистских работ с позисинтагматического структурализма, я с радостью принял приглашение редакции «Вопросов языкознания» рассмотреть с последней точки зрения «структуральный синтаксис» Л. Теньера и опубликовать в журнале результаты этого исследования. Таким образом, редакция предоставила мне возможность выполнить обещание, в свое время данное мною на страницах журнала (см. ВЯ, 1959, № 1, стр. 50). Выполнение этого обещания я считаю своим долгом по отношению не только к редакции, но и к тем советским читателям, которые проявляют интерес к моим рабо-

Co структуралистскими положениями Теньера я уже давно ознакомился по его бротюре «Esquisse d'une syntaxe structurale» (Paris, 1953); мною были сделаны соответствующие замечания с целью истолкования этих положений с позиций синтагматического структурализма. Однако «Esquisse» занимает всего 30 страниц, тогда как «Éléments de syntaxe struc-turale» (Paris, 1959) — огромный том в 670 страниц. Если бы у меня было время углубиться в тысячи деталей и проблем, поставленных Теньером в этой работе, мне пришлось бы написать такую же объемистую книгу, как и сами «Éléments»; но уже беглое ознакомление с ней убедило меня, что основные положения «Éléments» сходны с положениями «Esquisse»; это несколько облегчает мою задачу, но не в отношении деталей. Другой трудностью является необходимость ссылок на мои работы, опубликованные в различных журналах мира, малодоступных читателям. В связи с этим я сокращу число таких ссылок до минимума. Кроме «Linguistique générale et linguistique française» Ш. Балли (сокращенно LGLF2, 2-е изд., Berne, 1944 — указываю параграфы) и «Cours de linguistique générale» Ф. де Соссюра (сокращенно ССС3, 3-me éd., Paris, 1931 указываю страницы), единственная бота, на которую я ссылаюсь, - это моя статья «Prostorni podatak događaja: teoija i izraz», которая должна появиться

в «Radovi filozofskog fakulteta u Zadru» (I, 1960) (в сокращении PPD).

К произведенным мной истолкованиям работ А. Белича, Э. Сепира, Я. Розвадовского, Ф. Мартини и «Трудов VI съезда лингвистов» прибавится и разбор работы Л. Теньера, что принесет несомненную пользу синтагматической теории. Тысячи вопросов, разбираемых и поднимаемых Теньером, должны вновь быть поставлены в кругу проблем синтагматической теории; однако среди этих вопросов есть и такие, которые еще не ставились в синтагматической теории и решение которых, даваемое Теньером, может быть, без изменений войдет в эту область лингвистики.

Для синтагматической теории работы Теньера имеют ценность именно потому, что он в течение десятков лет ставил и разрешал проблемы структуральной лингвистики и собирал соответствующие мате-

риалы,

Я счел наиболее удобным сохранить деление книги Теньера на главы с приведением соответствующих заголовков. Те, кто при чтении моей статьи будут иметь возможность пользоваться книгой Теньера, смогут лучще следить за моими критическими замечаниями. Но мне следовало подумать и о тех, которым «Éléments» и мои работы будут недоступны; поэтому я привожу в кратком изложении мысли Тепьера вместе со своими соображениями.

Глава 1—«Связь»

«Структурального синтаксиса», согласно Теньеру, является изучение «фразы». Именно такое понимание проблемы характерно для всех времен. Определение «структуральный» не только излишне, но и ощибочно: оно может навести на мысль, что классический синтаксис не был «структуральным». Но каковы же должны быть задачи синтаксиса, если не изучать структуру «фразы» и функционирование ее элементов? Понятия «подлежащего» и «сказуемого», имени и глагола и т. д. обязаны своим появлением именно структуральному и функциональному анализу; вся классическая система, основанная на оси «слово — фраза», возникла в результате структурального анализа «фразы» посред-

¹ Cm. F. Mikuš, La syntagmatique et les langues dites monosyllabiques, BSLP, t. 54, fasc. 1, 1959.

РЕЦЕНЗИИ

ством деления ее на «слова». После того как Л. Теньер — в полном отрыве, как мне кажется, от прочих структуралистов написал свои «Eléments», синтаксис был признан простейшим проявлением синтагматики. Уже Ф. де Соссюр, который, строго говоря, не сформулировал никакой синтагматической теории, хотя и был ее основателем, говорил, что все факты синтаксиса принадлежат синтагматике. Все факты синтагматики, однако, не укладываются в синтаксисе (CLG³, 188). Структуры cuiller-ée, contre-maître, re-poser (une question), nous part-ons и т. д. являются объектом синтагматики (пауки о синтагмах) par excellence, но остаются вне «синтаксиса». Последний, таким образом, является своего рода примитивной, эмпирической, утилитарной (школьной) синтагматикой. Более того, он отличается крайней неполнотой, ибо занимается только дискурсивными структурами, не уделяя внимания эволюции и автоматизации фактов синтагматики.

Фраза для Теньера представляет собой организованную совокупность, элементами которой являются «слова». «Фраза» — настолько скомпрометированный термин в лингвистике, что от него надо отказаться. Но чем его заменить? Что касается меня, то я предпочитаю термин «высказывание» («utterance»), ибо это понятие очень хорошо определено американцами как «единство словесного поведения». Я полностью принимаю эту формулировку, но пытаюсь добавить к этому функциональному определению некоторые структуральные и семиологические моменты.

С последней точки зрения я определяю (надеюсь окончательно) высказывание как лингвистическое выражение дуги рефлексов (ДР) (см. PPD). Это определение нельзя считать ни произвольным, ни полностью моим. Оно основано на том позитивном факте, что анализ общего и словесного поведения вне ДР не имеет смысла. Всякое поведение, начиная от его наименее организованного проявления и кончая высшими функциями нервной системы, занимает промежуточное положение между пучками стимулов (С) н пучками реакций (Р), наименее дискретные из которых мы подвергаем вербализации. Следовательно, высказывание (единство словесного поведения) может вербализовывать только С и Р, объединенные в ДР. С другой стороны, мое определение основано на теории Балли (LGLF², 28 и сл.), которая признает в любом высказывании модальную и диктальную части. Хотя указанные выше доктрины диаметрально противоположны (одна из них монистическая. другая — дуалистическая), они не исключают друг друга: модус (М) Балли — не что иное, как выражение Р, а его диктум (Д) --- выражение С. Таким образом, высказывание — это лингвистическое выражение ДР².

Эта формулировка содержит элементы структурального определения высказывания. Если высказывание представляет собой вербализацию ДР, то оно должно отображать ее структуру. Какова эта структура? Подобно тому как С дополняет Р и паоборот, Д дополняет М и наоборот. Подобно тому как не существует Р без С, или С без Р, или ДС без этих двух элементов, не может существовать М без Д, или Д без М, или высказывания без этих двух элементов (принцип взаимодополняемости Н. Бора).

Итак, в общелингвистическом плане это отношение взаимодополняемости превращается в синтагматический принцип, позволяющий нам определить синтагму как лингвистическую структуру, состоящую из двух функционально взаимодополняющих элементов (см. также ниже). В свете этой теории высказывание определяется структурально как единство словесного поведения, выражающее ДР и состоящее из М (как выражения Р) и из Д (как выражения С), которые объединяются в дикто-модальную синтагму (высказывание). Мы видим, следовательно, всю необходимость определения высказывания, и Теньер совершенно прав, порицая «пораженчество» Соважо, считавшего, что определение фразы не имеет никакого значения для «синтак-

Определение фразы, даваемое Теньером, спорно во многих отношениях. Оно следует традиционным концепциям, которым мы противопоставляем научную точность: данные физиологии и физики (см. ниже). Определение Теньера грешит против научного метода, ибо в нем используются неточные и неопределенные термины. Правда, «фраза» (иначе — «высказывание») действительно является организованной «совокупностью слов». К сожалению, ни один из этих терминов нельзя считать ни точным, ни определенным. Мы исходим из данных физиологии (теории поведения), которая дает нам совершенно определенные понятия. Мы заменили неточный и неясный термин «фраза» совершенно опредепонятием «высказывание», ленным термин «совокупность» — понятием синтагмы, которое также точно определено. Нанеопределенный термин «слово» нами очень точным понятием автоматизованного знака (простого в виде синтагмы).

Между «словами», являющимися элементами «фразы», «интеллект устанавливает связи, совокупность которых образует костяк фразы». В самом деле, мы говорим посредством изолированных зна-

системы, отличающейся большой дискретностью и основанной, естественно, на эффективных ДР, в результате чего возникают дополнительные ДР, являющиеся дальними отвнуками эффективных ДР. Эти отзвуки еще не доступны научному исследованию. Главное здесь заключается в том, чтобы а priori исключить возможность всякой нервной деятельности, не охватываемой ДР (между С и Р).

² В теоретическом плане можно допустить существование своего рода стимуло-реактивной самоиндукции нервной

ков лишь в исключительных случаях (синтетические высказывания, высказывания с ограниченными Д). Обычно мы говорим посредством совокупностей (в смысле Gestaltpsychologie). Эти совокупности, как мы пытались доказать в своих работах, обязательно представляют собой синтагмы. «Связь», постулируемая Теньером, следовательно, является не чем иным, как «синтагматическим отношением» — отношением, связывающим элементы синтагм.

Жаль, что Теньер не захотел принять «структуральный синтаксис» в том виде, в каком он мог его найти в работах Соссора и Балли. Вместо того чтобы вносить в линтвистику путаную терминологию, надуманную им самим (как это делает Сешеэ в «Essai sur la structure logique de la phrase»), Теньер мог бы содействовать упификации этой терминологии, и это стопло бы ему меньшего труда.

«Связи», согласно Тепьеру, ничем не обозначаются, что весьма спорно. Исходя из принципа взаимодополняемости, мы усматриваем в том факте, что имя соединяется с глаголом, вполне достаточный формальный признак синтагматического отпонения: «подлежащее» и «сказуемое» уже являются формальными результатами этого отношеция, а следовательно, и его

признаками.

Еще более формальным следствием этой функциональной взаимодополняемости являются «виды слов», а в некоторых языках формальные согласования подлежащего со сказуемым, Д с М и т. д., которые мы считаем внутренними формальными средствами синтагматического сцепления. Таким образом, Теньер не вправе утверждать, что признаки синтагматического отношения не существуют.

Структура Alfred parle состоит, по Теньеру, из трех элементов (Alfred, parle, «связь»). По нашему мнению, это — диктальная сиптагма (см. ниже), состоящая из двух (а не из трех) элементов, соединенных синтагматическим отношением. Но что такое элемент? По Теньеру, самым важным в приведенном высказывании является «связь» (отношение). Но в чем состоит функция связи, если не в соединении двух элементов высказывания? Здесь ничто в отдельности не является важным и одновременно все необходимо: это относится как к элементам, так и к «связи», которая их объединяет.

Теньер, таким образом, не был захвачен волной «бинарности», которая в наши дни оказала значительное влияние на многих лингвистов (в том числе и на цредставителей синтагматической теории). Сравнение фразы с химическим соединением очень удачно: синтагма действительно является структурой с «эмергентными» свойствами, как говорят на Западе, или диалектической структурой, как говорят на Востоке. Она является синтезом своих компонентов, подобно тому как соединение есть синтез

входящих в него компонентов.

С точки зрения нашей теории и ее терминологии можно считать совершенно приемлемыми следующие утверждения Теньера: 1) синтагматическое отпошение необходимо для создания и функционирования организованной речи; 2) речь без этого отношения состояла бы из простых, синтетических высказываний, сополагаемых друг с другом; 3) спитагматический принцип является ностяком высказывания и конструктивной основой не только дискурсивных структур, по (по пашей терминологии) также и автоматизованных знаков («слов»).

В противоположность Теньеру (по причинам, излагаемым ниже) мы изображаем сиптагматическое отношение не с помощью черточек (особенно вертикальных), а по-

средством знака умножения.

Глава 2 — «Иерархия связей»

Здесь расхождения между Теньером и синтагматической теорией еще более значительны. Согласио Теньеру, «связь» устанавливает зависимое отношение между «словами», что ведет к возникновению элементов «низшего порядка» (управляемых) и элементов «высшего порядка» (управляющих).

В противоположность этому, с нашей точки зрения, синтагма составляется из двух взаимозависимых, взаимодополняющих друг друга элементов. Эти элементы взаимозависимы, ибо каждый из них несет на себс дополняющую друг друга функцию, а именно -функцию отождествления (ФО) и функцию дифференциации (ФД) значимости синтагмы (см. мою статью в ВЯ, 1957, № 1). Мне кажется, что я достаточно развил и аргументировал плодотворную мысль де Соссюра о том, что весь лингвистический механизм основан на тождествах и различиях [это положение Соссюра приводится Бюиссенсом в его полемике с Фреем («Cahiers F. Saussure», Genève, №№ 8 и 10)]. Отождествление и дифференциация являются двумя синтагматическими функциями, рассматриваемыми в самом общем абстрактном, универсальном аспекте («грамматические» функции — это только специализованные функции в зависимости от семиологически-синтагматического Эти две функции взаимно дополняют друг друга, но между ними не существует отношений «превосходства» и «зависимости». В синтагме нет ни управляющего, ни подчиненного зависимого члена (несмотря на то, что нам это иногда кажется). Как видно из РРD, взаимодополняемость распространяется по всей синтагматической схеме.

Но в теории Теньера мы встречаемся и с еще более опибочными положениями: Теньер считает, что Alfred (подлежащее) «зависит» от parle (сказуемое), т. е. сказуемое «управляет» подлежащим. Теньер явился жертвой фетинизма глагола (противопоставленного фетинизму имени; см. мою работу об А. Беличе): Мы считаем, что П и С вместе образуют диктальную (или модальную, см. ниже) синтагму; и если в этой синтагме П представляется элементом отождествления (что еще не означает, что глагол ему «подчинен»), то это

объясняется тем, что в нашем сознании вместе с пространственным представлением явления существуют другие представления, в частности временное. Пространственное представление статично, более ощутимо и доступно анализу, чем временное представление. Но мы не можем а priori исключить и обратное положение: возможность превращения глагола в элемент отождествления, а подлежащего-имени — в элемент дифференциации.

Здесь надо сказать несколько слов о нащей теории диктума. Физиология дала нам возможность определить высказывание, установить его структуру и значимость. элементарной физики известно, что объективно существовать могут только физические явления, определяемые как пространственно-временная непрерывность, как синтез пространственного и временного факторов (принцип взаимодополняемости). Разве эта структура не подобна структуре «фразы», установленной уже несколько тысяч лет назад? Разве П не является выражением пространственного представления явления, а глагол соответственно временного представления? Между подлежащим и сказуемым существует такое же отношение, как между пространственным и временным факторами физического явления-взаимодополняемость. Выражение какого-либо явления поэтому неизменно является синтагмой.

Примечание. Что касается моей интерпретации выражения и диктума, то я не могу с полной ответственностью гарантировать их правильность. В своем определении высказывания я всецело опирадся, с одной стороны, на положения Балли, а с другой — на положения физиологов и теоретиков-бихевнористов (которым я доверяю больше, чем лингвистам, грамматикам, логикам, психологам, философам). Что же касается моего определения диктальной синтагмы, то я пользовался сведениями, которые дает нам физика. В своей работе я попытался лишь сопоставить физико-физиологические схемы с лингвистическими.

В тех случаях, когда высказывание носит аналитический характер, оно состоит из эксплицитных М и Д, которые в свою очередь могут быть синтетическими или аналитическими. Какова их структура в последнем случае? С одной стороны, они состоят из модального подлежащего и из модального глагола, а с другой — из диктального подлежащего и диктального глагола; М и Д, таким образом, являются выражением определенных явлений: M — выражением субъективного явления, т. е. реакции, а Д — выражением объективного явления, или стимула (а также других явлений, считаемых таковыми); ср. je vois (М; Р) qu'il pleut (Д; С) [·]. Наивысшее по-ложение в нашей схеме занимает высказывание. Ниже на схеме на одном и том же уровне расположены модальная и диктальная синтагмы. Таким образом, и синтагматической теории известна определенная иерархия «связей», но не в том смысле, как ее представляет себе Теньер: мы имеем в виду связи между синтагмами. Внутри синтагмы не существует никакой иерархии: между Alfred и parle имеет место взаимодополняемость. Согласно Теньеру, «слово» может одновременно быть «подчинено» «слово» высшего порядка и «управлять словом низшего порядка»; так, ami в mon ami parle «управляет» mon и «управляемо» parle.

Синтагматическая теория в противоположность этому повсюду усматривает бинарность и отношение взаимодополняемости между двумя элементами синтагм. Как разрешает эта теория вопрос о соотношениях, которому Теньер дает столь странную интерпретацию? Этот вопрос разрешается на основе и р и н ц и и а с ц е пл е н и я м е н ь ш и х с и н т а г м в б о л ь ш и е. В приведенном выше примере наша теория усматривает две синтагмы — меньшую и большую, включающую в себя первую на основе указанного принципа:

$$C_1 = mon \ ami$$

 $C_2 = (mon \ ami) \cdot parle$

Это сцепление возможно благодаря тому факту, что mon ami и синтагма вообще представляют собой синтез, функционирующий как монолитное целое (папример, как простой знак). С parle связано не ami, а mon ami. Является ли синтагма «большей» пли «меньшей», определяется на оспове иерархической синтагматической схемы.

«Связь» нельзя обозначать вертикальной чертой по двум причинам: 1) синтагматические отношения не знают терминов «высший» и «низщий» по отношению к синтагмам; 2) графическое изображение синтагмы может быть лишь линейным (см. ниже).

Согласно Теньеру, «подчиненный» элемент зависит лишь от одного «управляющего» элемента, но от него же зависят несколько «подчиненных». По нашему мнению, дело обстоит совсем иначе. Ami в высказывании Mon vieil ami chante cette jolie chanson не управляет ни mon, ни vieil; ami вообще ничем не управляет. Mon vieil ami является именной актуализирующей синтагмой, в которой элементом отождествления является актуализатор mon vieil; элементом дифференциации является ami. Оба эти элемента образуют синтагму 1 (C1):

$$C_1 = \frac{\textit{mon vieil/ami}}{\Im O} \frac{\partial J_1^3}{\partial J_2^3}$$

Эта синтагма включает в себя синтагму C_2 , являющуюся меньшей по отношению к C_1 . Mon vieil раскладывается на $ЭO_2$ (mon...) и $ЭД_2$ (vieil). Таким образом, структура C_1 следующая:

$$C_1 = (mon\ vieil) \cdot ami.$$

³ ЭО — элемент отождествления; ЭД — элемент дифференциации.

To же относится и к структуре cette jolie chanson.

Примечание. Обоснование такого распределения синтагматических функций заняло бы много времени и места. Оно дается в моей работе PPD.

То, что Теньер называет «узлом», на самом деле является синтагмой, анализируемой нами в совсем другом плане, а именно — по принципу сцепления. По мнению Теньера, всякий «подчиненный» элемент следует в своих функциях «управляющему» элементу. Так, аті в фразе Cette jolie chanson charme mon vicil аті превращает «подчиненные» ему элементы топ п vicil в дополнения.

По нашему мнению, спитагма является функциональным целым, которое в отпошении других синтагм несет такую же нагрузку, что и простой знак. Прежде всего синтагма выполняет категориальную функцию: эта функция в приведенной выше синтагме C_1 равноценна функции отождествляющего элемента диктальной синтагмы. Всякая другая функция этого синтагмагического типа является «смещенной», или «некатегориальной» (см. 3-ю часть «Éléments» — «Смещение», пли, по нашей терминологии, «Транспозиция»).

Согласно Теньеру, существует нерархия «узлов». По нашему мнению, можно говорить о синтагматической функциональной, структуральной, формальной и семиологической нерархии (см. РРD). По Теньеру, «узел узлов» — это «фраза»; в синтагматической нерархии наивысшее положение занимает высказывание; именно в синтагме раг excellence, в «синтагме синтагм», формируются и функционируют все меньшие синтагмы.

Теньер считает, что «узел узлов» обычно носит глагольный характер (подлежащее, сказуемое). Мы находим, что высказывание — это синтез М и Д, т. е. дикто-модальная синтагма. Глагольный «узел» возникает только на низшем уровне иерархии, в модальных и диктальных синтагмах. Например: дикто-модальная синтагма — Il pleut (т. е. то же высказывание, но без знака М, который здесь служит выражением интонации аффекта).

В приведенном примере следует отметить синтетический характер модуса, который весь перемещен в диктум la pluie tombe, il pleut. Модус носит аналитический характер в эксплицитной дикто-модальной синтагме je suis navré (модальная синтагма) que (транспозитор) la pluie tombe (диктум).

То, что Теньер называет субстантивными, адъективными и адвербиальными «узлами», выполняющими функции «центральных узлов», представляет собой высказывания с сокращенными Д., например: A: Quand estil parti? — В: Hier. Здесь hier представляет собой сокращенный диктум, который в полной форме имеет вид il est parti hier.

Перейдем к «стеммам». «Стеммы» Теньера не только вводят в заблуждение относительно вертикальности речи, но и серьезно грешат против ее липейности. Он, однако, отдает себе в этом полный отчет (см. ниже). Синтагматике также известны схемы в вертикальном плане, противоречащем линейности речи; но в этом случае мы имеем возможность расставить элементы таким образом, что они легко располагаются в горизонтальной плоскости. Теньер прав, когда он говорит, что схему легче конструировать снизу, пачиная с автоматизированных микросинтагм («слов»).

Глава 4 — «Структуральный порядок»

Согласно Теньеру, «структуральный порядок» — это порядок установления вертикальных «связей». Однако такой порядок может быть только линейным (одноразмерным) даже в отношении самых сложных синтагм. Лингвистическая схема обязательно должна отображать линейность. С этой целью синтагматика использует разного рода скобки.

Глава 5 — «Речевая цепь»

Основой речи, по общему мнению, является последовательность звуков или фонем, называемая речевой цепью. Я позволю себе здесь задать вопрос не Теньеру, а фонетистам: что такое «звук» или «фонема»? Это просто неопределенные, пустые понятия, слова-пугала. Для нас «речевая цець» — это последовательность ческих квант и сегментов (сегмент - оргапоследовательность низованная Теньер совершенно прав, признавая линейность речевой цепи; однако я не присоединяюсь к его ментализму. Вопреки мнению Тепьера, линейность речевой цепи сразу становится очевидной любому говорящему. Говорящий, естественно, не отдает себе отчета в том, что «речевая цепь» линейна, но по собственному опыту он знает: две кванты нельзя произнести одновременно.

Теньер развил мысли Соссюра (СLG³, 64 и сл.) об алфавитном письме, отражающем линейность цепи. Вопреки Теньеру, мы называем рядом порядок, согласно которому в синтагме следуют друг за другом элемент отождествления и элемент дифференциации. Формула Теньера слишком туманна: в Mon vieil ami chante une jolie chanson слова chante и une не находятся в ряду, хотя они и следуют друг за другом в цепи. Мы полагаем, что chante находится в ряду с функциональным целым иле jolie chanson (которое, естественно, является синтагмой).

Теньер считает, что «слово» не может находиться в ряду более чем с двумя «словами» (с предшествующим и последующим). Исходя из того положения, что цепь может носить только сиптагматический характер, мы считаем, что знак или синтагма могут находиться в цепи только с функционально дополняющим знаком (или структурой). В речи эта проблема разрешается на основе принципа сцепления. В приведенном выше диктуме иле находится в ряду только с непосредственно следующим за ним jolie; chanson находится в ряду с непосред-

ственно предшествующим une folie, ибо цельный актуализатор и имя нарицательное являются двумя взаимодопс**л**няющими

синтагматическими функциями.

Что касается необратимости цепи, то Теньер совершенно прав. Поражает, что человек, так хорошо осведомленный о необратимом линейном характере цепи, может оперировать «стеммами» с двумя измерениями. Рассмотрим вопрос более подробно.

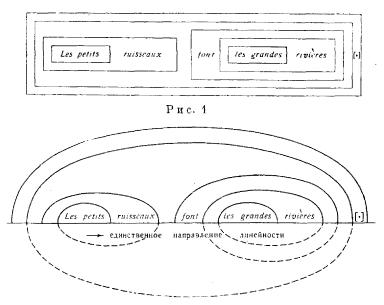
Глава 6— «Структуральный и линейный порядок»

Мы считаем структуральный порядок пдентичным липейному. Теньер их различает. В свете синтагматической теории нет оснований во что-либо превращать липейный порядок. Например, сложная синтагма Les petits ruisseaux jont les grandes rivières может быть изображена только посредством линейной схемы (см. рис. 1) или при помощи системы спиральных линий, показывающих диалектическое сцепление меньших спитагм в большие. Отсюда ясно видны синтагматические волны, создаваемые нами в момент речи и воспринимаемые при слушании (термип «спитагматическая волна» был введен проф. Ф. Рамовшем в связи с моими работами об А. Беличе) (см. рис. 2).

Модус в высказывании (см. рис. 2) носит синтетический характер и является имплицитным к диктуму (LGLF², 227, 228). Это можно объяснить следующим образом:

где que... смещает диктум C_6 (категориальная функция которого является дифференциальной функцией дикто-модальной синтагмы), превращая его в дифференциальный элемент вербальной управляющей синтагмы savoir/que (savoir quelque chose...). Je sais, таким образом, является синтагматизированным модусом или модальной синтагмой, в которой je — отождествляющий элемент, а модальный глагол — дифференциальный элемент. Эта синтагма занимает тот же уровень в нерархии, что и диктальная синтагма; при этом указанные синтагмы имеют, как мы знаем, аналогичную структуру.

В высказывании Cet ourrage concerne Louis XIV, по нашему мнению, спитагматические отношения устанавливаются: 1) между ourrage и cet (актуализатор п актуализируемый элемент), 2) между Louis и XIV (синтагматизированное имя наридательное), 3) между concerne и Louis XIV (глагол — отождествляющий элемент, Louis XIV — дифференцирующий элемент), 4) между cet ourrage и concerne Louis XIV (диктум), 5) между модусом [•] и 4.

Мы различаем:

 $C_1 = Les/petits$ (синтагматизированный актуализатор)

 $C_2 = Les$ petits/ruisseaux (именная актуализирующая синтагма)

 $C_3 = les/grandes$. . . (подобно C_1) $C_4 = les\ grandes/rivières$ (подобно C_2)

 $C_5 = font/les\ grandes\ rivières\ (вербальная синтагма, в которой глагол является отождествляющим элементом)$

 $C_6 = C_2 \cdot C_5$ (диктальная синтагма) $C_7 = C_6 \cdot [\cdot]$ (дикто-модальная синтагма, в которой модус — отождествляющий эмемент и обозначается знаком $[\cdot]$) [= знаку модуса логического утверждения (определенности)].

Согласно Теньеру, «связь» устанавливается: 1) между элементами, указанными выше, 2) между concerne и ouvrage (для нас такая «связь» не существует), 3) между concerne и Louis (для нас эта «связь» не существует), 4) между Louis и XIV. Таким образом, синтагматическая теория не предусматривает никакой «транскрипции» структурного порядка в линейный или обратно (ибо оба эти порядка идентичны). Формальное согласование дифференциального и отождествляющего элементов, по нашему мнению, является одним из формальных средств впутренней синтагматической связи. Такое согласование создает конгруэнтные синтагмы, наличие которых значительно облегчает анализ (выражение Теньера) в языках с подвижными рядами.

Мы решительно возражаем против положения Теньера о том, что «истипная фраза — это структурное явление, причем линейная фраза — это лишь несовершенпая проекция структурной фразы на речевую цень». В противоположность Теньеру, мы считаем, что нельзя упускать из виду того обстоятельства, что линг-вистическая структура линейна. В связи с этим «стеммы» Теньера представляются мне наивностью; он располагает вертикально condere gentem Romaпат, в то время как текст требует Romanam condere gentem («прерванный порядок»). Как мы говорили, синтагматическая теория допускает только такие «стеммы», которые не нарушают липейности, что характерно для «стемм» Теньера, введенного в заблуждение «вертикальностью».

Глава 7 — «Антиномия структурального и линейного порядка»

Теньер понимает трудности, с которыми сталкивается его теория: он называет эту антиномию «квадратурой круга», которую он хочет решить, жертвуя не только своими произвольными «стеммами», но также и неизменно линейными рядами: «...не надо пытаться превратить связь между ruisseaux и les в непосредственно линейный ряд les ruisseaux. Этот ряд является промежуточным (les petits ruisseaux) "стемме":

Далее Теньер говорит о «прерванном порядке». Он прав, говоря, что разрыв факультативного ряда обычно обусловливается метрическими и стилистическими соображениями. Но он неправ, утверждая, что этот разрыв никогда не обусловливается типологическими и собственно «синтаксическими» необходимостями: разрыв ряда в er trinkt sein Bier aus (против austrinken) не обусловлен ни метрическими, ни стилистическими причинами.

Глава 8 — «Направление линейности»

Теньер именует «нисходящим порядком» ряд, называемый Балли (LGLF², 309, 313 и passim) прогрессивным (очевидно потому, что этот порядок «нисходит» в м е с т е со «стеммой»); ряд обратного характера (предвосхитительный), по Теньеру, является «восходящим порядком». Языки действительно ведут себя неодинаково в зависимости от наличия в них прогрессии или предвосхищения (см. об этом Балли, LGLF², 272, 336 u passim).

При переводе следует перевести в нужных случаях прогрессивный ряд в предвосхищающий и наоборот. Я позволю себе привести пример из своего языка: Federativna narodna republika. Этот пример ана-лизируется следующим образом:

$$\begin{split} C_1 &= \frac{\textit{narcdna/republika}}{\cancel{\Pi}_1 \ \partial \quad O_1 \ \partial} \\ C_2 &= \frac{\textit{federativna/narodna republika}}{\cancel{\Pi}_2 \ \partial \quad O_2 \ \partial}, \end{split}$$

т. е. мы имеем здесь предвосхищающую последовательность. Во французском языке говорят:

$$\begin{split} C_1 &= \frac{\textit{r\'epublique populaire}}{O_1 \ \partial} \frac{}{D_1 \ \partial} \\ C_2 &= \frac{\textit{r\'epublique populaire/f\'ed\'erative}}{O_2 \ \partial} \frac{}{D_2 \ \partial} \frac{}{D_2 \ \partial} , \end{split}$$

т. е. мы имеем здесь прогрессивный ряд. Всякая другая последовательность была бы в противоречии с синтагматическими законами французского языка. Нельзя сказать république fédérative populaire, ибо populaire является наиболее близким дифференцирующим элементом, a fédérative — наиболее удаленным. Разумеется, бывают и просто федеральные республики, которые не являются народными (ФРГ), или народные республики, которые не являются федеральными (Китай). Но если республика одновременно является и народной и федеральной, то это выражается по-французски RPF и по-сербскохорватски—FNR. Таким образом, обе эти последовательности являются прямо противоположными:

Ниверсия нормальной последовательности иногда является преднамеренной (как говорит Теньер) и обусловлена стилистическими причинами.

Гдава 9 — «Наиболее обычный порядок»

Теньер прав, говоря, что в различных изыках преобладает одна из последовательностей («наиболее обычный порядок»). В большинстве языков, однако, наиболее обычный порядок носит относительный характер.

Глава 10 — «Слово»

Теньер считает невозможным опредедить это понятие. Слово, как мы считаем, представляет собой автоматизированный знак, который может быть как простым, так и представлять собой синтагму. Теньер совершенно прав, считая фразу единицей, которая возникла раньше, чем «слово», в котором он усматривает сегмент, имеющий начало и конец: квантовая фонетика признает фонетическими единицами только кванты и сегменты; при этом сегменты, естественно, характеризуются изменчивостью. Я не согласен с тем, как Теньер интерпретирует «интервалы» между «словами» — в духе своих упражнений по вертикали. Теньер говорит о «более» и «менее» глубоких интервалах; квантовая фонетика в нужных случаях признает только более или менее долгие интервалы (паузы, остановки). В la raison du plus fort est... мы отмечаем необходимые паузы не вертикальными чертами, как это делает Теньер, а больщими или меньшими горизонтальными чертами: raison - - - du - - plus - fort- — — est; впрочем это бесполезно, ибо сегменты более или менее объединяются в пределах синтагматической волны; обозначением их начала и конца служат тональности. В [lareződyplyfo: r] (последняя кванта — долгая) целая мелодическая гамма выделяет сегменты

$$\frac{1}{16} - r = -z = 0 - dy - ply - fo: r \quad (naysa)$$

Как и всякое фонетическое понятие, поиятие «интервала» является относительным или, как выражается Теньер, «связано с перархией интервалов»; следовательно, понятие сегмента не поддается абсолютному определению с точки зрения его долготы (длительности). Имеются, однако, другие критерии, позволяющие более точно определить сегмент. Что касается неточностей орфографии, то Теньер совершенно прав: орфография никогда не была в состоянии последовательно выделить интервалы и другие фонетические элементы.

Глава 11 — «Агглютинация»

Л. Теньер констатирует, что на протяжении истории языка «длина промежутков, отделяющих слова, все время уменьшается, но никогда не увеличивается». Величина этих промежутков в конце концов становится равной нулю, т. е. происходит полная агглютинация изучаемых «слов». Этот процесс проходит при следующих условиях: «связь (connexion) между словами», определенная частотность «связи» и постепенная агглютинация.

Здесь Теньер поднимает вопрос о том, что мы называем диахронической синтагматикой. [Этой проблеме мы посвятили спепиятическое синтагматическое истолкование работы Розвадовского «Wortbildung und Wortbedeutung» («Jan V. Rozwadowski le structuralisme syntagmatique», vol. V, 1, 1955 и vol. V, 2, «Lingua», В самом деле, если это тре-1956)]. буется в целях экспрессии, элементы часто повторяемой дискурсивной синтагмы смыкаются друг с другом; синтез не разъединяет эти элементы, а, наоборот, более смыкает их друг с другом, в конце концов ведет к превращению синтагмы в простой знак. Этот процесс, который является основой образования «слов», проходит постепенно («дискурсивная синтагма» → «сжатая синтагма» → «сложное слово» → «производное слово» → «простой знак»). Среди условий указанного процесса Теньер не упоминает бинарность, на которой Розвадовский построил свою теорию, а также не касается вопроса о характере синтагматических типов («связей»), подверженных этому процессу. В общем виде теория агглютинации Теньера может быть использована синтагматической диахронной теорией.

Главы 42—44— «Классификация языков»

Синтагматическая теория пока еще не в состоянии предложить собственную классификацию языков: сначала необходимо описать языки с синтагматической точки зрения. Несомненно, что предложенная Теньером классификация языков на две большие группы — центростремительные преобладанием предвосхищения) и пентробежные языки (с преобладанием прогрессии) — когда-нибудь будет полезсинтагматики, ибо эта сификация основана на последовательности отождествляющих или дифференцирующих элементов синтагм.

Глава 45 — «Синтакене и морфология»

Свой структурализм Теньер усложняет двухмерными схемами, которые никак не отражают реальную линейность речевой цепи, причем он считает эти схемы «внутренней формой языка» [«внешней» формой его является фонетическая (линейная) «оболочка»]. По Теньеру, изучением этих схем занимается «синтаксис», а изучением их фонетической (линейной) реализации — | «морфология».

Известны продолжавщиеся многие столетия дискуссии по вопросу о разграничении областей «синтаксиса» и «морфологии». Синтагматическая теория сделала для себя

ценные и важные выводы из обсуждения этих вопросов на VI съезде лингвистов (см. мою работу «En marge du 6-me congrès international des linguistes», co. «Miscelanea homenaje a A. Martinet», vol. 1, La Laguna, 1957). На этом съезде дискуссии не отягощались рассуждениями о «внутренних и внешних формах» речи, как это делает Теньер. В наше время вряд ли модно основываться на «внутренней форме». Согласно нашей теории, выдержанной в монистическом духе, здесь нет никакой антиномии, ибо «внутренняя форма» — это дуалистическая выдумка, противопоставляющая «мышление» эксплицитной речи. По моему убеждению, линейность речи противопоставляется многомерности физических реалий. Именно эту многомерность, а не какую-либо другую, речь должна превратить в речевую липейность. Языку это удается сделать с помощью синтагматики, ибо это единственный возможный путь реш іть указанную проблему средствами линейности. Говорить, как это делает Тепьер, о двухмерных «стеммах», которые предшествуют линейным схемам, и, кроме того, о двух формах речи вряд ли возможно, если учесть линейность речи. Концепция, согласно которой изучением «внутренней» формы занимается «синтаксис», а изучением внешней — традиционная «морфология», представляет собой личное произвольное мнение Теньера. Всякое лингвистическое исследование («синтаксичес-«морфологическое», даже фонетическое) должно основываться на линейном характере означающего. Все, что представляется в «вертикальном» плане [ассоциативные ряды, «склонения», «спряжения», «парадигмы», лексика, схемы и стеммы и, наконец, язык (la langue) в соссюровском смысле], является лищь построением ученых, подобно, например, периодической системе элементов или классификации в зоологии (природные реалии никогда не располагаются согласно этим системам). Синтагматическая теория не может придерживаться традиционных «синтаксиса» и «морфологии», ибо она полностью от них отказывается. Но для нас еще менее приемлемой является дуалистическая и менталистическая концепция Теньера. Послединй, однако, прав, утверждая, что «синтаксис» не зависит от «морфологии»: строение синтагм не связано с «морфологизацией» их элементов (свидетельством этому могут служить языки, в которых отсутствует именная и глагольная «морфология», но наличествуют синтагмы).

Теньер прав, упрекая младограмматиков в пренебрежении «синтаксисом». Всячески выдвигая на первый план факты эволюции, последние уделяли очень мало внимания динамике слова (рагоle) или, по нашей терминологии, дискурсивной синтагматике. С другой стороны, они разработали многие проблемы той дисциплины, которую мы называем диахронической синтагматикой. Мысли младограмматиков в этой области после проверки могут оказаться очень полезными для синтагмати-

ческой теории.

Глава 16 — «Морфологические ,,отмечающие" (marquants)»

Теньер усложняет лингвистическую номенклатуру, вводя термины «выражаемое», «выражающее», «отмечающее» вместо уже известных в лингвистике «означаемое», «означающее», «знак». Неясно, почему отношение означаемого к означающему должно отличаться от отношения означающего к означаемому: в том и в другом случае речь идет о присущем знаку отношении, выявляющем ценность (значимость) знака (ср. CLG, passim). Если соссюровские категории могут быть подвержены критике с определенной точки зрения, то категории Теньера вызывают еще больше возражений, ибо между ними не существует рационального соотношения.

По Теньеру, морфология — это изучение «отмечающих», т. е. изолированных автоматизованных знаков речевой цепи. В самом деле, эти знаки отличаются своей «фонстической оболочкой», своим местом в речевой цепи (или, другими словами, в дискурсивной синтагме), своим сцеплением в пределах синтагмы, своими семиологическими ценностями (значимостями). Но что здесь сложного? Было бы неправильно утверждать, что особенности знаков изучаются одной дишь наукой, произвольно названной «морфологией». Фонетическая оболочка знаков изучается фонетикой, их размещение — синтагматикой, а их сцеиление — морфологией и фонетикой синтагмы.

Глава 17— «Нулевое отмечающее» иглава 18— «Интроспективный метод»

«Не все синтаксические факты всегда имеют морфологическое отмечающее». В самом деле, не все лингвистические ценности (значимости) реализуются в речевой цепи. Когда в последней ни один знак не служит выражением ценности (значимости), которая тем не менее имплицитно наличествует в нем и необходима для понимания синтагмы, то мы говорим о нулевом знаке. Для обнаружения нулевого знака и его значимости Теньер прибегает к интроспективному методу. Однако он впадает в ощибку: его интроспекция - это иллюзия, ибо нулевой знак доступен изучению только через посредство позитивного знака той же ценности (значимости), который эксилицитно наличествует в другой синтагме того же порядка. Именно наличие функциональных позитивных экспонентов во всех случаях (кроме род. падежа мн. числа жен) дает нам возможность заключить о существовании нулевого экспонента в этом примере (см. CLG, 124). Так называемый интроспективный анализ «мыслей» является не чем иным, как лингвистическим анализом.

Глава 19— «Структура и функция», глава 20— «Различение структуры и смысла» и глава 21— «Соотношение структуры и смысла»

Всем этим трем главам мы противопоставляем свою синтагматическую иерархи-

ческую, функциональную, структуральную, семиологическую и формальную схему, которая излагается в PPD и в «Трудах лингвистического симпозиума», состоявшегося в Эрфурте в 1959 г. (в печати). В этой схеме реализуются максимум и оптимум единства и взаимозависимости (специализованных синтагматических) функций (синтагматических) структур и лингвистических ценностей (значимостей).

Глава 22 — «Ядро (Le nucléus)»

Теньер без надобности усложияет структуральную теорию, вводя для обозначения синтагмы множество «узел» терминов: (noeud), «центр», «ядро», «связь». Он употребляет разные термины для обозначения малой синтагмы и большой синтагмы (по нашей терминологии) и тем самым затушевывает структуральное синтагматическое единство речи. По Теньеру, ядро — это «...элементарное синтаксическое единство, основной материал структурального костяка фразы и в какой-то мере составляющая ячейка фразы, превращающая ее в живой организм».

Если отбросить излишние усложнения, то здесь имеется в виду то же самое, что мы обозначаем термином «синтагма». Теньер утверждает, что «ядро» - это «микроскопическое "разрастание" (grossissement) структуры, имеющей с внещней стороны вид простого,,узла"»; синтагматическая теория, пользуясь простой единой терминологией, изучает указанное «разрастание» на основе принципа сцепления, пе нарушающего концепции линейности, монизма, структурального синтагматического единства речи. Зачем называть «узлом» (noeud) малую синтагму, а «ядром» (nucléus) большую? Какой бы ученой ни была терминология, она никак не может способствовать прогрессу теории.

Глава 23 — «Диссоциированное ядро»

Откровенно говоря, трудно понять, почему Теньер применяет такое обилие терминов. Кроме тех, о которых мы уже упоминали, он вводит еще «структуральный «семантический узел», «верхнее ядро» (и, очевидно, «нижнее»), «структуральный центр», «семантический центр», «нодальная функция», «структуральная функция», «семантическая функция» и т. д. Согласно синтагматической теории и ее нерархической схеме, каждая функциональная (специализованная синтагматическая) пара, начиная с аналитического (дикто-модальной синтагмы), определяет структуру из двух функционально дополняющих друг друга элементов, которые образуют формальные классы элементов с их семиологическими ценностями (значимостями). Последние в свою очередь определяются на основе структур, а структуры — на основе функций. Функции, структуры, ценности (значимости) «солидарны» между собой и относятся друг к другу как звенья иерархии, начиная от аналитического высказывания и кончая высказыванием как единством словесного повеления.

Теньер называет «диссоциированным ядром» синтагму, в которой структуральная и семантическая функции не обязательно выполняются одним и тем же «словом». В высказывании Alfred est arrivé «выстее ядро» — est arrivé; est обеспечивает наличие структуральной функции, а arrivé наличие семантической. Не проще ли сказать, что est arrivé является актуализирующей вербальной синтагмой, в которой est — отождествляющий элемент (ибо он окружен актуализующими определителями), а arrivé — дифференцирующий, ибо он несет смысловую нагрузку. Структуральная и семантическая функции обеспечиваются как двумя знаками, так и всем целым (синтагмой), как «семантемами», так и «морфемами». Различными обходными путями Теньер приходит к тому же выводу, что и представители синтагматической теории: структуры можно изучать лишь в той мере, в какой за автоматизованными знаками различают «ядра» (= синтагмы).

Глава 24 — «Категории»

Л. Теньер хочет объяснить категории на основе априорных менталистических методов: за «грамматическими категориями» кроются «мыслительные категории», с помощью которых «человеческий дух познает мир». Теньеру, кажется, неизвестно противоположное мнение, согласно которому образ («мысли»), возникающий у нас об окружающем мире, обусловлен речью, и именно посредством лингвистического выражения у нас создается Weltbild. Утверждение о том, что одинаковые психологические и логические процессы являются общими для всех людей «независимо от их языка», слишком рискованно. Напротив, нам представляется, что имеется столько же «логик», сколько лингвистических систем, ибо эти «логики» являются продуктом речи и только речи.

Согласно синтагматической теории, «грамматические категории» определяются исрархической синтагматической схемой: они представляют собой основной синтагматический формализм наших языков. Кроме функций, структур, значимостей, схема определяет также «лексические» категории (имена, прилагательные, глаголы и т. д.). Это — категории автоматизованных знаков, употребляемых в определенных специализованных синтагматических функциях. Dominus является именем потому, что семантема domin- автоматизована в функции отождествляющего элемента диктальной синтагмы (= «подлежащего»), и именно эта функция отмечается функциональным и категориальным экспонентом

Мы уже говорили о солидарности функций, структур, значимостей, формальных показателей. При этом не может быть функционального плана, который не солидаризируется с «семантическим» и со «структуральным» планом.

Глава 25 — «Категории и функции»

Теньер прав, говоря, что категории являются статичными и инертными: они представляют собой как бы «осадки» (résidu) функций. Ассоциативно объединяя гомофункциональные, с синтагматической точки зрения, знаки, они принадлежат к ассоциативному плану речи. Этот план существует только в функции синтагматического функционализма, ибо только в этом состоит raison d'être указанного плана.

А. Мейе, которого цитирует Теньер, совершенно справедливо говорил, что функции остаются более или менее идентичными, в то время как категории значительно отличаются в разных языках. Во всех языках мира имеются функциональные категории высказывания, модуса, диктума, выражения пространственных и временных категорий (все они, кроме высказываний, представляют собой специализованные синтагматические функции), хотя не во всех языках обязательно наличествуют имена, глаголы и т. д. как лексические категории. Дело в том, что все живые существа реагируют на стимулы, а человек может вербализовать стимулы и реакции, делые дуги рефлексов, физические явления. Именно эти внелингвистические категории обусловливают функции и универсальные лингвистические структуры, а через посредство этих последних и лингвистические формальные показатели, частью которых являются и «лексические категории». Однако формальные показатели могут меняться от одного языка к другому или от одного состояния языка к другому, в то время как функции остаются универсальпыми,

Теньер называет «статическим синтаксисом» изучение категорий. Согласно нашей теории, такое изучение должно производиться на основе теории ассоциаций (парадигматики). Динамический синтаксис Теньера, в нашем понимании, представляет собой дискурсивную синтагматику. Само собой разумеется, что изучение ассоциативных систем невозможно без учета функций знаков в дискурсивных синтагмах.

Глава 26 — «Статический и динамический порядок»

Действительно, можно классифициролингвистические факты в этих двух отношениях. Преимущество понятия «статический порядок» заключается лишь в том, что оно весьма удачно согласуется с понятием «динамический порядок», которое является отправным пунктом всякого лингвистического исследования. Интерференция этих двух порядков могла бы быть использована при обучении языкам в тех случаях, когда для каждого языка будут установлены синтагматические типы со всеми формальными показателями и соответствующими средствами синтагматического сцепления. Если Теньер предусматривает «стемматический» структуральный метод, синтагматическая теория, наоборот, предусматривает синтагматический структуральный метод обучения языкам.

Глава 27 — «Традиционные виды слов»

Утверждение Теньера о том, что десять традиционных видов слов выводятся путем «бесплодного и смутного эмпиризма», а не на основе «точной и плодотворной доктрины», совершенно правильно и не требует проверки. Их классификация основывается на различных критериях. Рациональная классификация требует использования лишь одного критерия; в случаях же, когда этот критерий становится неприемлемым, можно провести подразделение слов на основе менее важных критериев.

Традицпонная классификация является непосредственным преемником доатомической классификации элементов, согласно которой прежде чем найти один основной критерий, исключающий другие или уменьшающий их значение, применялся целый ряд второстепенных критериев. Необходимо установить характер этого основ ного критерия в отношении лингвистических знаков.

Иерархическая синтагматическая схема дает возможность определить структуры и их элементы на основе специализованных синтагматических функций. Таким образом, главным критерием является здесь специализованный синтагматический функционализм, ибо внутри этого последнего развились формальные категории знаков: имя «нарицательное» обязательно входит в именную актуализирующую синтагму в качестве дифференцирующего артикль входит в эту синтагму в качестве отождествляющего элемента; прилагательное обязательно выступает в роли дифференцирующего элемента именной характеризующей синтагмы, глагол— в качестве дифференцирующего элемента диктальной синтагмы и т. д. Каждая из этих функций имеет свои показатели, которые мы будем называть функциональными экспонентами (они соответствуют некоторым «пустым словам», по Теньеру).

Глава 28— «,,Полные" и ,,пустые" слова», глава 29— «Основные и вспомогательные слова» и глава 30— «Изменяемые и неизменяемые слова»

В духе мандаринской грамматики Теньер называет «полные слова» семантемами, а «пустые слова» — морфемами (в смысле, который придавал этому слову Вандриес). Семантемы — это знаки, имеющие ясно выраженное значение, поддающиеся подразделению на значимые ассоциативные микросистемы. Морфемы — это знаки без определенного значения; с исторической точки зрения, морфемы - это семантемы, лишившиеся своего значения. Почти так же обстоит дело и с «вспомогательными словами»; «основные слова» представляют собой просто семантемы. Деиктики — это также знаки, имеющие определенное значение, однако значение определяется здесь несколько иначе, чем в «семантемах». По нашему мнению, «морфемы», или «вспомогательные слова», могут быть либо актуализаторами (как -èrent в chantèrent), либо функциональными экспонентами (как -er в chanter или -us в dontinus). Синтагматическая теория не нуждается ни в какой другой категории знаков. Нам представляется, что «сложное слово» — это семантема, образующая синтагму (определенного типа) с экспонентом или актуализатором.

Синтагматическая теория не видит необходимости специально различать изучение «категориального» или «статического» синтаксиса и «функционального» или «динамического» синтаксиса. «Категориальный синтаксис» является просто функциональной синтагматикой, при которой экспоненты присоединяются посредством агглютинации к автоматизованным знакам. Наконец, «изменяемые слова» представляют собой знаки с функциональными экспонентами или с подвижными актуализаторами. В нашей теории все сводится к одному простому принципу.

Глава 31 — «Полные слова»

По Теньеру, «полные слова» — это такие, которые «непосредственно выражают мысль». Этому «определению» «полных слов» мы противопоставляем нашу интерпретацию, согласно которой «мысли» представляют собой лишь значения дискурсивных лингвистических структур, лишенных означающих.

Оба «вида мыслей» (частные и общие) при окончательном анализе оказываются соответственно лишь «частными» или конкретными знаками и общими или абстрактными знаками; последние не применяются при описании конкретных ситуаций (или считаемых таковыми); «понятие» -- это не что пное, как значение абстрактного знака, который посредством актуализации может превратиться в знак конкретной данности (ср., например, cheval наряду с се cheval и le cheval и т. д.). Обратимся к другим категориям. Теньера. Частное полное слово «выражает одновременно частную мысль и общую категорию, которая дает возможность понять эту мысль; здесь налицо одновременно семантическое содержание и категориальное содержание: che-

По нашему мнению, cheval является абстрактным знаком, «class-noun», как его называют современные логики (которые больше уже не говорят о «мыслях» и «понятиях»). Это — категориальный знак («имя»), ибо он вместе с актуализатором входит в категориальную синтагму (в именную актуализирующую синтагму). См. выше наши замечания о dominus.

«Общие полные слова» Теньера выражают лишь общую категорию, которая позволяет уловить определенную мысль, не выражая ее. В этих случаях мы говорим о деиктиках. Последние представляют собой конкретные знаки, ибо они всегда применяются в отношении конкретных представлений, которые придают им значение. Са-

ми по себе они обладают довольно ограниченным значением, явно недостаточным для того, чтобы охватить все конкретные означаемые определенного класса.

Глава 32 — «Виды полных слов»

Сюда относятся, по Теньеру, с одной стороны, «существительные» и глаголы, с другой — прилагательные и наречия. Первые - «конкретны», а вторые - «абстрактны». Исходя совсем из других позиций, мы разлагаем выражение физического явления на выражения пространственной и временной данности, которые должным образом определяются третьим уровнем иерархической синтагматической схемы (уровень конкретных знаков). Наречие и прилагательное (вместе с другими абстрактными знаками, в том числе с именами нарицательными и виртуальными глаголами) определяются четвертым уровнем, представляющим собой уровень абстрактных знаков. Отметим, что в нашей интерпретации «конкретный» означает «определенный», а «абстрактный» — «неопределенный в пространстве и во времени»: le cheval, ses chevaux... se sont cassé les pieds,... savent danser и т. д. представляют собой конкретные знаки, a cheval, savoir, casser, pieds абстрактные знаки. Конкретными знаками в равной степени являются деиктики, имена собственные и, как мы видели, актуализирующие именные синтагмы. Наречия и прилагательные можно считать абстрактными знаками, ибо они обозначают абстракцию конкретных пространственных и временных представлений.

В отношении стемм un dîner léger и il dîne légèrement отметим, что первая из них является актуализирующей именной синтагмой, а вторая — диктальной синтагмой, более крупной, чем первая.

Глава 33 — «Символы и виртуальная фраза»

Символам Теньера мы противопоставляем те, которые использовали в PPD. «Виртуальная фраза» Теньера, по нашему мнению, представляет собой «пустую» диктальную синтагматическую схему, в которой «пустые места» оставлены для заполнения элементами. Классическая схема «подлежащее — сказуемое» (id est: подлежащее × сказуемое), установленная многие тысячи лет тому назад, с некоторыми ограничениями сохраняет свою силу в синтагматической теории (Теньер не принимает этой схемы).

Стеммам и символам Теньера мы противопоставляем следующие формулы:

votre jeune cousine chante délicieusement = a b c d e $\{[(a \cdot b) \cdot c] \cdot (d \cdot e)\},$

где $a \cdot b =$ синтагматизированному актуализатору, $[(a \cdot b) \cdot c] =$ актуализирующей именной синтагме, $(d \cdot e) =$ вербальной характеризующей синтагме, и все вместе =

диктальной синтагме. Так же обстоит дело в высказывании Cette vieille sorcière louche affreusement. Отметим, что анализ подобного рода носит еще слишком предварительный и поверхностный характер.

Глава 34 — «Существительное»

Под термином «существительное» Теньер понимает то же, что мы понимаем под «выражением пространственной данности». По этому вопросу мы отсылаем читателя к PPD.

Глава 35 — «Прилагательное»

Согласно Теньеру, прилагательное — это любой знак, который присоединяется к «существительному». Теньер понимает этот термин в этимологическом смысле и различает общие (tel, mon) и частные (blanc) прилагательные. С нашей точки зрения, blanc является непосредственным характеризующим, tel — косвенным характеризующим и mon — косвенным локализатором (см. PPD).

Глава 36 — «Глагол»

Теньер придерживается традиционного подразделения глаголов на глаголы состояния, глаголы действия, а также транзитивные и интранзитивные. Синтагматическая теория может уже и сейчас установить конструкционные вербальные синтагмы («транзитивные»), актуализирующие вербальные синтагмы и вербальные смещения. Конструкционные (управляющие) вербальные синтагмы могут быть либо простыми (aimer quelqu'un, где quelqu'un является дифференцирующим элементом), либо синтагматизированными. Например, во фразе: avoir besoin de — besoin является близким автоматизованным дифференцирующим элементом, а de... — дистантным дискурсивным (заменимым) дифференцирующим элементом. Структура этого глагола следующая:

$$\begin{array}{ccc} & \mathbf{3O_2} & \mathbf{3}\underline{\Pi}_2 \\ avoir & besoin & de \\ \mathbf{3O_1} & \mathbf{3}\underline{\Pi}_1 \end{array}$$

Это — структура «виртуального» глагола и в то же время схема определенного диктального типа. Этот глагол должен быть актуализирован и может выполнять функцию дифференцирующего элемента диктальной синтагмы:

Глава 37 — «Наречие»

Наречия являются вербальными характеризующими, квантификаторами и локализаторами. Они соответствуют аналогичным именным категориям (именному характеризующему квантификатору, ло-

кализатору). Локализация происходит здесь «во времени», измеряемом по отношению к говорящему субъекту.

Тонкий апализ наречия, даваемый Теньером, без сомнения сможет быть с успехом использован всеми теми, кто запимается выражением временной данности явления и вербальными актуализирующими синтагмами.

Это — слова-орудия и «морфемы». Первые, по Теньеру, служат для того, чтобы «разнообразить структуру фразы»: это — «связки». С нашей точки зрения, «связки» разнообразят структуру элементов синтагмы и обогащают их количественно. В самом деле, сочинение (координация) представляет собой способ объединения гомофункциональных знаков (см. об этом мои работы). Пример Теньера анализируется следующим образом:

где ∂J_2 является сложным по координации, ибо он состоит из двух гомофункциональных элементов, объединенных «связкой», т. е. сочинительным союзом.

Другие «пустые слова» модифицируют знаки качественно, т. е. с точки зрения их функции. По Теньеру, это «сместители» (translatifs), а по Балли (LGLF², passim)—«транспозиторы» (transpositeurs).

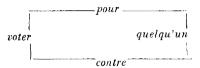
Глава 40 — «Сместители»

В данной главе Теньер впервые поднимает широкую тему, которой он впоследствии псевящает около 300 страниц своей кипги (стр. 361—626). Это обусловлено тем, что область транспозиции настолько огромна, что инкто ло Теньера не мог дать полного ее обозрения. При небольших изменениях в отношении общей теории транспозиции мы надеемся, что основные мысли Теньера в исследуемой области с усисхом смогут быть использованы при синтагматическом описании языков.

Общую теорию транспозиции можно найти у Ш. Балли (LGLF², §§ 179 и passim), который установил важные законы транспозиции, принятые нами почти без изменения. Теньер занялся деталями, чем значительно обогатил теорию Балли.

Приведем некоторые различия между двумя теориями. «Смещение», т. е. транспозитор, не всегда является «пустым словом», как считает Теньер. Наряду с чистыми (асемантическими) транспозиторами de.., à («место после глагола», «место после имени») в s'occuper de.., penser à, Paul bat Pierre, Tour Eiffel и т. д. имеются лексикализованные транспозито-

ры: большинство предлогов являются «нечистыми» транспозиторами, ибо они не только смещают транспонент, придавая ему новую функцию, но и сообщают ему новое значение; ср.:

Теньер прав, считая, что «смещения» являются «внутриядерными» (а не «межъядерными»), т. е. они не являются Beziehungsexponente (словами-орудиями, соединяющими «слова»). Они являются экспонентами функций. В самом деле, в примере liber Petri знак-генитив -i служит не для того, чтобы соединять liber и Petri, а пля того, чтобы указывать на функцию Petrus (в данном случае на функцию дифференцирующего элемента именной синтагмы). В грамматике никогда не было отмечено общности функций «подчинительных союзов», «предлогов», «относительных местоимений», различных «суффиксов» и «префиксов» (смещение транспонируемого элемента и придание ему новой функции). Что касается транспозиции, то я отсылаю читателя к моим работам, где я развил теорию Балли, интерпретируя явления транспозиции на основе функционального

Транспозиция является синтагматическим процессом (как это показал Балли), характеризующимся наличием транспозитора. Как и всякий другой знак, транспозитор может быть нулем. Теньер, разбирая пример Tour Eiffel, не замечает, что транспозитор здесь не является нулем, а состоит просто в постпозиции Eiffel. В Tour d'Eiffel транспозитором являются... de... и постпозиция, однако синтагма здесь имеет другую значимость. Это — именная синтагма косвенной локализации (см. PPD).

 Γ лава 41 — «Показатели (Les indices)»

«Показатели» Теньера представляют собой знаки, которые мы называем вместе с Балли актуализаторами (именными или вербальными). Функция их состоит в том, чтобы переводить абстрактные знаки в конкретные (см. РРД). Английский знак love (имя? глагол?) актуализируется посредством the, когда он является именем, и посредством I, когда он является глаголом. Правда, актуализаторы определяют таким образом функцию виртуального знака, который функционально определяется не сразу (ср. также le bleu, где le, очевидно, является чистым транспозитором прилагательного в имя), но эта роль актуализаторов явдяется вспомогательной. Основной ролью *le* является здесь своего рода локализация пространственного представления «в пространстве», а основной ролью І — локализация в пространстве процесса (временного представления), конкретизация виртуального процесса таким образом, чтобы его можно было применять к пространственным явлениям.

Глава 42 — «Анафора»

Теньер определяет анафору как «дополнительную семантическую связь, которой не соответствует никакая структуральная связь». В Alired aime son père анафорическое son находится в «связи» не только с père (где имеется «структуральная связь»), но также и с Alired («семантическая и структуральная дополнительная связь»).

С нашей точки зрения, son здесь является просто косвенным локализатором, определяющим пространственное представление — père в пространстве по отношению к другому пространственному явлению (Alfred). Ср. Alfred aime ton père (где нет «дополнительной связки»). Анафора — это лингвистическое явление, которое Брюно называет репрезентацией (см. его «La pensée et la langue», Paris, 1922, стр. 170 и сл.). Теорпя Брюно была дополнена Балли (LGLF³, 125 и сл.).

Глава 43 — «Анафорические элементы»

Мы попытались дать описание теории имен собственных, актуализирующих именных синтагм и деиктиков в РРД. Все эти три класса знаков являются выражением пространственного представления явлений: последнее же может быть вербализовано как первым, так и вторым и третьим из указанных классов (ср. Napoléon Bonaparte, ce monstre, lui). Функционально идентичные, эти три класса знаков должны различаться другими чертами: значением и формальным наличием или отсутствием актуализатора. С этой точки зрения, деиктики Балли диаметрально противоположны именам собственным. Основное для имен собственных — это значение (близкое к бесконечности), а актуализирующий (локализирующий) определитель формально сводится к нулю. В отношении деиктиков мы имеем дело с противоположным случаем: ассоциативное значение сведено к минимуму (оно близко к нулю), а актуализирующий (локализирующий) определитель является основным. Актуализирующая именная синтагма состоит из двух элементов: она всегда включает в себя значимый знак (= имя нарицательное) и актуализирующий знак.

В свете этого определения деиктики (анафорические элементы) не являются совершенно «пустыми словами», как утверждает Теньер. Значение в них не сведено к нулю. С точки зрения ассоциации, наличие значения является крайним случаем (лицо мужского или женского рода: lui, elle; «предмет»: ça и т. д.). Значение становится практически «пеистощимым», если деиктик применяется по отношению к конкретному представлению («во фразе»).

Наша классификация деиктиков основана на теории актуализации, в которой различаются три актуализирующих определителя (детерминанта): локализация, квантификация и актуализирующее значение. Деиктик может быть глобальным (moi, lui) или специализованным. Если он является специализованным, то его

РЕЦЕНЗИИ

сущность состоит либо в локализации (непосредственной: celui-là, косвенной: le sien, le vôtre), либо в квантификации (tous, quelques-uns), либо в сообщении определенного значения (certains, les mêmes).

«Анафорические прилагательные» Теньера, по нашей терминологии, являются именными актуализаторами, которые могут быть либо глобальными (артикли), либо специализованными. Основная функция локализаторов — подчеркивать локализацию (се... ci, ton...), а квантификаторов — подчеркивать качественную сторону (количественные числительные; beaucoup de..., trop de... и т. д.). Основная функция характеризующих — сообщение значения. Актуализаторы исторически развиваются из деиктик, точно так же как имена нарицательные, с исторической точки зрения, развиваются из имен собственных.

Между именами собственными, именными актуализирующими синтагмами и деиктиками имеются многочисленные исторические переходы, подобно тому как между именами собственными и нарицательными, с одной стороны, и деиктиками и актуализаторами — с другой. В РРО мы попытались определить все эти знаки на основе единого ассоциативного ряда.

«Отпосительные местоимения» требуют специального определения. Это — знаки, которые объединяют в себе значимость деиктика и транспозитора (см. об этом ниже). Отметим еще, что «притяжательные местоимения и прилагательные», с нашей точки зрения, представляют собой деиктики и актуализаторы, основная функция которых состоит не в подчеркивании притяжательности, а в косвенной локализации (см. PPD).

Глава 44 — «Метод сложных слов»

Под методом «сложных слов» Теньер понимает почти то же самое, что американские лингвисты понимают под коммутацией. Примеры, которые приводит Тепьер, могут представить особый интерес для славистов. Согласно Теньеру, оппозиция разsé simple/imparfait не является видовой, как это кажется славянам, ибо даже глагол durer можно поставить в passé simple, т. е. этот глагол совместим с пустым элементом -a (la guerre dura quatre ans); пустой элемент $-\grave{e} \; (= \; ait)$, таким образом, не выdажает значения длительности. Ha основе коммутативного метода Теньер заключает, что элемент -е имеет значимость сосуществования, привычки, а не длительности или повторения (в самом деле, можно сказать: il répéta cent fois la même chose). Теньер признает, что коммутативный метод более предпочтителен, чем интроспективный.

Глава 45 — «Слова-фразы»

Перечисляя различия «частей речи», Теньер в этой главе занимается исследованием того, что мы называем синтетическими высказываниями. Он считает их не «словами», а «фразами». В самом деле,

именно такие высказывания, с синтагматической точки зрения, не развертываются ни в модусе, ни в диктуме. Теньер прав, говоря, что эти высказывания не поддаются структуральному анализу, что они приближаются к знакам примитивного языка и являются функциональными эквивалентами упорядоченных высказываний. Наличие их в синтагматически развитых языках объясняется наличием «активной» речи (см. J. Vendryes, Le langage, Paris, 1939. стр. 162), «вмешательство» которой необходимо во всякой ситуации, требующей быстрой, мгновенной аффективной реакции. Синтетические высказывания являются стилистическими эквивалентами аналитических высказываний, применимых к тем же ситуациям. Они создаются в речи (как об этом говорит Теньер) с возникновением более или менее распространенных рудиментарных высказываний (aie — aiuta и т. д.), откуда видна их функциональная необходимость.

Характер этих высказываний очень различен. Наряду с «междометиями» сюда входят повелительное наклонение, вокатив п другие понятийные знаки. Сюда же попадают и некоторые «наречия», например оиі, поп, peut-être (как говорит Тепьер) и, паконец, ономатопеистические элементы.

Глава 46 — «Классификация слов-фраз»

Наша классификация этих высказываний может исходить только из определения высказывания дикто-модальной синтагмы. Согласно этому определению, «слово-фраза» является имилицитной дикто-модальной синтагмой. Это устанавливается не только на основе «интроспективного» анализа, по и на основе возможности заменить всякое синтетическое высказывание аналитическим гомосемантическим высказыванием: $aie = j'ai \ mal$.

Так как всякое высказывание содержит диктум и модус, то в нем может преобладать либо один, либо другой из этих элементов (или в нем могут эксплицитно сочетаться оба указанных элемента). Так, существуют синтетические высказывания, в которых превалирует модус (это — междометик: аїе, оизtе, оћ, hélas и т. д.), а имеются и такие, в которых превалирует диктум (= выражение явления-стимула); сюда же относятся ономатопенстические элементы (boum, pif-paf и т. д.). Встречаются, наконец, высказывания с сокращенным диктумом (императив, вокатив, краткие ответы в диалоге). В этом плане классификация слов-фраз, даваемая Теньером, беа сомнения, может оказаться полезной.

Глава 47 — «Виды фраз»

Выше была показана неточность определения Теньером понятия «фразы». Здесь это понятие становится еще более туманным, ибо не совсем ясно, чем оно отличается от понятия «узла». Укажем, что вербальный узел («фраза»), с нашей точки зрения, представляет собой диктальную синтагму, ибо в ней объединяется выраже-

ние пространственного и именного представления. Необходимо также указать, что субстантивальный узел (субстантивальная фраза), по нашей терминологии, является актуализирующей именной синтагмой (см. выше). Адъективальный узел (адъективальная фраза) представляет собой синтагму, в которой придагательное-это отожествляющий элемент, а его модификатор — дифференцирующий элемент. Адвербиальный узел (адвербиальная фраза) — это синтагма. элементами которой являются наречие и его модификатор. Эти два последних синтагматических типа являются синтагматизированными характеризующими имен и глаголов. Теньер не замечает пикакой нерархии между этими двумя типами «фраз», или «узлов». Непонятно, например, в каком отношении находится адвербиальная фраза с «вербальной», хотя нельзя не признать, что эта последняя наиболее часто встречается в европейских языках. В перечисленных Теньером «фразах» мы не находим таких, которые бы соответствовали нашим модальным синтагмам, актуализирующим вербальным синтагмам, синтагматизированным именам собственным, синтагматизированным деиктикам и т. д. т. д.

Резюмируя наш обзор, следует указать, что основным недостатком в синтаксисе Теньера является главным образом произвольный ацализ выражения явлений. Этот анализ не дает возможности считать традиционную концепцию tabula rasa или цайти новые отправные пункты исследова-

ния. Грамматисты древности совершенно сознательно выдвигали схему «подлежащее — сказуемое» как основную схему этого выражения. Мы видим в определении явления (— пространственно-временной непрерывности) убедительное доказательство правильности этого анализа, согласно которому подлежащее становится выражением пространственного представления, а сказуемое — выражением временного представления. Если бы Теньер принял эту схему, его анализ отдельных деталей сам по себе поддавался бы синтагматическому («ядерному», или «связочному») анализу.

Несомненно, многие из проведенных Тепьером систем анализов принесут определенную пользу синтагматической теории в той мере, в которой они соответствуют синтагматической иерархии, установленной в PPD. То же относится и к той части книги, где речь идет о структуре простой фразы: здесь содержится много наблюдений, которые могут быть использованы в нашей теории диктума (диктальной синтагмы), даже если пе прпнимать основных положений анализа. Синтагматическая теория может почерпнуть много полезных сведений в выдвинутой Теньером теории вопросов и отрицания (положения о вопросительной дикто-модальной синтагме); в теории валентности полезными могут оказаться наблюдения о структуре «преди-

Р. Ф. Микуш Перевел с французского М. М. Макосский

О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древпейших терминов общественного строя. — М., Изд-во АН СССР, 1959. 211 стр. (Иптелавяноведения АН СССР).

Книга О. Н. Трубачева представляет собой обстоятельное и оригинальное этимологическое исследование. Последнее вренередко обращаются к мя лингвисты рассмотрению отдельных предметно-синонимических групп (работы о названиях растений В. Махка, птиц — Л. А. Булаховского, отрезков времени - Г. Якобсона и т. д.) 1. Книга О. Н. Трубачева выделяется своей библиографической скрупулезпостью и полнотой историко-лингвистического анадиза. В ней собран и обобщен большой лингвистический материал, нередко встречаемый в источниках, далеких по своему основному содержанию от избранной темы.

О. Н. Трубачев формулирует свои задачи следующим образом; «... в материальном

отношении основные славянские названия являются непрерывным продолжением тех индоевропейских, которые порождены древнейшей эпохой. Закономерно поэтому предположить наличие у них соответствуюмагериальных, структурных следов и возможных семантических пережитков. Выявлять эти следы помогает этимологическое исследование. В этом нужно усматривать наиболее интересную и значительную задачу истории славянских терминов родства» (стр. 14-15). И в другом месте: «Исследование данной группы лексики тем более целесообразно, что оно поможет сформулировать выводы, небезынтересные для истории общественного развития даже в том случае, если они явятся всего лишь подтверждением данных, уже добытых историческим исследованием» (стр. 16—17).

Работа О. Н. Трубачева содержит в себе три главы, каждая из которых распадается на ряд этимологических этюдов, посвященных отдельным словам или предметно-синонимическим группам. Несмотря на фрагментарность материала, которая усугубляется также введением ряда попутных этимологий (*wība, kobieta, *vorgъ, *starъ, * starosta, * panoji, * xolpъ и др.), основ-

¹ Высказываются также соображения о создании таких этимологических словарей, в которых словесный материал был бы распределен по предметно-синонимическим групнам (как в словарях Ф. Дорнзайфа, П. Роже, Х. Касареса и др.). См. по этому поводу V. Р о I á k, Nad novými etymologickými slovniky slovanskými, «Rocznik slawistyczny», t. XVIII, cz. 1, 1956, стр. 27.

ная целенаправленность исследования ясно прослеживается на протяжении всей книги. Эта целенаправленность выражается прежде всего в том, что автор вслед за Дж. Томсоном, А. В. Исаченко и др., опираясь на факты языка, отстаивает первичность матриархата у индоевропейцев. Обоснованная в книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», эта концепция до самого последнего времени не интерпретировалась с позиций материалистического языкознания. О. Н. Трубачеву принадлежит несомиенная заслуга подобного рода интерпретации с привлечением многочисленных языковых фактов. При этом автор подвергает детальному анализу взгляды представителей школы «индоевропейских древностей» и убедительно полемизирует с ними.

В своем исследовании О. Н. Трубачев исходит из того, что хотя славянские термины родства и оформились значительно позже эпохи родового строя и группового брака, они дают достаточно надежные косвенные данные в пользу первичности матриархата у индоевропейцев. Терминология родственных отношений в осповном сложилась в индоевропейском языке, и тем характернее славянские пововведении (названия мачехи, отчима, пасынка, падчерицы), появление которых в условиях группового брака было невозможным.

Первая глава исследования О. Н. Трубачева посвящена терминам кровного родства. Рассмотрев попытки этимологизации и.-е.* $p \partial t \tilde{e} r$, автор выступает против утверждения А. Мейе об отсутствии отражения индоевропейского архетипа в славянском. О. Н. Трубачеву, однако, не удается указать на сколько-нибудь убедительные примеры такого отражения. Зато обстоятельно и весьма убедительно освещается словообразовательная структура слав. * $otьcb \le att-iko$ -s, т. е. собственно «отцов». Последнее подтверждает сформулированное в начале исследования положение об общих закономерностях эволюции терминов родства в связи с деградацией родового строя. В условиях группового брака и.-е. * atta, конечно, не могло означать «отец» (родитель), а означало, по-видимому, «родоначальник». Для обозначения нового понятия «отец», появившегося в условиях распада родового строя, могло служить производное со зпачением притяжательности: * attikos.

В подразделе «Ребенок» наибольший интерес представляет раскрытие семантического развития слав. *огде (п.-е. * огда-). Исходя из вторичности возникновения рабства по отношению к эпохе родового строя, О. Н. Трубачев убедительно обосновывает следующую последовательность в семантическом ряду: 1) «маленький»>2) «раб». В подразделе «Сын» автор противопоставляет друг другу два индоевропейских термина: * sānus «рожденный (матерью)» и * рāt- «зачатый (отцом)» — и обосновывает большую древность первого, что также должно подкрепить концепцию о первичности матриархата у индоевропейцев.

Вторая глава, посвященная терминам свойственного родства, построена в том же плане и также распадается на ряд этимологических этюдов. В подразделе «Муж, мужчина» мы находим оригинальную и убедительно аргументированную этимологию слав. *lada < *aldhos (др.-англ. eldi «люди», гот. alds «жизнь» и т. д.) и далее к и.-е. * al- «расти». Принципиально важное значение имеет здесь также последовательно проведенная мысль о том, что термины кровного родства и термины свойства непосредственно связаны (наличие общего местоименного корня * sue-/* suo-). Это как нельзя лучше подтверждает отсутствие в условиях группового брака разграничения кровного и свойственного родства. Данное положение подкрепляется также этимологией слав. *tьstь «родители

жены» < * tek'- «рождать».

Третья глава, посвященная словам, в той или иной степени связанным с терминологией родства и терминами общественного строя, представляет наибольший интерес, прежде всего потому, что здесь сконцентрировано абсолютное большинство оригинальных этимологий автора (* zębnoti, * plemę, * obstjъ, * vorgъ и др.). Много новых и интереспых идей содержится также в разделах третьей главы: «1. К развитию значений "рождать(ся)" > "знать"» и «2. К проблеме образования названий частей тела».

Не рассматривая детально бесспорные положения книги либо те из этимологий автора, которые представляются вполне убедительными, остановимся в дальнейшем лишь на отдельных пдеях и этимологиях, вызывающих у нас сомнения.

О. Н. Трубачев относится скептически к возможностям этимологического исследования и.-е. * pater и * mater, хотя и не отрицает их полностью (стр. 15—16). В конечном счете он, так же как и большинство современных этимологов, приходит к выводу о первичности ра-ра, та-та, с той лишь разницей, что последние, по его мнению, относятся не к продуктам детского языкового творчества, а к «остаткам недифференцирующих терминов (стр. 197). При этом указанные первичные «недифференцирующие термины родства» отличались неразличением женского и мужского начала (греч. τέττα — о мужчине, слав. teta - о женщине, санскр. atta-о женщине, гот. atta — о мужчине и т. д.) (стр. 196),

Неразличение женского и мужского начала, по мнению автора, объясняется тем, что индоевропейцы древнейшего периода, подобно австралийскому племени аранта (по данным А. Соммерфельдта), не знали «природы продления рода» (стр. 197)². Таким образом, первичные слова типа ра-ра, та-та, оказываются, по мнению О. Н. Трубачева, носителями липь самого общего значения родства безотносительно к

² Нам думается, что весьма рискованные предположения некоторых авторов о незнании первобытными племенами Австралии и Меланезии природы продления

ступеням и полу. А так как мы не обнаруживаем никаких признаков этимологической связи этих слов с названием рода, то их значение оказывается и внеродовым. Можно ли представить себе такое абстрактное значение для слов индоевропейского праязыка древнейшего периода? Поиски нервичной внутренней формы слова бессмысленны, так как они всегда выводят за пределы данной языковой семьи, лищая исследователя возможности оперировать данными сравнительного языкознания. Но определение относительно древнейщего значения слова в пределах данной языковой семьи практически достижимо. Отказавщись от якобы первичных «недифференцирующих терминов родства» ра-ра, тата, следует вновь вернуться к попыткам этимологического решения $*pat\dot{e}r$, $t\dot{\bar{e}}r$, в реальности которых на индоевропейской почве никто не сомневается.

Термин $*m \ddot{a} t \bar{e} r$ представляется пам этимологически бэлее прозрачным. В слав. *matorъ «матерой», лат. matūrus «зрелый» О. Н. Трубачев видит только производные фэрмы, которые, быть может, «представляют один из следов положения женщины-матери в древности». Как нам кажется, здесь были упущены возможности дальнейшего этимологизирования. В последнее время В. Махек обратил внимание на вероятность генетической связи между слав. materěti и нем. modern 3. Он приводит следующий пример, в котором значение морав. mateřeti и нем. modern полностью совпадают: морав. zmateřele obili и нем. vermodertes Getreide «гнилое зерно». В этом случае, по мнению В. Махка, наблюдается закономерное семантическое развитие: «спелый» \to «переспелый» \to «гнилой» (о зерне). Ср. также др.-исл. тод, тода «грязь, болото», ср. н.-нем. modder «ил», англ. mud «грязь, ил» и т. д. Сравниван пем. modern со слав. *matorъ «матерой» и лат. matūrus «зрелый», В. Махек почему-то отказался от мысли о их генетическом родстве с и.-е. $*m\bar{a}t\bar{e}r$. Между тем можно с достаточной степенью вероятности предположить для и.-е. $*m\bar{a}t\bar{e}r$ первоначальное значение «плодоносящая земля». Ср. др.-инд. dadhāti «устанавли-

человеческого рода связаны с концепцией Л. Леви-Брюля, считавшего, что первобытный человек не способен логически заключать от причины к следствию. Мистическое объяснение акта зачатия совершенно не предполагает незнания реальных причин и является вторичным по сравнению с первичным практически усвоенным знанием. Убедительное объяснение этого можно найти в известной книге К. Мошиньского (см. К. Мо s z y ń s k i, Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii, Wrocław — Kraków — Warszawa, 1958, стр. 293, 556—557).

³ V. Machek, Slavisch-Germanische Wortpaare, ZfSlPh, Bd. XXIII, Hf. 1, 1954, стр. 117; см. также V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 288.

вает, создает, оплодотворяет», $dh\bar{a}tri$ «няня, мать, земля», $dh\bar{a}na$ «зерна, хлебные злаки, хлеб».

Мифологические представления древнейтей поры, как известно, характеризовались постояным соотношением: плодоносящая земля— оплодотворяющее небо
(дождь) 4. Поэтому такие ноздние образования как Juppiter и Дуцітур «небо-отец»
и «земли-мать» не противоречат тому, что
и.-е. *pətēr и *mātēr сами по себе могли
быть носителями этих значений. Об этом
наглядно свидетельствует др.-инд. mātar
(dualis) со значениями «родители», «земля
и небо».

Поскольку О. И. Трубачев вслед за И. Микколой и другими возводит слав. *stryjb к и.-е. pəter (ptr > ttr > str), здесь же необходимо остановиться и на этом вопросе. Автор книги считает этимологию П. Микколы надежной и оперирует ею в качестве важного аргумента против высказывания А. Мейе об отсутствии отражения и.-е. pəter в славянском. Однако формальная сторона перехода и.-е. pəter > слав. *stryjb (особенно появление начального s) представляется ряду лингвистов затруднительной.

Так, Х. Барич видел необходимость в конструировании промежуточной формы $*sm\text{-}ptr\bar{u}io\text{-}$ (см. стр. 81 работы О. Н. Трубачева), а совсем недавно В. Георгиев предложил контаминацию на славянской почве *tryjb $< *pətr\bar{u}-to-/$ и starbar tarbar t

4 В. И. Абаев (см. «Историко-этимологический словарь осетинского языка», т. І, М.— Л., 1958, стр. 72) приводит ряд примеров, иллюстрирующих тесную семантическую связь между понятиями «небо» и «облако», «дождь». Осет. arv «небо», курд. *awr* «облако», белудж. *naur* «дождь» т. д. Кроме того, В. И. Абаев сравнивает осет. az «год» с др.-нерс. $asm\bar{a}n$, др.-инд. ásman «небо». Общее значение — «благоприятное время года» (ср. слав. *pogoda). Ср. также приводимое у В. И. Абаева сообщение А. А. Бокарева (там же, стр. 95—96). Из многочисленных примеров, известных по данным мифологии, можно было бы указать на следующие: Ούρανός «бог-небо» и «благоприятная погода» — Γη «богиня-земля», Ζεός «богнебо» и Нра «богипя-земля» (относительно последнего см.: В. Георгиев, Исследопо сравнительно-историческому вания языкознанию, М., 1958, стр. 63). Др.-инд. Indra «бог-небо» (Juppiter pluvius, по Страбону) сравнивается со слав. *¡ędro «testiculus». См.: Н. Güntert, Der arische Weltkönig und Heiland, Halle ale), 1923, стр. 14; V. Machek, Essai comparatif sur la mythologie slave, RESI, XXIII, fasc. 1, 1947, crp. 51. 5 В. Георгиев, Въпроси на българ-

⁵ В. Георгиев, Въпроси на българската етимология, София, 1958, стр. 23. Приводимая также и у В. Георгиева ссылка на в.-луж. tryk представляет собой полнейшее недоразумение, которое по непонятным причинам кочует из одной ра-

этимологии И. Микколы заключается в том, что она предполагает очень сложные фонетические изменения без исторически зафиксированных промежуточных случаев. Поэтому нам представляется полезным вновь попытаться определить этимологию слав. *stryis путем ретроспективного анализа зафиксированных форм. Слав. *stryjь, несомненно, содержит напряженный ъ (на это указывает и О. Н. Трубачев). А значит, мы можем реконструировать: *streu-/*strou-/*stru-io, где-io — суффикс прилагательного. Ср. лат. struo «наслаивать, накапливать, создавать», struēs, struix «куча, множество», гот. strauwan «сыпать, сенть», др.-в.-нем. struinan «наживать, накоплять», др.-англ. streonan «наживать, рождать», strynd «поколение, род, племя». Таким образом, *stru-jo-s могло бы означать «тот, кто размножает».

общеславянское Рассматривая О. Н. Трубачев приходит к выводу о том, что «древнее заимствование из германского маловероятно, позднее заимствование тем более псключено» (стр. 43). Мы совершенно разделяем в данном случае точку зрения автора. Однако факты, на основании которых делаются эти выводы, не точны. О. Н. Трубачев полагает, что общегерманского *kinda не существовало. а реальным следует считать лишь др.-в.нем. chind. Отсюда автор заключает, что позднее (V-V1) вв. н. э.) заимствование дало бы славянское *sedo, а раннее не могло иметь места в силу отсутствия общегерманской формы. В действительсуществование общегерманского ности *kinda несомненно. На это указывают, кроме др.-в.-нем. chind «дити», др.-сакс. kind «дитя», еще и др.-исл. kind «дитя, материнский плод» (Sigrdrifumól, 9) (а не только «род, порода», что обычно приписывают древнеисландскому) и гот. kindins «наместник» (всюду в библии Вульфилы в применении к Понтию Пилату). Последнее является несомненным производным на -no-s от гот. *kindi 6 , как гот. $\it eta iudans$ «король, повелитель» от гот. $\it eta iuda$ «народ». Ср. лат. tribunus «трибун, глава трибы» от tribus «триба».

Отсюда ясно, что rot. *kindi должно было означать людей, руководимых наместником (kindins), военным руководителем провинции, т. е. воинов. дружинников. Гот. *kindi «дружина» совпало по форме и значению со ст.-слав. чадь «дружина» (ср. чеш. čacký «доблестный»). Герм. *kinda «дитя, воин» (ср. др. англ. cniht «мальчик, воин», сербско-хорв. jynak

«юноша, доблестный воин» и т. д.) постоянно должно было смешиваться с герм. kunni «род». Такой смешанной формой, по-видимому, являлась др.-англ. «порода, род». Смешениям также способствовало и то, что в разных германских диалектах распространялись свои термины для понятия «дитя» (гот. barn, др.-англ. cild). Таким образом, проблема заимствования по-прежнему остается актуальной при рассмотрении славяно-германской пары *čedo — *kinda.

Возражения вызывает также слав. *nevěsta. Обычный обзор этимологий О. Н. Трубачев завершает следующим категорическим выводом: «Обобщая наблюдения над перечисленными этимологиями, мы настаиваем на одной из старых этимологий: $*ne-v\check{e}sta =$ "неизвестная" . . . Старая этимолсгия nevěsta настолько очевидна, что поиски каких-то новых объяснений не представляются целесообразными. Можно зарансе сказать, что они не смогут противопоставить ничего равноценного по ясности старому объяснению» (стр. 93).

Этот вывод вызывает законное удивление не только потому, что он слишком категоричен, но главным образом потому, что оп решительно противоречит выводам из одного интересного наблюдения самого О. Н. Трубачева. Мы имеем в виду раздел «К развитию значений "р "знать"». В этой очень "рождаться" > интересной части работы автор, в частности, приходит к такому выводу: «История наиболее важных индоевропейских терминов "знать" сводится к следующей схеме:

*g'en- I "рождаться, быть в родстве" ightarrow

g'en-II "знать (человека)"; *ueid-_"видеть" -> *void-_"знать (вещь)"» (стр. 157).

Мы целиком разделяем это положение О. Н. Трубачева и считаем его одним из важных достижений автора. Но оно ведь совсем несовместимо с возвратом к старой этимологии *nevěsta < *ne-věsta «неизвестная». Как убедительно показал сам автор, слав. *věděti должно было относиться только к вещам. Наблюдалось вытеснение глагола *věděti глаголом *znati, но обратный процесс не зафиксирован. Следовательно, понятие «ignota» должно было выражаться словом *neznata, но не *nevěsta.

согласны с тем, что Мы также не «поиски каких-то новых объяснений не представляются целесообразными». верим в целесообразность этих поисков и думаем, что следующее объяснение является наиболее близким к истине. Слав. *nevěsta, с нашей точки зрения, восходит к *ne-věs-ta, где *-věs- из и.-е. *ueik'-/*uoik'-/*uik'-. Сюда относятся др.греч. (F)откос «дом, семья, род», др.-инд. viś «дом, община, племя», лат. vīcus «деревня», ст.-слав. высы «деревня», прус. waispattin «госпожа, хозяйка» и т. д. Как видно из этого сравнения, первичным было значение «род» 7. Слав. *věsъ (сту-

боты в другую. В.-луж. tryk никак не может служить доказательством в пользу древнейшей формы без начального в, так как в верхнелужицком и в большей части нижнелужицких говоров славянское звукосочетание str перешло в tr (см., например, Z. Stieber, Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich, Warszawa, стр. 17).

CM. F. Specht, Germanisch Harigasti, KZ, Bd. 60, 1932, crp. 131.

Коллити допустила ошибку, утверждая, что в основе всех этих значе-

пень от по сравнению со ступенью **t** в зафиксированном ст.-слав. высь) должно было служить древнейшим термином для понятия «род», что точно соответствует др.-греч. (F) код «дом. семья, род». Таким образом, слав. *ne-věs-ta можно было бы перевести как «не-род-н-ая», что полножению певесты.

В заключение несколько частных замечаний. Нам непонятно отношение О. Н. Трубачева к мнению В. Георгиева об отсутствии палатальных заднеязычных в индоевропейском праязыке. В тексте на стр. 120 автор пишет по этому поводу следующее: «Возможно, что данная мысль весьма обоснованна, и было бы излишне в принципе». нее возражать А в сноске 246 на той же странице в связи с ссылкой на точку зрения Е. Куриловича: «В случае с и.-е. * snek'rū-s сомневаться в древности палатального задиснебного нет оснований». И далее: «Действительно, ассибиляция охватила большинство индоевропейских палатальных» (!). Как же все-таки существовал в индоевропейском праязыке ряд палатальных заднеязычных, или его не было? Ведь от решения этого вопроса зависит многое.

Неясно также отношение О. Н. Трубачева к теориям происхождения славянского х. На стр. 188 он коротко излагает взгляды А. Брюкнера и В. Махка по данному вопросу и этим ограничивается. Но ведь ни одно из славянских слов с искон-

ным x не будет этимологически объяснено сколько-нибудь удовлетворительно, пока не выяснится природа этой фонемы.

Колебания глухой/звонкий, наблюдаемые в предметно-синонимической группе терминов родства, не следуст ограничивать пределами данной группы, объясняя это явление эмоциональной стороной речевого акта (стр. 195). Таких дублетов значительно больше, они проникают собой все слои лексики, и причины их возникновения настолько разпообразны, что выяснить их для каждого конкретного случая бывает весьма затруднительно 8.

Подводя итог всему вышесказанному, следует еще раз подчеркнуть несомненные научные достоинства рассмотренной книги. Думается, что она послужит хорошим началом для глубоких этимологических исследований в нашей отечественной лингвистике.

В. В. Мартынов

ний лежит первичное, связаниюе с семантикой глагола движения (др.-инд. viś «входить», но viśati значит «входит в дом», а не «идет в неизвестном направлении». См. К. Н. Соllitz, Verbs of motion in their semantic divergence, «Language monographs», VIII, Philadelphia, 1931, стр. 27—28).

В свое время Э. Цупитца указал на возникновение такого рода дублетов как в праязыке, так и в отдельных индоевропейских языках. Он предупредил также о возможности смещения этих двух различных в хронологическом отношении явлений (см. E. Zupitza, Miscellen, KZ, Bd. XXXVII, Hf. 3, 1900, crp. 391, 395— 396). Последнее время вновь актуализировался вопрос о фонетической субституции в славянских языках (см. «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», М., 1958, стр. 76—79). Фонетические дублеты могут также рассматриваться как «рифмованные слова». См. по этому поводу: F. A. W о о d, Rime-words and rime-ideas, IF, Bd. XXII, Hf. 1-2, 1907, crp. 133—139; H. Güntert, Über Reimwortbildungen im arischen und altgriechischen, Heidelberg, 1914, стр. 186; G. Kirchner, Der Reim-, klang im Englischen, «Zeitschr. für Anglistik und Amerikanistik», Jg. 4, Hf. 4, 1956, стр. 391—392.

письма в редакцию

письмо в редакцию

В рецензии на мою работу «Основы синтаксиса современного русского языка» А. Б. Шаппро высказал положения, которые вызывают принципиальные возражения.

 А. Б. Шапиро считает неправильным принятое мною положение, согласно которому синтаксический характер имеют не только отношения между грамматическими формами слов, но и отношения между частями высказывания, которые выражаютсоответствующими грамматическими формами. А. "Б. Шапиро полагает, что синтаксический характер имеют внутри простого предложения только отношения между грамматическими формами слов, а отношения между частями высказывания в простом предложении (объективные, обстоятельственные и атрибутивные отношения) не имеют синтаксического характера. Он пишет: «Как бы мы ни формулировали свою мысль относительно словосочетаний типа уехал вчера, уехал далеко и т. п.,-скажем ли, что здесь временные, пространственные и т. п. отношения, что вчера, ∂a леко выполняют временные или пространственные функции, или что словесные формы вчера, далеко и т. п. занимают позицию времени, места и т. п., - все равно ничего синтаксического в этих формулировках не будет» 1. В другом месте оп пашет: «Синтаксические отношения между членами словосочетания — это отношения между входящими в его состав знаменательными словами как носителями определенных грамматических значений, выражаемых формальной структурой этих слов (т. е. как частями речи в тех или иных их формах)» 2. Остается признать, что изучение объектных, обстоятельственных и атрибутивных отношений должно быть предметом логики. Отношение между словами в предложении как частями высказывания не может быть предметом логики. Логика занимается не отношением между словами как частями высказывания, а отношением частей высказывания с точки зрения его истинности или ложности.

¹ А. Б. Шаппро, [рец. на кн.:] Т. П. Ломтев, Основы синтаксиса современного русского языка, ВЯ, 1959, № 6, стр. 139.

² А. Б. Шапиро, Словосочетание в русском языке, сб. «Славянское языкознание», М., 1959, стр. 198—199.

Предикат в логике обладает свойством быть истинным или ложным: такое свойство имеют не все высказывания; в высказывании роза красна предикат обладает свойством истинности, а в высказывании квадрат круглый — нет. Но в высказывании читай книгу отсутствует такой момент, который мог бы быть охарактеризован со стороны истинности или ложности. Не обладает свойством истинности или ложности и высказывание Ты должен быть писателем. Гегель отрицал наличие предиката не только в таких предложениях, как становитесь под ружье, но и в таких, как Я сегодняшнюю ночь хорошо спал. По его мнению, такие «предложения не могут быть облечены в форму суждения» 3. И тем не менее все эти высказывания обладают одним общим свойством, отличающим их от назначения отдельных слов, таких, как я, ночь, ружье, спал и т. п. Первые дают сообщение, вторые — только название.

Свойства слов называть или сообщать изучаются в лингвистике. Отношения между словами как частями высказывания в предложении не могут быть предметом логики или какой-либо другой науки. Их изучение составляет предмет синтаксиса, так как они представляют собою содержательную сторону синтаксиса единиц в составе предложения. Без них грамматические формы, входящие в предложение, представляли бы собой только морфологические единицы.

Грамматическая форма, чтобы стать синтаксической единицей, должна получить в предложении значение части высказывания. Отношения между словесными формами как грамматическими формами частей речи и как представителями частей высказывания находятся на двух разных уровнях синтаксических отношений. Они не существуют в отрыве друг от друга. Синтаксические отношения на уровне высказывания не имели бы выражения, если бы они не были связаны с отношениями между морфологическими единицами. Синтаксические отношения как отношения между грамматическими формами частей речи не имели бы осмысления, если бы они не были связаны с отношениями частей высказывания.

³ Г. Гегель, Энциклопедия философских наук, ч. I — Логика, Соч., т. I, 3-е изд., М.— Л., 1930, стр. 275.

2. А. Б. Шапиро считает, что старое понятие члена предложения и предложенное нами понятие «позиция словесных форм в предложении» имеют одинаковый смысл. Возникает необходимость обсудить это понятие, так как оно имеет принципиальное значение для развиваемой нами синтаксической теории.

Всякая лингвистическая единица обладает свойствами двух классов: одни из них являются готовым фактом для данной системы, имеют абсолютный характер, другие — обусловливаются данной системой, имеют реляционный характер. Покажем эти различия на простом примере. В русском языке имеются звуки κ и x; оба они обладают одним свойством — глухостью; по этому свойству звуки κ и x не отличаются друг от друга; глухость как акустическое свойство тождественно в звуках κ и x; но глухость в звуке к обладает различисвойством, так как имеется тельным звук ε — звонкий противочлен звука κ ; ср. кость и гость; глухость же в звуке xне обладает различительным свойством, так как в системе литературного языка не существует звонкого противочлена звука х. Глухость звуков κ и x с акустической стороны есть их абсолютное свойство; а тот факт, что в звуке к глухость функциональна, в звуке x — нет, является их реляционным свойством, определяемым системой. Различение абсолютных и реляционных свойств лингвистических единиц представляет собою принципиальное завоевание современного языкознания.

В синтаксических единицах также различаются абсолютные и реляционные свойства. Рассмотрим с этой точки зрения синтаксические единицы внутри простого предложения. Допустим, что единицами внутри предложения являются грамматические формы частей речи. По этой теории формы литературу и литературы в предложениях Мы любим литературу и Мы не любим литературы должны быты признаны разными единицами предложения, так как они являются разными грамматическими формами одной части речи. Такое понимание единицы внутри предложения характеризуется следующими свойствами.

а) Грамматические формы частей речи сами по себе не имеют смыслового содержания, хотя и служат для его выражения. Если нам дано выражение, о котором мы знаем только то, что оно состоит из глагола и творительного падежа субстантива, то мы не можем установить, что оно выражает в составе предложения: оно может выражать объект (заинтересовался книгой), образ действия (падал штопором), орудие действия (писал пером) и т. д.

б) Свойства грамматических форм частей речи по отношению к синтаксической системе имеют абсолютный характер. Форма литературу в нашем примере представляет собою винительный падеж; это свойство данной формы не зависит от синтаксической системы и является по отношению к ней готовым фактом. Свойство данной диницы быть данной грамматической фор-

мой данной части речи не зависит от синтаксической системы и имеет по отношению к ней абсолютный характер.

Возможность считать единицей в предложении грамматическую форму части речи опирается на две предпосылки; предполагается, что: 1) единицей в предложении может быть только то, что обладает свойством выражать, 2) единица, входящая в состав предложения, обладает свойствами, независимыми от структуры предложения.

Допустим, что единицами внутри предложения являются части его высказывания, выраженные грамматическими формами. По этой теории разные грамматические формы товарища и товарищи благодарность товарищу представляют собою одну единицу внутри предложения — дополнение, так как они имеют одно значение объекта. Такое понимание единицы внутри предложения характеризуется следующими свойствами.

а) Смысловые единицы в предложении не имеют внутренней связи с грамматическими формами, хотя и выражаются с их помощью. Если нам дано выражение, о котором мы знаем только то, что в нем имеется объект действия, то мы не можем установить, какой грамматической формой он выражается: он может быть выражен винительным падежом (читаю книгу), родительным падежом (чтение книги), дательным падежом (помогали товарищу), предложной конструкцией (заботились о товарище) и т. д.

б) Свойства смысловых единиц в значении объекта, определения, обстоятельства по отношению к синтаксической системе имеют абсолютный характер, они не зависят от структуры предложения и по отношению к ней являются готовым фактом. Значение объекта может быть представлено в структуре глагольного предложения, ср. Наши ученики хорошо знали математику, и именного предложения; ср. У наших учеников были хорошие знания математики. Значение обстоятельства также может быть представлено в структуре глагольного и именного предложения, ср. Mы поехали в Ленингра ∂ и V нас была интересная поездка в Ленинград.

Возможность считать единицей в предложении значения частей высказывания опирается на две предпосылки; предполагается, что: 1) единицей в предложении может быть только то, что обладает потребностью быть выраженным с помощью какого-либо грамматического средства; 2) единица, входящая в состав предложения, обладает свойствами, независимыми от структуры предложения.

Автор «Основ синтаксиса современного русского языка» вынес на обсуждение другие предпосылки, согласно которым: 1) синтаксическая единица имеет двусторонний характер: она обладает свойством выражать и быть выраженной; 2) в синтаксической единице различаются абсолютные и реляционные свойства. Если эти положения принимаются, то они обязывают

исследователя признать в качестве единицы в предложении то, что могло бы стать членом его структуры. Единица в предложении, согласно предложенным автором соображениям, должна иметь то, с помощью чего она выражается, т. е. грамматическую форму, то, что имеет потребность быть выраженным, т. е. определенное смысловое содержание, и то, что делает ее членом данной синтаксической структуры, т. е. то, что представляет собою ее реляционное свойство. То, что обладает потребностью быть выраженным (объект, обстоятельство и т. д), и то, что обладает способностью выражать (грамматические формы), представляют собою абсолютные свойства единицы в предложении, они не вависят от структуры предложения.

Свойства единицы быть данной частью высказывания или быть данной грамматической формой представляют собою готовые факты для синтаксической системы: первый должен быть выражен, второй должен выражать. То, что представляет собою реляционное свойство единицы, входящей в предложение, не есть свойство быть частью высказывания или свойство быть данною грамматическою формою. Реляционное свойство единицы возникает в предложении и определяется прежде всего характером той части речи, к которой относится господствующее слово. Эта точка эрения обязывает признавать разными единицами одну и ту же грамматическую форму с одним и тем же значением, если она зависит от слов, относящихся к разным частям речи. В предлежениях глубоко верим в нашу победу и У нас была глубокая вера в нашу победу форма винительного падежа $nobe\partial y$, имея одно значение, не является одной и той же единицей в этих предложениях. В первом предложении она зависит от глагола и является членом глагольной структуры, во втором от имени существительного и является членом субстантивной структуры. Реляционное свойство единицы в предложении определяется зависимостью ее от данной части речи. Для обозначения этого свойства предлагается термин кидикоп» словесной или грамматической формы».

Позиция словесной формы — это зависимость ее от той или другой части речи 4.

Форма вин падежа победу в первом предложении занимает приглагольную позицию и является членом одной структуры; та же форма с тем же значением во втором предложении занимает присубстантивную позицию и является членом другой структуры. В этих двух предложениях одна грамматическая форма с одним значением представляет собою две синтаксические единицы; различие этих единиц заключается в их реляционных свойствах, т. е. в свойствах данной структуры, а не в их абсолютных свойствах.

Для теории синтаксиса, которая исходит из предпосылки, согласно которой всякая лингвистическая единица обладает абсолютными и реляционными свойствами, пснятие позиции словесной формы имеет принципиальное значение. Без понятия реляционных свейств синтаксических единиц не может обойтись ни одна современная синтаксическая теория.

А. Б. Шапиро кажется, что выражения грамматическая форма имеет значение объекта» и «данная грамматическая форма занимает приглагольную позицию объекта» имеют одинаковый смысл. После этого естественно заявить, что выражение «позиция словесной формы» представляет собою новое название старого понятия члена предложения. А. Б. Шапиро не понял того, что синтаксические единицы обладают абсолютными и реляционными свойствами, что понятия о традиционных членах предложения выражают их абсолютные свойства, а понятия о позициях словесных форм — их реляционные свойства. Суждения автора рецензии по затронутым им вопросам опираются на традиционные представления об основных свойствах синтаксических явлений.

Т. П. Ломтев

⁴ И не только от той или другой части. но и от того или другого класса слов внутри части речи.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ УЧЕНЫЕ

Как лингвист я работаю главным образом в двух направлениях: в области древнеиндийской и индоевропейской религиозной терминологии и в области ведийского, санскритского и сравнительного индоевропейского синтаксиса. Этим легом в издании Голландской Академии наук должна появиться моя книга об эллипсисе, разного рода sous-entendu и прочих подобных явлениях в Ригведе; в цечати находится моя брошюра о взаимоотношениях между синтаксисом и стихосложением. Сейчас я работаю над книгой об использовании временных форм в Веде, которая, надеюсь, появится в 1961 г. Что будет следующим, я не могу сказать, однако я не имею намерения оставлять работу в указанных двух областях.

Дж. Гонда (Утрехт)

Перевод с английского

Учитывая мой преклонный возраст (более 80 лет), я не осмеливаюсь более предпринимать крупные исследования, требующие длительного времени. У меня есть некоторое количество начатых журнальных статей, и я почту себя счастливым, если смогу эффективно рабогать над ними.

> Жан Дени (Жерардмер — Вогезы, Франция) Перевод с французского

Профессор А. Карнуа (Лувен, Бельгия) сообщил, что как специалист по общему и индоевропейскому языкознанию в ближайщие годы он будет продолжать свои исследования в двух достаточно различных областях.

1. После многочисленных статей о догреческих языках и вслед за публикацией двух этимологических словарей (первый -протоиндоевропейский, второй — греческих и эгейских названий растений) он рассчитывает подготовить «Supplementum paragraecum ad lexica hellenica», в который будут включены многочисленные заимствования в греческом из языков соседних народов, с этимологиями этих заимствований.

2. В области европейской топонимики А. Карнуа работает над «Complements de toponymie belge», которые представляют собой приложение к его этимологическому словарю «Origines des noms des communes de Belgique». Одновременно он подготавливает сравнительное исследование о славянских и западноевропейских топоньмах, в частности - о наименованиях лесов, лугов и степей.

Профессор философского факультета в г. Задаре (Загребский университет) Р. Ф. Микуш сообщает, что в настоящее время он подготовил к печати свою книгу «Principi sintagmatike», ранее опубликованную на множительном аппарате, также статью «Prostorni podatak događaja: teorija i izraz», в которой синтагматическая теория получила свое дальнейшее развитие (будет напечатана в «Radovi filozoffakulteta u Zadru», I, 1960).

Основное, чем занимается в настоящее время Р. Ф. Микуш, — это подготовка к печати его курса лекций 1959 г., который будет опубликован под заголовком «Выражение пространственных представлений во французском языке». Основная цель автора — практическая проверка синтагматической теории на материале французского языка.

В настоящее время я осуществляю издание словаря языка бе (из числа языков семьи тай, распространенных на севере Хайнаня), материалы которого собраны Ф. Савина, с этимологическими примечаниями. Занимаюсь также публикацией материалов, собранных мною в 1959-1960 гг. по языкам северной части Новой Каледонии и языку сек в Лаосе.

Я затрудняюсь давать дальнейшие уточнения, ибо не могу предвидеть материалов, которые мне удастся получить, а также возможности путеществий и исследований

на месте.

 $A. \mathcal{K}. O \partial puкур$ (Париж) Перевод с французского

Занимаюсь теперь завершением первой части моей «Истории латинского языка», которая выйдет, вероятно, еще в текущем году1. В следующих месяцах я намерен антологию произведений сансоставить скритских и пракритских писателей в итальянском переводе, которая должна

¹ «Storia della lingua latina», pt. I («Manuale storico della lingua latina», vol. 1).

сопровождать мою «Историю древних литератур Индии»; потом я вернусь ко второй части «Истории датинского языка».

Это касается больших работ. Но я всегда особенно занимаюсь проблемой так называемого индоевропейского праязыка и взанмоотношений индоевропейских языков; этому вопросу посвящаются многие статьи, уже близкие к завершению или еще находящиеся в разработке или только проектируемые. Между прочим, в «Archivio Glottologico Italiano» скоро появится статья, освещающая состояние индоевропейского праязыка и вопросы о рядах гортанных звуков и так называемых р-звуков с новой точки зрения.

В. Пизани (Милан)

С 1958 г. я занимаюсь изучением убыхского языка, на котором в настоящее время говорят в двух небольших турецких деревнях—Хаджи Якуб и Хаджи Осман (вилайет Балыкесир, к югу от Маньяса) потомки убыхов, переселившихся с Кавказа в 1864 г. На этом языке говорят не более 15 человек, большинство из которых владеет также и черкесским языком. Во время своего недолгого пребывания в Турции в 1958 г. я имел возможность вместе со своим французским коллегой Жоржем Дюмезилем заняться сбором материалов в указанных двух деревнях. Летом 1959 г. я пригласил в Норвегию одного из своих информаторов, и мы работали вместе около 5 недель.

Убыхский язык, по своей структуре явно родственный другим северо-западным кавказским языкам, особенно интересен чрезвычайным богатством своего консонантизма (78 согласных фонем). Я предполагаю опубликовать работу, включающую: 1) описание фонетической и фонологической системы; 2) тексты, записанные на магнитофоне и протранскрибированные в результате нашей совместной работы с информатором, и 3) полный (насколько это
возможно) словарь, основанный на материалах, опубликованных А. Дирром, И. фон
Месарошем и Ж. Дюмезилем и дополни-

тельно отработанных во всех мелочах, а также на материалах, собранных мною. Не имея точных планов, я надеюсь, что в будущем буду иметь возможность расширить область своих изысканий с тем, чтобы включить убыхский язык в систему северозападных кавказских языков. При этом я буду использовать работы советских ученых — Яковлева, Генко, Ломтатидзе и др., опубликованные на русском и грузинском языках.

X. Фоет (Осло) Перевод с французского

В течение многих лет я продолжаю исследования по истории греческой лексики (некоторое представление о них может дать моя книга «Études sur le vocabulaire grec», Paris, 1956). Эти исследования обусловливают необходимость написания ряда статей (главным образом для «Revue de philologie»); если все пойдет успешно, моя работа в этой области завершится созданием исторического словаря греческого языка.

Я занимаюсь редактированием моей полностью переработанной «Могрhologie historique du grec» (первая часть которой, как известно, была переведена на русский язык). В процессе переработки пришлось не только внести многочисленные изменения в детали, но и написать новое «Введение», в котором, с одной стороны, представлены более углубленно сравнительные данные, а с другой — учитывается расшифровка М. Вентрисом микенских надписей. Бесспорные данные относительно микенского языка, впрочем, будут приводиться в соответствующих местах работы.

Я продолжаю вместе со своим другом М. Лєженом внимательно следить за успехами изучения микенских надписей. В блежайшие месяцы я, видимо, буду иметь повод написать несколько статей по этому вопросу.

П. Шантрен (Сорбонна, Франция) Перевод с французского

хроникальные заметки

С 11 по 15 марта 1960 г. в Праге состоялось Первое совещание лингвистической секции Международной терминологической комиссии (МТК) при Международном комитете славистов. В работах совещания приняли участие члены МТК: членкорр. Л. Андрейчин (Болгария), акад. В. Дорсшевский (Польша), доц. К. Гаузенблас (Чехословакия), доц. Я. Горецкий (Чехословакия), проф. А. В. Исаченко (Чехословакия), проф. А. В. Исаченко (Чехословакия), проф. А. Едличка (Чехословакия), проф. А. Едличка (Чехословакия), проф. А. Едличка (Чехословакия), проф. А. Едличка (Чехословакия), проф. А. Б. Папиро (СССР); члены Чехословацкой терминологической комиссии: доц. И. Бауэр, доц. Ф. Данеш, проф. А. Достая, доп. И. Ружичка, проф. В. Скаличка, д-р И. Штиндлова. С докладами и

сообщениями выступили также проф. Е. А. Бокарев (СССР), проф. Я. Белич (Чехословакия), акад. Б. Гавранек, проф. К. Горалек, доц. П. Трост, проф. В. Шмилауэр и др.

После вступительного слова председателя МТК проф. А. В. И с а ч е н к о выступил акад. Б. Г а в р а н е к, приветствоваещий гостей от имени Чехословацкого комитета славистов.

Доклады и прения сосредоточились вокруг следующих основных вопросов:

1. В заимоотношение понятия и термина. Доц. Я. Горецкий в своем докладе предложил рассматривать терминологию как часть метатеории данной науки. В термине необходимо различать две стороны: его языковое вы-

ражение и научно-техническое понятие, выражаемое данным термином. Сам термин, по мысли докладчика, представляется как «наименование понятия в определенной системе». Предметом терминологии докладчик считает изучение словообразовательных моделей с учетом выделяемых признаков самого понятия, а также способы их выражения языковыми средствами.

Проф. А. Едличка в своем содокладе подчеркнул необходимость изучения системы понятий обследуемой научно-технической области. Система понятий никогда не может быть закончена, так как по мере развития науки она постоянно расширяется. При сопоставлении двух национальных терминологий нельзя ограничиваться сопоставлением терминов-наименований, необходимо сопоставлять термины-понятия. Акад. Б. Гавранек подчеркнул существенную разницу между терминами математических или естествоведческих наук, с одной стороны, и понятиями общественных наук — с другой. 2. Термины мотивирован-«немотивированны е». Большинство участников совещания высказалось в пользу так называемых «немотивированных», т. е. с точки зрения данного языка семантически «непрозрачных» терминов (В. Скаличка, Ф. Данеш, Л. Андрейчин идр.). Акад. Б. Гавранек указал, что не всегда можно найти подходящий «немотивированный» термин. Проф. Е. А. Бокарев считает необходимым бороться не просто с «мотивированными» терминами, а с неудачно мотивированными. По мнению доц. Я. Г орецкого, пополнение терминологии не может обойтись без «мочивированных» терминов.

3. Унификация славянской лингвистической терминологии. В своем докладе д-р III. Пециар указал на тесную связь национальных терминологических систем с общей национальной языковедческой традицией. Проф. Е. А. Бокарев посвятил свое сообщение вопросу возникновения лингвистической терминологии у младописьменных народов СССР, заимствующих, как правило, лингвистическую терминологию из русского. Стремление к унификации лингвистической терминологии тормозится, по словам докладчика, наличием разных толкований одного и того же термина представителями разных языковедческих школ, а также известной национальной традицией (влияние арабского **яз**ыка).

В своем докладе о соотношении национальной и «международной» (греко-латинской) терминологии проф. П. И в и ч подчеркнул, что одной из основных задач МТК является создание организационных предпосылок для максимальной унификации терминологии, главным образом в области новых, вновь зарождающихся лингвистических дисциплин и направлечий. Сознательное сближение в области лингвистической терминологии будет дальнейщим щагом к сближению славянских

языков, а этим самым и славянских культур и славянских наций. «Прозрачность» термина, построенного на элементах родного языка, проф. П. Ивич считает иллюзорной. Сербское слово придев «прилагательное» с точки зрения морфематического состава вполне прозрачно, но не подсказывает содержания данного понятия. «Международные» (греко-латинские) термины имеют то преимущество, что, будучи в равной степеци «непрозрачными» с точки зрения данного славянского языка они являются непосредственно понятными для представителей ряда языков.

В процессе работы совещания были сформулированы некоторые положения, предлагаемые на обсуждение отдельным национальным терминологическим комиссиям: а) при наличии двух синонимичных терминов следует отдавать предпочтение термину греко-латинскому, обеспечивающему хотя бы формальное единство термина в ряде языков; б) «немотивированные» термины не вызывают нежелательных ассоциаций с элементами бытового языка, и поэтому таким терминам следует отдавать предпочтение; в) при наличии однословных терминов (например, *презенс*) и синонимичных многословных (например, настоящее время) следует отдавать чтение первому типу.

В процессе унификации терминологии возникают, однако, и серьезные затруднения. Необходимо считаться не только с внешней, формальной стороной термина, но и с его понятийным содержанием, далеко не всегда совпадающим во всех языках (ср. чеш. flexe «словоизменение» и русск. флексия «окончание»). В настоящее время средняя школа не создает предпосылок для осмысления греко-латинских терминов.

Наличие терминологических дублетов (например, вубной дентальный) было признано нежелательным, особенно в тех случаях, когда отдельные авторы употребляют каждый термин с известным смысловым оттенком. Следует стремиться к ликвидации дублетов и к закреплению за одним понятием одного лишь варианта (проф. А. Б. Шапиро).

Все участники совещания считают, что унификация должна касаться в первую очередь системы понятий, а также терминологии вновь возникающих лингвистических отраслей. Работа, намечаемая членами комиссии, должна иметь определенные этапы, сформулированные доц. К. Г а у з е нб л а с о м: регистрация, сопоставление (конфронтация), координация и унификация терминологии. Для первых двух этапов в настоящее время в ряде стра созданы все предпосылки.

Совещание приняло следующие постановления:

1. Основная работа по упорядочению славянской лингвистической терминологии должна быть сосредоточена в национальнальных терминологических комиссиях. До сих пор в МТК не представлены белорусский, украинский, словенский и македонский языки. Работу подкомиссий будет координировать председатель нацио-

нальной комиссии. Каждая комиссия (подкомиссия) должна иметь свою организационную базу. Председателям национальных комиссий следует теперь же сообщить в пражский центр состав национальных комиссий (подкомиссий). Украинскую и белорусскую подкомиссии необходимо организовать до 1 октября 1960 г.

2. Первым этапом является инвентаризация лингвистической терминологии и ее лексикографическая обработка. Чехословацкая ТК разработает словник лингвистических терминов до конца октября 1960 г. и разошлет его всем национальным комиссиям. Словник будет снабжен национальными эквивалентами и представлен пражскому центру.

принимает 3. Комиссия предложение члена-корр. Л. Андрейчина о создании сопоставительного словаря славянской лингвистической терминологии. Автор предложения представит МТК на следую-

щем совещании подробный план.

4. Национальные комиссии будут собирать библиографический материал линг-

вистической терминологии.

5. Национальным комиссиям рекомендуется следить за работами в области новых лингвистических дисциплин и направлений. Югославская ТК подготовит к следующему совещанию словник терминов по дескриптивной лингвистике.

6. В 1962 г. будет издан в издательстве Болгарской Академии наук первый Терминологический сборник (15 печ. листов). Редакционная коллегия состоит из членакорр. Л. Андрейчина, проф. А. В. Исаченко и проф. П. Ивича. Статьи должны быть представлены в пражский центр не позже 1 января 1961 г. Сборник будет содержать обзорные статьи о состоянии терминологии в отдельных славянских странах, статьи по истории терминологии в отдельных славянских языках, а также теоретические статьи по теории термино-

7. Следующее совещание МТК состоится весной 1961 г.

> А. В. Исаченко (Оломоуц)

В середине марта 1960 г. в Москве по приглашению Объединения по мащинному переводу при 1-м МГПИИЯ гостил английский ученый, специалист по мащинному переводу профессор Лондонского университета А. Д. Бут, работы которого были у нас изданы в переводе на русский язык¹. За время своего пребывания в Москве проф. А. Д. Бут посетил ИТМ и ВТ АН СССР, вычислительный центр АН 1-й МГПИИЯ и другие научные учреждения. Он также прочел две лекции об исследованиях по машинному переводу в Биркбекском колледже при Лондонском университете и ответил на многочисленные вопросы.

В своих лекциях проф. А. Д. Бут рассказал об истории работ по машинному переводу в Англии, начиная с 1947 г., когда он впервые выдвинул идею использования запоминающего устройства электронносчетной машины для хранения словаря для перевода.

Впервые электронно-счетная машина была использована для лингвистических целей в 1949 г., когда на одноадресной машине последовательного действия SEC предпринимались попытки составить и проверить в действии машинный словарь. (Подробно об операциях этого словаря см. в статье А. Д. Бута и Р. Г. Риченса «Некоторые методы машинного перевода» 2.)

В результате сравнения комплекта перфокарт, на которых были нанесены слова сообщения с указанием их места в предложении, с комплектом перфокарт словаря получался перевод слов сообщения, расставленных в порядке слов первоначального сообщения, с указанием соответствующих грамматических категорий. В течение последующих лет была начата и проводилась работа по составлению программы перевода с французского языка на английский, применительно к электронносчетным машинам различных систем, на которых велись исследования в Биркбекском колледже (APEX, MAC, MERCURY). Особенно широко развернулись эти исследования в 1954—1957 гг., и в конце 1957 г.

программа была готова на 90%.

В настоящее время в Биркбекском колледже составляется программа для перевода с французского языка применительно к машине М-2. Основными лингвистическими аспектами исследований являются проблема составления словаря, выработка системы кодов языка-посредника и дальнейшее усовершенствование работы программы. Опытов по переводу на машинах не производится, так как английские специалисты считают, что современные электронно-счетные устройства технически еще недостаточно совершенны. При лабораторных исследованиях в Биркбекском колледже особое внимание обращено на разработку запоминающих устройств на тонмагнитных пленках с временем выборки 10-9 сек. и емкостью, позволяющей поместить в цамять машины словарь практически неограниченного объема.

Проблема составления словаря для машинного перевода является одной из кардинальных проблем, над которой работает группа проф. А. Д. Бута. При этом большое значение уделяется лингвистической статистике. По мнению проф. А. Д. Бута, в настоящее время наиболее рациональным методом составления словаря является метод, при котором машина сама будет увеличивать объем своего словаря. Предварительно в намять машины закладывается словарь, составленный лингвистами, причем этот словарь делится на словарь основ и словарь окончаний. Далее в машину вводится текст, и слова текста сравниваются со словами словаря. Если слово тек-

¹ См.: сб. «Машинный перевод», М., 1957 (перевод с англ. яз.); К. Бут и А. Д. Бут, Цифровые методы, М., 1959.

² Сб. «Машинный перевод», стр. 69—72.

ста в неизменяемом виде встретилось в словаре основ, то в специальной ячейке к числу, означающему частотность данного слова, прибавляется единица; таким образом одновременно составляется и частотный словарь. Если слово в тексте не совпадает с основой, то его окончания проверяют по словарю окончаний, и если найдено разложение данного слова, то отмечается, что это слово встретилось один раз. Если же слово в словаре не содержится, то машина останавливается и выдает оператору сигнал, что встретилось новое слово, которое затем переводится и вставляется на соответствующее место в словаре. Интересно, что при обработке таким образом французской книги по математике на первых 10 страницах было обнаружено 90% слов этой книги, на последующих 100 страницах новых слов уже было всего 5%. Однако только обработка всей книги дала 100% новых слов (на последней странице встретилось новое слово). Подобный метод представляет несомненный интерес для статистической обработки текстов и составления частотных словарей — полная обработка книги объемом в 350 страниц, включая время, необходимое на ее перепечатку на перфоленту, заняла 1 месяц.

Таким образом, предполагается, что после обработки некоторого количества текстов будет составлен достаточно полный словарь, при помощи которого удастся идентифицировать все слова любого текста по данной отрасли знания. При составлении программы перевода при помощи такого словаря возникают новые проблемы. Одной из таких проблем является проблема языка-посредника. Английские лингвисты, так же как и лингвисты других стран, пришли к убеждению, что наиболее перспективным путем исследования является составление алгоритма для многоязычного перевода. Однако, по мнению проф. А. Д. Бута, язык-посредник («methalanguage», «algorithmic language») как универсальную систему абстрактных логиколингвистических соответствий удастся создать. Под языком-посредником понимается так называемая «направляющая система» («directal system»), которая обеспечила бы не прямой перевод с одного языка на другой, а представление слов входного языка сначала в виде так называемых «кодовых чисел» и последующий перевод этих «кодовых чисел» на выходной язык. «Кодовые числа» представляют собой сумму различной информации, обнаруживаемой во время поиска слова в словаре, и в их состав могут входить различные комбинации лингвистической информации. В качестве примера проф. А. Д. Бут привел два различных варианта составления «кодовых чисел».

В первом варианте «кодовое число» состоит из набора цифровых индексов (грамматический и лексический индексы), указывающих также на вхождение данного слова в идиоматическое выражение. В другом варианте (для многозначных слов) «кодовое число» может состоить из индексов, обозначающих грамматическую

функцию слова в данном предложении. Вторая группа индексов в данном варианте это статистические индексы, наличие которых обусловлено многозначностью слова. Третья группа индексов обозначает принадлежность слова к идиоматическому выражению. Так называемая «направляющая система» представляет собой таблицу, в которой даются указания, где искать информацию, необходимую для построения кодовых чисел для каждого языка. Дальнейшая ступень перевода — это перестановка «кодовых чисел» в порядке, соответствующем порядку слов выходного языка; затем «кодовым числам» должны быть найдены эквиваленты в словаре выходного языка. Конечная стадия — готовый текст на выходном языке.

Все операции машинного перевода, начиная с составления словаря и кончая синтезом предложений на выходном языке, осуществляются при помощи программы. В настоящее время в лаборатории проф. А. Д. Бута ведется работа над составлением стандартной программы для многоязычного перевода. Основная цель этой работы — составить 256 стандартных команд на английском языке, которые можнобыло бы непосредственно вводить в машину. Для этого программа делится на двечасти — основную и вспомогательную 3.

В ходе лекций и бесед проф. А. Д. Бут рассказал об устройстве для устного ввода, которое разработано в Лондонском университете. Звуки речи, поступая в микрофон, усиливаются и затем проходят через три схемы (дифференцирующая схема, схема совпадения и интегрирующая схема), где сигналы делятся на группы в зависимости от их частоты (0-500 герц, 500-5000 герц, 5000—15000 герц). Далее происходит клипирование частоты, а затем сигналы поступают на двоичные счетчики. Выходные сигналы от счетчиков поступают в электронно-счетную машину, где сравниваются со словарем, составленным заранее из звуков, наговоренных специальным информантом. После идентификации слова дается сигнал на печатающее устройство, которое печатает фонетическую транскрипцию слова. Данное устройство может воспринимать только раздельные слова. Слова в предложениях оно не так как для этого надо было бы заложить в словарь машины все возможные предложения на английском языке. При помощи этого устройства удалось добиться правильной идентификации слов в 70—90% всех случаев. Существуют также другие варианты устройств устного ввода, однакоих эффективность значительно ниже эффективности вышеописанного устройства. В Англии ведется и разработка читающих устройств, однако ни одна из этих машин не применяется в лингвистических целях. Единственная действующая установка --

³ Подробно о составлении программ для электронных цифровых машин говорится в кн.: K. Booth and A. Booth, Programs for a digital computer, London, 1958.

машина «Solartron» для чтения и счета банкнот и банковских чеков.

Отвечая на многочисленные вопросы специалистов, проф. А. Д. Бут подробно рассказал о схемах и элементах современных электронно-счетных машин, разработанных в Англии. Проф. А. Д. Бут упомянул также о некоторых общекибернетических проблемах, над которыми ведется работа в Биркбекском колледже, в частности о моделировании игр при помощи электронно-счетных машин и об изучении структуры и работы головного мозга.

Посещение проф. А. Д. Бутом организаций, занимающихся исследованиями в области машинного перевода в СССР, и состоявшийся обмен мнениями несомненно принесли большую пользу как английским, так и советским ученым и явились важным вкладом в дело расширения контактов между лингвистами СССР и Англии.

Д. М. Сегал (Москва)

С 27 по 31 марта 1960 г. в г. Пскове проходила организованная Псковским государственным педагогическим институтом отраслевая конференция по составлению областного словаря. В ее работе приняли участие преподаватели и студенты Псковского пединститута, научные сотрудники и преподаватели Ленинградского университета, Ленинградского и Московского отделений Института русского языка АН СССР, Новгородского пединститута, институтов языка и литературы АН Эстонской, Латвийской и Литовской ССР.

Доклады на конференции касались воросов региональных областных словарей, иглавным образом Псковского областного словаря. Часть докладов освещала вопросы фонетики и морфологии исковских говоров. Основные доклады были написаны на материале картотеки Псковского област-

ного словаря.

Доклад акад. АН Литов. ССР Б. А. Ларин а был посвящен принципам составления Псковского областного словаря. Поскольку этот словарь должен возможно полнее отразить не только современное состояние, но и прошлое лексического состава псковского наречия, он, по мнению докладчика, не должен быть дифференциальным в подборе и толковании слов. Соотношение с литературным языком не производится и не определяет построения словаря. Создание же дифференциального областного словаря может быть осуществлено только при наличии двух полных словарей: словаря литературного языка и областного полного словаря. Подход к лексике при работе над словарем должен быть диахроническим. Для исторического углубления словаря, кроме производимого участниками работы над словарем сбора материалов псковских говоров, к работе будут привлекаться академические областные словари, толковый Даля, опубликованные фольклора и разговорной речи по Псковской области (в ее средневековых границах) и деловые документы феодальной эпохи, начиная с Псковской судной грамоты,

и псковская топонимика в ее архаической части. Многие слова будут картографироваться, карты войдут в словарь как иллюстративный материал. Вторая часть доклада Б. А. Ларина не была непосредственно связана с первой. Она была посвящена словарю лексики трех польских деревень, составленному польским языковедом М. Ку-(M. Kucała, Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich, Wrocław, 1957). На примере этого словаря Б. А. Ларин показывает методы составления полных областных словарей, характеризует словарь Куцалы как сводный словарь нескольких словарных систем и в связи с этим словарем отмечает важность лингвистической географии для областного словаря. Областной словарь должен быть словарематласом. В заключение Б. А. Ларин говорит, что следует изменить практику большого охвата населенных пунктов вовремя диалектологических экспедиций, что нужно производить сбор материала в одном населенном пункте в течение длительного времени, до полного исчерпания материала.

Доклад Б. А. Ларина вызвал оживленные прения, превратившиеся по существу в общее обсуждение методов составления областных словарей. В прениях выступили ст. преп. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена А. И. Федоров, доценты тогоже ин-та Б. Л. Богородский и В. И. Чагишева, научн. сотр. Института русского языка АН СССР Е. А. Некрасова и О. Г. Порохова, ст. преп. Псковского пед. ин-та В. И. Максимов, ст. преп. Новгородского пед. ин-та А. В. Никитин.

Высказывания большинства выступавших сводились к тому, что полный (общий) диалектный словарь (каким представляет себе Б.А. Ларин Словарь псковских говоров) неосуществим, так как полный показ лексики невозможен при охвате словарем большого количества говоров. Такой словарь неосуществим и вследствие отсутствия возможности создать соответствующую картотеку из-за огромного количества материала. Выступающие говорили, что областной словарь должен быть дифференциальным.

В заключительном выступлении Б. А. Ларин указал, что Псковский областной словарь будет приблизительно включать 10-20 тыс. слов, т. е. практически он обозрим, и его материалы возможно обработать. К тому же словарь общего типа (каким будет Псковский словарь) не является полным и системным словарем. Исторические экскурсы будут производиться только к некоторым живым словам (около 100 слов). Б. А. Ларин снова отверг дифференциальный принцип составления областных словарей. Правда, картотека Псковского областного словаря в настоящее время слишком бедна для полного словаря, но Б. А. Ларин считает, что ее можно в достаточной степени пополнить.

Далее выступил работник исковского исторического музея Л. А. Т в о р о г о в. Он касался вопросов этнического состава населения исковщины, отмечал его слож-

ность, что отразилось на развитии псковских говоров и особенно их топонимики.

На конференции было несколько докладов, посвященных вопросам областной лексики (в основном, на материале картотеки Псковского словаря). Ассистент Л. А. И в а ш к о прочла доклад «Устойчивые фразеологические словосочетания в псковских говорах». Ст. лаборант ЛГУ В. Н. Елина в докладе «Лексика внешнего облика человека в псковских говорах» подчеркнула ценность этой части лексики, так как в ней сохранились древние элементы. Студентка ЛГУ В. И. Е ремина сделала сообщение «Опыт диалектологического изучения флоры Псковской области». В сообщений разбираются местные названия полевых, болотных и лесных трав и цветов в сопоставлении с литературным языком. Доклад ст. преп. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена А. И. Ф едорова был посвящен принципам составления сравнительно-исторического словаря говора. Зав. кафедрой языкознания Псковского пед. ин-та Й. Т. Гомонов в своем докладе рассказал о предлогах в псковских говорах. Докладчик приходит к выводу, что основные отношения, выражаемые исковскими предлогами, -- те же, что и в литературном языке. Особенность значительно менее четкое разграничение функций между отдельными предлогами, что отнюдь не является принадлежностью только псковских народных говоров. Имеющиеся словари указывают на наличие этих особенностей в смоленских, архангельских, вологодских говорах, а также в белорусском и украинском языках. Преподаватель Псковского пед. ин-та К. А. Гомоновыступила с докладом о псковских диалектных наречиях, образованных от местоимений или с участием местоимений. Доклад преподавателя того же пед. ин-та И. Максимова, посвященный суффиксальному производству названий животных на материале словаря псковских говоров, вызвал замечание Б. А. Ларина, указавшего на отсутствие историзма при рассмотрении в этом докладе диалектных явлений. Преподаватель ЛГУ В. И. Трубинский сделал доклад о предикативном деепричастии в говорах русского северо-запада. Доклад доц. Псков-ского пед. ин-та С. М. слускиной был посвящен упрощению групп согласных в псковских говорах. Научн. сотр. Института русского языка АН СССР Л. И. Ц арева в докладе, посвященном аканью и яканью в говорах юго-западной части Псковской области, анализируя собранный материал, высказала предположение, что сильное яканье и недиссимилятивное аканье этих говоров - позднего происхождения, что это явление возникло на окающей основе и развилось из аканья гдовского типа путем «обобщения» гласной а перед ударными гласными среднего подъема. Доклад преп. Псковского пед. ин-та 3. В. Жуковской представлял собой описание говора д. Боровик, расположенной к югу от Гдова.

На конференции было заслушано также

несколько информационных сообщений о работе над областными словарями в Институте русского языка АН СССР, а также в Латвии, Литве и Эстонии. Они показали, что в Прибалтике ведется большая работа по составлению областных словарей языков прибалтийских республик. Уже собран большой материал, и ведется его обработка. Научн. сотр. Института русского языка АЙ СССР О. Г. Порохова сообщила о работе словарного сектора Института в Ленинграде над Словарем русских пародных говоров, включающем лексику всех русских говоров XIX—XX вв., как она отразилась в записях различных исследователей этого времени. В институте ведется работа по созданию картотеки словаря, написаны проект словаря и инструкции для составителей словаря и выборщиков его картотеки, составлен список рукописных и печатных источников, имеются пробные словарные статьи. С начала 1960 г. ведется работа по написанию текста словаря. Научн. сотр. Института русского языка АН СССР Е. А. Некрасова рассказала, что в секторе истории языка и диалектологии института в Москве начата работа над однодиалектным региональным областным словарем некоторых районов Рязанской области по реке Пре. Сейчас создается картотека для этого словаря. Оба этих областных словаря Ин-ститута русского языка АН СССР создаются по строго дифференциальному методу (т. е. включают в себя только диалектную лексику).

В заключение конференции состоялся разбор пробных словарных статей, написанных для Псковского областного словаря

варя.

О.Г. Порохова, Л.И. Царева (Ленинград)

С 25 по 26 апреля 1960 г. при кафедре иностранных языков Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта состоялась Первая конференция по дифференциальной белорусско-иноязычной лексикографии. Кроме преподавателей кафедры, в конференции приняли участие научные сотрудники Института языкознания АН БССР, Минского института иностранных языков, Гомельского педагогического института, преподаватели и учителя иностранных языков Белоруссии.

В докладе И. М. Бермана и Л. В. Тихонович на материале белорусско-английского словаря были рассмотрены лексикографические принципы и приемы составления дифференциальных двуязычных словарей. В докладе Б. М. Гинзбург приведены некоторые выводы из сравнения объема значений белорусских и немецких моно- и полисемантических существительных и на основе этого определены приемы их балансировки при составлении словаря. Сообщения Н. В. Вангуева и В. П. Зайцевой были посвящены вопросам лексикографической обработки идиоматических сочетаний при составлении белорусско-иноязычных словарей. Е. Т. Рыжкова

познакомила аудиторию с первой разработкой принципов транслитерации белорусских реалий, топонимики и ономастики на английский язык, приведя таблицу соответствий. Транслитерация белорусских имен собственных на немецкий язык была предметом сообщения В. А. Гридю шко. В предварительном сообщении А. И. Галай была сделана попытка установить истоки белорусско-пемецких регионализмов и проанализировать их соотнесенность.

Конферсиция, приняв ряд решений по дальнейшей координации лексикографической работы, внесла предложение об издании общебелорусского лексикографического сборника.

И. М. Берман (Гомель)

С 9 по 13 мая 1960 г. на филологическом факультете ЛГУ состоялась межвузовская научно-теоретическая конференция на тему «Начальный этап формирования национального языка (на материале русского языка)». В работе конференции приняли участие филологи Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Киева, Минска, Харькова, Воронежа, Одессы и других городов страны. На конференции было заслушано 23 доклада.

Профессора ЛГУ В. В. Мавродин, И. П. Еремин и Б. А. Ларин посвятили свои доклады эпохе формирования русской народности в нацию. В. В. М а в р од и н прочел доклад «Проблемы складывания всероссийского рынка в новый период русской истории как основы развития русской народности в русскую нацию».

Об основных процессах в русской литературе в период складывания русской нации говорил в своем докладе «Русская литература и язык на рубеже XVII-XVIII вв.» И. П. Еремин. Докладчик указал, что именно в недрах демократической литературы того времени элементы живого разговорного языка и народнопоэтической речи сделались достоянием художественно-изобразительных средств, особенно в сатирических жанрах, где, выступая на фоне церковно-книжного языка, они способствовали усилению комического эффекта. В произведения раскольническо-старообрядческой литературы элементы «просторечия», по мнению докладчика, проникали стихийно, не приобретая характера стилистической системы и лишь в моменты остросатирического бичевания врагов превращались в могучее, сознательно используемое средство эмоционального воздействия. Именно поэтому «вяканье» как особый тип просторечия, выработанный жапрами раскольническостарообрядческой литературы, не создало традиции. В литературе господствующих слоев под пером таких писателей, как Си-Полоцкий, Стефан Яворский, позже — Феофан Прокопович, утверждается направление барокко, под воздействием которого складывается извод словенскокнижного языка, переданный в качестве наследия литературе XVIII в. предшест-

вующей эпохой. Писатели того времени стремились приспособить его специально для обслуживания высоких жанров и оградить от вторжения просторечных элементов. Его замкнутая система характеризуетмакаронической пестротой словаря, культивированием славянизмов, латинизмов, грецизмов, обилием логизированных метафор, разного рода мифологизмов и аллегоризмов, усилением словотворчества на базе словосложения, громоздким синтаксисом — всеми чертами сложного витийственного плетения. В заключение И. П. Еремин подчеркнул, что обособленное существование разных стилистических систем в русской литературе XVII—XVIII вв. не только подтверждает факт отсутствия в ту эпоху единого общелитературного языка, но и свидетельствует об уже сложившихся условиях для его формирования, поскольку именно в этот период несомненным и прочным достоянием литературы делаются все пласты, на безе которых этот язык сформировался в более позднее время.

Академик АН Литов. ССР Б. А. Ларин в докладе «Разговорный язык Московской Руси XVI—XVII вв.» утверждал, что русский национальный язык складывался на основе сложного взаимодействия диалектов «территориального» и «социального» различия, а не на основе одного территориального диалекта. При всей очевидности взаимодействия стихии письменного и устного языка, говорил докладчик, не менее очевидно, что возобладание единого «национального» типа в литературе и разговорном обиходе было достигнуто не одновременно и разными путями, что эти два типа национального языка вплоть до второй половины XIX в. заметно отличались друг от друга, хотя и постоянно взаимодействовали. Ускоренное сближение их, не доходящее, однако, до полного отождествления, происходит лишь во второй половине XIX первой половине ХХ в., первоначально в обиходе образованных людей. Просторечие же (под которым Б. А. Ларин понимает разговорный язык городского мещанства) сохраняет некоторую обособленность вплоть до второй четверти ХХ в. «Единство» национального литературного языка и наибольшее сближение разговорной речи с литературным языком, по мнению Б. А. Ларина, осуществляется лишь в коммунистическом обществе.

Б. А. Ларин указал на необходимость изучения не только областных крестьянской речи, как это имело место до последнего времени, но и социальных диалектов города, без чего не может быть решен вопрос об источниках русского национального языка, и на трудности такого изучения ввиду отсутствия в памятниках прямого отражения разговорной речи, а также на вытекающую отсюда необходимость привлечения разного рода косвенных данных, широкого обращения к эпистолярным, сатирическим и деловым жанрам, к литературным переработкам фольклорных произведений, тщательного сопоставления данных современных диалектов с фактами памятников, привлечения к исследованию записей иностранцев, сохранивших немало ценных указаний о живом разговорном языке того времени («Словарь московитов 1586 г.», «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618—1619 гг.»).

В докладах, посвященных характеристике разных сторон языковой системы конца XVI — начала XVIII в., основное внимание было сосредоточено на характеристике взаимодействия церковно-книжных и живых разговорных, общенародных и диалектных, иноязычных и собственнорусских элементов. Особенно много внимания было уделено лексике.

мания было уделено лексике. Канд. филол. наук Е. М. Иссерлин (Ленинград) в докладе «Конкретная и абстрактная лексика в литературном языке XVII в.» охарактеризовала расцвет конкретной, терминологической и абстрактной лексики в этот период как результат активного взаимодействия общенародных разговорных и церковно-книжных лексических пластов в процессе формирования русского литературного языка. Как отметила Е. М. Иссерлин, в переводных памятниках XVII в., по содержанию своему даот конкретных областей жизни и ориентировавшихся на церковнославянский строй речи, отчетливо проступает тенденция к замещению иностранных слов, обозначающих видовые понятия, русскими, обозначающими понятия родовые. Так, польск. budinek в переводах той эпохи передается русским словом создание. На месте пяти различных польских слов с конкретными значениями в русских переводах встречается слово повеление. Отказ от конкретной лексики и использование слов с емким абстрактным значением ярко проявляется и в оригинальных произведениях того времени, где слова с суффиксами -ание, -ение употребляются во множестве разных, далеких друг от друга значений (ср. собрание в значениях: «толпа», «свита», «компания» и др.). Однако выдвигаемая самой жизнью потребность в точных, конкретных названиях приводила к появлению множества двойных наименований даже в произведениях высокой ориентации (ср.: воздаяние, сиречь пошлина... и др.). Деловые и публицистические произведения нуждались в развитой системе терминологии для областей торговли, политики, быта, семейных отношений, суда, военного дела и т. д. Эта терминология рождалась в сложных процессах устраизменения нения многозначности слов, схемы синонимического ряда. Отдельные члены синонимического ряда лексики общенародного языка оказывались за пределами формирующегося литературного языка, другие входили в него, часто с измененным значением [ср. ряды: полотенце, утиральник, фата, убрус, ширинка; баня, мыльня, лазня и слова: базар (место торговли) и торг (процесс торговли); порох (взрывчатое вещество) и прах (тлен), первоначально бывшие членами подобных же синонимических рядов]. Те же процессы охватили в этот период и область книжной лексики. Примером уточнения и конкретизации значения слова может служить более частое употребление в деловых памятниках XVII в. слова жалованые в значении «оплата за труд», чем в старых, книжных значениях «милость», «благосклонность» и многочисленные уточняющие определения при нем (ср.: хлебное жалованые, денежное жалованые и др.).

В докладах кандидатов филол. наук Н. К. Соколовой «Некоторые пути складывания административно-юридической терминологии XVII в. (по материалам воронежских грамот)» (Воронеж), И. Н. Шмелевой «Расширение словарного» состава русского языка за счет профессиональных слов в XVI—XVII вв.» (Ленинград), И. С. Хаустовой «К вопросу о лексической синонимии в русском литературном языке Петровской эпохи» (Ленинград) и преподавателя ЛГУ С. С. Волкова «Развитие административно-деловой терминологии в начале XVII века» были прослежены отдельные стороны сложного и интенсивного процесса складывания административно-юридической, торговой, военной и административно-деловой терминологии русского национального языка - появление семантических и лексических неологизмов, развитие спе-циализированных значений у некоторых областных слов и слов общего языка, широкое внедрение иностранных заимствований и образование сложной системы синонимических наименований применительно к разным областям словесного выражения: книжно-литературной, приказнообиходно-разговорной. деловой,

В докладе канд. филол. наук Л. С. К о в-(Ленинград) «Словари XVII вв. как источник изучения лексики этого периода» процесс вытеснения старославянизмов свежими элементами словаря русской разговорной речи в ходе формирования национального русского языка был отчетливо продемонстрирован на материале рукописи «Гаврииловского апостола» XVI в., содержащей в себе словарные по-правки и примечания, сделанные в период активного исправления церковных книг накануне реформы Никона и отражающие назревшую необходимость замены старославянских и греческих слов соответствующими русскими даже в произве-

дениях церковной литературы.

В остальных докладах, посвященных проблемам лексики, значительное внимание было уделено той роли, какую в формировании русского национального языка сылексика **п**внрыккони В. М. Тамань «О польском влиянии на литературный язык Московской Руси»-Ленинград), территориально-диалектная (доклад канд. филол. наук М. Г. Б улахова «Московский летописный свод конца XV в. как памятник русского литературного языка»—Минск), народно-разговорная и просторечная (доклад канд. филол. наук В. П. Фелицыной «Лексика русских пословиц XVII в.» — Ленинград).

Проблемам синтаксиса посвятили свои доклады на конференции проф. Э. И. Коротаева (Ленинград), преподаватель Воро-

нежского университета Б. В. Кривенко, Г. А. Качевская филол. наук канд.

(Ленинград).

Э. И. Корогаевой В докладе «Наблюдения над синтаксическими явлелитературного языка XVII столетия» был освещен вопрос о взаимодействии традиции церковно-книжного и делового письменного языка в синтаксисе простого предложения. Наряду с использованием деепричастия в соответствии со сложившейся в более позднее время нормой русского литературного языка, в памятниках XVII в. встречаются отдельные пережиточные явления старой системы «аппозиция» причастных форм, включение подлежащего внутрь деепричастного оборота, соединение деепричастий с глагольным сказуемым посредством сочинительных союзов и т. д.). Докладчиком была сделана попытка установить синтаксическую типологию отдельных литературных жанров: цепное нанизывание предложений, длинные ряды однородных членов и обилие неопределенно-личных предложений в сочинениях Григория Котошихина; интонационно-обособленные, вставочные и вводные конструкции в Житии протопопа Аввакума; тесная связь прямой речи с авторским текстом и явления эмоционального синтаксиса в творчестве Симеона Полоцкого, свидетельствующие о стремлении этого писателя приспособить церковнославянский язык к растущим запросам новой общественной жизни.

В докладе Б. В. Кривенко «Наблюдения над употреблением глагольного сказуемого в языке первой половины XVIII в.» было отмечено, что к XVIII в. за немногими исключениями уже сложились основные типы глагольного сказуемого русского литературного языка.

В докладе «Старое и новое в синтаксических конструкциях XVI в. (Из истории сложноподчиненного предложения в русском литературном языке по материалам "Стоглава" и "Судебника" Ивана Грозного 1550 года)» канд. филол. наук Г. А. К ачевская (Ленинград) остановилась на процессе развития разных типов подчинительной связи в синтаксисе сложного предложения как на явлении, характерном для формирования национального литературного языка.

Отдельные черты морфологического строя русского языка XVI - начала XVIII в. были охарактеризованы в докладах доц. Воронежского университета М. В. Федоровой «Черты, отличающие местоимения русского языка XVII-XVIII вв. древнерусских местоимений» и проф. ЛГУ М. А. Соколовой «О некоторых морфологических и синтаксических данных русского языка начального периода

формирования русской нации».

Большой интерес у участников конференции вызвали также доклады доцентов П. П. Плюща (Киев), А. А. Москаленко (Одесса), Ф. Ф. Медведева (Харьков) и канд. филол. наук Л. И. К оломиец (Харьков), посвященные проблемам складывания национального украинского языка.

В ряде выступлений прозвучала мысль о необходимости упорядочения терминологии в науке о русском литературном языке, установления четких хронологических рамок эпохи его формирования. А. А. Москаленко отметил, что в отдельных докладах на конференции начало этого периода было означено по-разному — и XV, и XVI, и XVII вв.

Доц. Вильнюсского ун-та И. Палиовыступлении указал на нис в своем назревшую необходимость четкого определения самого понятия «национальный язык», в понимании которого в науке до сих пор нет единства: одни ученые отождествляют литературный язык и национальный язык, другие усматривают в них различие, считая при этом основой национального языка литературный язык, который, в свою очередь, понимается по-разному, третьи — целиком разграничивают эти понятия.

Участниками конференции было высказано пожелание опубликовать материалы конференции в специальном выпуске.

> И. А. Старкова (Москва)

25 и 27 мая 1960 г. во время пребывания во Франции академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР профессора Московского университета академика В. В. Виноградова Институт слауниверситета вяноведения Парижского (L'Institut d'études slaves de l'université de Paris) организовал публичное чтение В. В. Виноградовым двух докладов, собравших многочисленную аудиторию французских филологов.

Поклады, получившие положительную оценку в парижской печати, а также в академических и университетских кругах, были прочитаны на следующие темы: 1) анализ стиля Н. С. Лескова, данный Ф. М. Достоевским; 2) два неизвестных рассказа Ф. И. Достоевского. Один из вновь найденных рассказов («Попрошайка»), принадлежность которых Достоевскому установил В. В. Виноградов, передан докладчиком для напечатапия в «Revue des études slaves».

Ф. К.

книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию

Информационный бюллетень ЮНЕСКО.—

1960, N₂№ 73—76.

Киргизский гос. ун-т. VIII научная конференция. Секция русской филологии (Тезисы докладов). — Фрунзе, 1959. 66 стр.

Русское языкознание в Киргизии (1946— 1958). Указатель литературы.— Фрунзе, 1960. 37 стр.

Сборник статей по германской филологии кафедры иностранных языков (Магнитогорского гос. пед. ин-та). — Магнито-

горск. 1959. 68 стр.

Тезисы докладов на VIII научной конференции профессорско-преподавательского состава Киргизского гос. ун-та (секция педагогических наук, секция иностранных языков).— Фрунзе, 1959. 26 стр.

Ученые записки Ин-та языка и литературы Молдавского филиала АН СССР. T. IX.— Кишинев, 1959. 192 стр. (на мол-

давском и русском языках).

А. И. Абражеев, П. А. Дани-лов, Р. И. Бигаев. Очерки по сопоставительной грамматике русского и узбекского языков. - Ташкент, 1960. 190 стр.

Т. В. Гамкрелидзе. Хеттский язык и ларингальная теория (Труды Ин-та языкознания АН Груз. ССР. Серия восточных языков. Т. III. 1960).— Тбилиси, 1960. Стр. 15—91 [отд. отт.].

В. Я. Плоткин. О причинах сдвига гласных в английском языке. (Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Т. IX, 1959.— Петрозаводск, 1960. Стр. 95—104 [отд.

отт.].

EOS. Commentarii Societatis philologae Polonarum.— Wrocław. Vol. L (1959-1960), fasc. 1. 236 стр.; fasc. 3. 178 стр.

филозофског факултета Годишњак Новом Саду. Кн. IV. — Нови Сад, 1959.

408 стр.

International journal of American linguistics. Pt. III. Vol. 26. № 3.— July 1960 (Publication thirteen of the Indiana university research center in anthropology, folklore and linguistics). (VIII + 118) стр. [ротапринт].

Probleme de lingvistică generala. Vol. I.— București, 1959. 172 crp.

Revue de linguistique.- Bucarest: T. I — 1956. 153 стр.; т. II — 1957. 136 стр.; Т. III — 1958, № 1. Стр. 1—116, № 2. Стр. 117—260; Т. IV — 1959, № 1. Стр. 1— 128, № 2. Crp. 129—285.

Slavia orientalis. Roczn. IX, №1.—Warsza-

wa, 1960. 224 crp.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Jg. 9 (1959— 1960). Hf. 3. Стр. 325—471 [Als Manuskript gedrucktl.

Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Bd. 11. Hf. Berlin, 1958. Ctp. 105—288.

Zpravodaj. Mistopisné komise ČZAV. Ročn. I, číslo 3, Červen 1960.— Praha. 193 стр. [ротапринт].

E. Delavenay. An introduction to machine translation.— London, 1960. (X + + 144) стр.

M. A. K. Halliday. The language of the Chinese «Secret history of the Mongols».— Oxford, 1959. (XVI + 235) crp.

H. Mihaescu. Limba latina în provinciile Dunărene ale Imperiului Roman. -[Bucuresti], 1960. 328 стр. + 3 карты.

F. Mikuš, La syntagmatique et les langues dites monosyllabiques. [Bulletin de la société de linguistique de Peris. T. 54 (195!). Fasc. 1. Ctp. 149—161] [отд. отт.] W. Pollak. Studien zum «Verbalaspekt»

im Französischen. — Wien, 1960. 236 crp. M. Rădulescu. Originalul slav al «Evangheliei cu învățatură» a diaconului

Coresi. — Bucuresti, 1959. 92 стр. + фотографии текста евангелия.

V. Šmilauer. Osídlení Čech ve světle-

místnich jmen. — Praha, 1960. 391 стр. + 1 карта. C. Tagliavini. Le origini delle lin-

gue neolatine.— Bologna, 1959 (XXX +

+ 596) стр.

O. G. Tailleur. Les uniques données sur l'omok, langue éteinte de la famille youkaghire. (Orbis. T. VIII, № 1, 1959. Стр. 78—108) [отд. отт.].

O. G. Tailleur. Plaidouer pour le youkaghir, branche orientale de la famille ouralienne. (Lingua. Vol. VIII, 4, December 1959.— Amsterdam. Стр. 403—423) [отд.

O. G. Tailleur. Un îlot basco-caucasien en Sibérie: Les langues iénisséiennes. (Orbis. T. VII, № 2, 1958.— Louvain. Стр. 415—427) [отд. отт.].

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Випоградов (Москва). Об омонимии и смежных явлениях	3
дискуссии и обсуждения	
С. К. III а у м я н (Москва). Двухступенчатая теория фонемы и дифференциальных элементов	18 35 40 45
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Д. Н. Ш мелев (Москва). О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке	47 61 68 76 80 85 89
прикладное и математическое языкознание	
А. А. Реформатский (Москва). Транслитерация русских текстов латинскими буквами	96 104
ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
А. И. Смирницкий. Звучание слова и его семантика	112
ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ	
Эмиль Эман (Хельсинки). Об омонимии в немецком языке	117
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
(Рецензии	
Р. Ф. Микуш (Задар). Структуральный синтаксис Л. Теньера и синтагматический структурализм	125 140
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Т. П. Ломтев (Москва). Письмо в редакцию	145
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Над чем работают ученые	148 149 158

SOMMAIRE

Articles: V. V. V i n o g r a d o v (Moscou). Sur l'homonymie et problèmes alliés; Discussions: S. K. Š a u m j a n (Moscou). La théorie biphasée de la phonème et des éléments différentiels; V. l. G e o r g i e v (Sofia). La mutation des consonnes occlusives en arménien et problèmes de l'ethnogenèse des Arméniens; Sur la formation des langues nationales littéraires des slaves d'est; Matériaux et notices: D. N. Š m e l e v (Moscou). Sur les constructions syntactiques «unifiées» en russe; M. I. S t e b l i n - K a m e n s k i (Léningrad). Les différences dialectales en islandais; V. V. P a s s e k (Moscou). Sur l'homonymie des suffixes grammaticaux (désinences) en anglais; V. M. P r o r o k o v a (Moscou). Quelques péculiarités de l'homonymie en allemand; I. S. T i š l e r (Serov). Sur le sort des homonymes; M. M. F a l k o v i č (Moscou). Sur l'homonymie et la polysémie; V. A. N i k o n o v (Moscou). Langues inconnues parlées le long de la rivière Oka; Linguistique appliquée et mathématique: A. A. R e f o r m a t s k i (Moscou). Translitération des textes russes au moyen des caractères latins; E. V. P a d u č e v a (Moscou). Sur la description du système des cas nominaux russes; De l'histoire de la linguistique: A. I S m i r n i c k i, La phonation du mot et sa sémantique; Matériaux publiés dans les périodiques étrangers: E. Ö h m a n n, Sur l'homonymie en allemand; Critique et bibliographie; Lettres à la rédaction: P. T. L o m t e v (Moscou). Lettre à la rédaction; Vie scientifique: Plans du travail des savants; Chronique.

CONTENTS

Articles: V. V. Vinogradov (Moscow). On homonymy and related problems; Discussions: S. K. Šaumjan (Moscow). The two-stage theory of the phoneme and of the differential elements; V. I. Georgiev (Sofia). The mutation of occlusive consonants in Armenian and problems of the ethnogenesis of the Armenians; On the formation of East Slavonic national literary languages; Materials and notes: D. N. Šmelev (Moscow). On «connected» syntactic constructions in Russian; M. I. Steblin-Kamenski (Leningrad). Dialectal differences in Icelandic; V. V. Passek (Moscow). On the homonymy of grammatical suffixes (endings) in English; V. M. Prorokova (Moscow). Some peculiarities of homonymy in German; I. S. Tišler (Serov). On the fate of homonyms; M. M. Falkovič (Moscow). On homonymy and polysemy; V. A. Nikonov (Moscow). Unknown languages spoken along the river Oka; Applied and mathematical linguistics: A. A. Reformatski (Moscow). Transliteration of Russian texts by means of Latin characters; E. V. Padučeva (Moscow). On the description of the case system of Russian nouns; From the history of linguistics: A. I. Smirnick, The phonation of the word and its semantics; From foreign periodicals: E. Öhmann. On homonymy in German; Critics and bibliography; Letters to the editorial office: P. P. Lomtev (Moscow). Letter to the editorial office; Scientific life: Working-plans of scientists; Chronicle.

Технический редектор Д. А. Фрейман-Крупенский

T-10592	одписано к печ	ати 16/IX :	1960 г.	Тираж 548	5 экз. — Заказ 796
Формат бумаги		Бум. л. 5		13,7+1 вкл.	
2-я типография	Издательства	Академии	наук ССС	Р. Москва,	Шубинский пер., 10

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ РУССКИХ ТЕКСТОВ ЛАТИНСКИМ АЛФАВИТОМ

1		сводная табли											
ก≽ัทงิ п/п	Буквы рус- ского алфа- вита	AH CCCP 1951—1957	AH CCCP 1906—1925	AH CCCP 1939	ISO TC 46 1954 r.	Библио- тека Кон гресса (США) и	Русское Геогра- фич. об-во 1911	OCT BKC № 8483 1935	Поправки и ОСТ'у № 8483 Теплова 1951 (обозначает	пера	1111	Проекты латинизации русского алфавита (20-е годы)	
N ₃ N	Бун ског		AH 1906	•		RGS	1911		мя кость сог- ласных)		Janem ropa	влев	рин
1	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a
2	б	b	b	b	b	b	b	b	b b	b	b	b	b
3	6	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v
4	г	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g
5	ð	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d
6	e	е после согласных је в начале слова, после гласных, ъ и ь	e je	е после со- гласных је в осталь- ных случаях	e	e	e	е после со- гласных је после глас- ных и в нача- ле слова	$egin{array}{c} e \ ye \end{array}$	e	e	e	e
7	ë	'0 после согласных (кроме ч, ш, ж, ш) 0 после ч, ш, ж, щ јо в начале слова, после гласных, ъ и ь	io jo	о носле ж, ч, ш, щ јо в остальных случаях	ë	_		jo	o yo		_	ő(jo)	ô(jo)
8	ж	ž	ž	ž	ž	zh	<u> </u> j	zh	j	j	$\frac{ }{ }$ zh	z	ž
9	8	z	z	<u>z</u> .	z	· z		z	z	z	z	z.	z
10	u	і в начале слова, после гласных и согласных ji после ь	i ji	јі после ь і в осталь- ных случа- ях	i	i	i	i	i yi	i	i	į	i
11	й	i	i	j	i		i	i	y	i	i	j	j
12	к	k	k	k	k	k	k	k	k	k	k	k	k
13	л	l	l	l	l	l	l	l	ı	l	l	ı	l
14	м	m	m	m	m	m	m	m	m	m	m	m	$n\iota$
15	н	n	n	n .	n	n	n	n	n	n	n	n	n
16	o	o	0	o	o	0	0	o	0	o	o	С	o
17	n	p	p	p	p	p	p	P	p	p	p	p	p
18	p	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r
19	c	8	s	8	s	8	8	ε	s	8	S	s	8
20	m	t	t	t	t	t	t	t	t	t	i	t	t
21	y	u	и	u	u	u	и	u	u	ou	u	u	u
22	ф	f	f	f	f	f	f	f	f	f	f	f	f
23	x	ch	ch	h	h (допус- кается ch и kh)	kh	ch	kh	kh	kh	kh	x	\boldsymbol{x}
24	ц	c	c	c	c	ts	tz	с (допускает- ся ts)	c	ts, tz	z (кур- сивный)	ç	c
25	u	č	č	č	č	ch	tsh	ch	ch	tsh	ch	c	č
26	ui	š	š	š	š	sh	sh	sh	sh	ch	sh	ş	š
27	щ	šč	šč	šč	šč	shch	stsh	sch	sh'	stch	sch	sc	β
28	ъ	опускается		,	"или"	4	,	ј' в конце слова; меж- ду двумя согласными может опус- каться	опускается	- <u></u>		опускается	опускается
29	ы	y	y	y	y	y	y	y	i	y	y	y	y
30	ъ	, в конце слова и перед согласными; опускается перед гласными	i	, перед е, ё, ю, я ј востальных случаях	'или'	• не обоз- начает- ся в кон- це слова	ј ј'перед е, и, ю,	ј в конце слова и менсту согласными может опускаться	' после ж, ч, ш; как раз- делитель- ный опус- кается	і в середине слова; в ос- тальных случаях опускается	j	i(j)	'(j)
31	э	e	e	e	ė	e	é	e	e	e	e	_	æ
32	ю	и после согласных ји в начале слова, после гласных, ъ	ju	ju	ju	ju	ju	ju	u yu	iou	ju	ú(ju)	$\hat{u}(ju)$
33	я	'а после согласных ја в начале слова, после гласных, ъ и ь	ĭa ja	ja	/a	ya	ja	ja	a ya	ia	ja	$\delta(ja)$	$\hat{a}(ja)$